

ЗАПИСКИ ИИМЗ РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 28

St. Petersburg
2023

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 28

Санкт-Петербург
2023

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2023. № 28. 180 с.
ISSN 2310-6557
Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2023.
No. 28. 180 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (главный редактор), В. А. Алёкшин, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), М. В. Медведева, А. К. Очередной, Н. И. Платонова

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, M. Yu. Vachtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), M. V. Medvedeva, A. K. Otcherednoi, N. I. Platonova

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Publishing group: L. B. Kircho, E. V. Novgorodskikh, V. Ya. Stegantseva

В № 28 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы Круглого стола «От Херсонеса до Боспора», проведенного в 2022 г. и посвященного памяти Е. Я. Рогова. В разделе «Новые исследования ИИМК РАН» изданы результаты исследований нового ашельского местонахождения на Тамани, а также археологические и нумизматические находки из памятников раннего Нового времени. В разделе «Из истории науки» впервые публикуется ряд архивных материалов из собраний Политехнического музея (Москва) и Научного архива ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейеведам, студентам исторических факультетов вузов.

The 28th issue of the “Transactions of IHMC RAS” opens with the materials of the Round Table “From Chersonesos to Bosphorus” held in 2022 and dedicated to the memory of E. Ya. Rogov. The section “Newest Discoveries of IHMC RAS” presents the results of the study of a new Acheulean locality on the Taman peninsula, as well as archaeological and numismatic finds from the sites of the Early Modern Period. The section “From the History of Science” contains papers dealing with the description and analysis of archive materials from the Polytechnic Museum (Moscow) and IHMC RAS (St. Petersburg), which are published for the first time.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОТ ХЕРСОНЕСА ДО БОСПОРА»

<i>Ю. А. Виноградов.</i> Памяти Евгения Яковлевича Рогова	7
<i>М. Ю. Вахтина.</i> Евгений Яковлевич Рогов — исследователь античных памятников Северного Причерноморья	9
<i>Е. Я. Туровский</i> (†). К вопросу о становлении Херсонесского полиса	17
<i>И. Ю. Шауб.</i> О погребениях в херсонесском подстенном склепе № 1012 и их интерпретации	23
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Об одной особенности взаимодействий кочевников с античными государствами Северного Причерноморья	36
<i>В. П. Толстиков.</i> Строительная история Пантикапея как источник для воссоздания военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V в. до н. э. Четвертый строительный период в истории Пантикапея	43
<i>А. Е. Терещенко.</i> О находке раннего пантикапейского диобола в пригороде Херсонеса Таврического	57
<i>А. М. Бутягин, В. П. Колосов, Н. М. Милихина.</i> Вопросы хронологии и стратиграфии «Западного зольника» Мирмекия	61
<i>С. В. Кашаев.</i> Амфоры из погребений в некрополе Артющенко-2	74
<i>А. В. Батасова.</i> Греческие керамические импорты в раннемеотских погребальных комплексах в Восточном Прикубанье и Закубанье	81
<i>И. А. Гараев.</i> Наконечники и втулки копий из погребений грунтового могильника Волна-1	92

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИИМК РАН

<i>В. Е. Щелинский.</i> Ашельское местонахождение Мыс Каменный на Таманском полуострове в контексте изучения нижнего палеолита Кавказского региона	102
<i>П. А. Миляев, К. В. Шмелев.</i> О находке навершия фуркета в Северо-Западном Приладожье	119
<i>К. В. Горлов, А. Н. Масловский, П. Н. Яглов.</i> Кошелек с проволочными монетами Петра I из состава воинского захоронения города Азова	130

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Р. В. Пахомов, А. И. Кельсиев</i> — археолог, этнограф и музейный деятель (по материалам фонда 100 Политехнического музея)	144
<i>К. В. Конончук, Д. С. Филимонова.</i> Склад древностей в составе РАИМК/ГАИМК. История научно-вспомогательного учреждения (1919–1930 годы)	160
<i>Ю. А. Виноградов, С. А. Семёнов-Зусер</i> и Таманская экспедиция ГАИМК	170
Список сокращений	177

CONTENTS

ROUND TABLE “FROM CHERSONESOS TO BOSPORUS”

<i>Yu. A. Vinogradov</i> . To the memory of Evgeny Yakovlevich Rogov	7
<i>M. Yu. Vakhtina</i> . Evgeny Yakovlevich Rogov, the researcher of antique sites of the North Black Sea region	9
<i>E. Ya. Turovsky (†)</i> . To the question of the formation of the Chersonesos polis	17
<i>I. Yu. Schaub</i> . Reflections on the burials in under-wall crypt No. 1012 in Chersonesos and their interpretation	23
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . On one peculiarity of interactions between the nomads and antique states of the North Black Sea region	35
<i>V. P. Tolstikov</i> . Building history of Panticapaeum as a source for reconstructing the military and political situation on Bosphorus in the late VI — early V c. BC. Fourth construction period in the history of Pantikapeum	43
<i>A. E. Tereshchenko</i> . On the find of a diobol in the immediate environs of Tauric Chersonesos	57
<i>A. M. Butyagin, V. P. Kolosov, N. M. Milikhina</i> . Questions of chronology and stratigraphy of the “Western zolnik” of Myrmekion	61
<i>S. V. Kashaev</i> . Amphorae from the necropolis of Artyushchenko-2	74
<i>A. V. Batasova</i> . Greek ceramic imports in the Early Maeotian burial assemblages of the East Kuban and Trans-Kuban regions	81
<i>I. A. Garaev</i> . Spear heads and counter-weighs from the flat burial ground of Volna-1	92

NEWEST DISCOVERIES BY IHMC RAS

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Acheulean locality of Mys Kamenny on the Taman peninsula and the Lower Paleolithic of the Caucasian region	102
<i>P. A. Milyaev, K. V. Shmelev</i> . About the discovery of the head of a fourquet in the Northwestern Ladoga region	119
<i>K. V. Gorlov, A. N. Maslovsky, P. N. Yaglov</i> . A purse with Peter the Great wire coins from a military burial at Azov	130

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>R. V. Pakhomov</i> . A. I. Kelsiev — archaeologist, ethnographer and museum worker (based on the materials of fond 100 of the Polytechnic Museum)	144
<i>K. V. Kononchuk, D. S. Filimonova</i> . Repository of Antiquities in the structure of the Russian/State Academy for the History of Material Culture. A history of an auxiliary scientific institution (1919–1930)	160
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . S. A. Semenov-Zuser and the Taman Expedition of the State Academy for the History of Material Culture	170
List of abbreviations	177

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ОТ ХЕРСОНЕСА ДО БОСПОРА»

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВИЧА РОГОВА

Ю. А. ВИНОГРАДОВ¹

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-7-8

Многие научные мероприятия 2021 и, отчасти, 2022 г., связанные с античной археологией в нашей стране, были посвящены памяти Евгения Яковлевича Рогова (28 мая 1951 г. — 15 июля 2001 г.). На 2021 г. пришлось 70-летие выдающегося исследователя и 20-летие его ухода из жизни. Эти даты были отмечены важными научными изданиями: в Керчи к ним был приурочен очередной том «Боспорских исследований» (2021. Вып. 43), в Санкт-Петербурге — выпуск «Археологических вестей» (2022. № 35).

В начале июня 2022 г. в стенах нашего Института был проведен Круглый стол «От Херсонеса до Боспора», посвященный памяти Е. Я. Рогова. В нем приняли участие антиковеды из Москвы, Саратова, Севастополя и, конечно, Санкт-Петербурга. Представленные тогда доклады стали основой для выпуска «Записок ИИМК РАН», который читатель держит в руках.

Следует обратить внимание, что название этого мероприятия — «От Херсонеса до Боспора» — не совсем точно отражает круг научных интересов Е. Я. Рогова, сильно сужая их размах. Мне порой казалось, что он не знал границ, ставя перед собой задачи, которые обычному человеку явно не по силам. Увлеченный изучением древнегреческих некрополей, Евгений с энтузиазмом воспринял приход в нашу жизнь компьютерной техники и мечтал о том, чтобы с ее помощью создать каталог всех античных погребений, при этом не только Боспора или Северного Причерноморья в целом (что само по себе грандиозно!), но всего бассейна Черного и Средиземного морей.

География полевых археологических работ Е. Я. Рогова тоже не сводилась к обозначенным двум греческим государствам, хотя и составляла их сердцевину. Она была гораздо шире и в западном, и в восточном направлениях. В отношении западного вектора, конечно, не следует забывать о его раскопках на сельской округе Ольвии, где было сделано немало важных открытий, в числе которых отмечу лишь раннюю оборонительную систему на поселении Козырка 12. А как много замечательных задумок не удалось реализовать! Евгений был непревзойденным полевым археологом; он мог успешно раскрыть самые сложные объекты, перед которыми другие специалисты стыдливо пасовали...

Восточная археология — особая страница в судьбе Е. Я. Рогова. Волей или неволей (скорей неволей, чем волей) ему пришлось на протяжении многих лет ранней весной отправляться на юг Туркмении, в предгорья Копетдага и раскапывать там памятники, связанные с культурой ранних земледельцев. Он был не просто помощником начальника экспедиции А. Я. Щетенко, но его правой, да и левой рукой. Там Евгений открывал такие археологические комплексы, которые до него никому не удавалось обнаружить. Все-таки такая его способность — это больше, чем простое мастерство.

¹ Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Виноградов Ю. А., 2023.

Необходимо подчеркнуть, что круг научных интересов Е. Я. Рогова отнюдь не ограничивался античной археологией или проблемами греко-варварских контактов в Северном Причерноморье. Его волновали вопросы демографии, экологии, этнографии. Он был одним из немногих антиковедов, с огромным вниманием подошедших к изучению проблем номадизма. В соседстве греческих государств северного берега Понта с кочевниками Евгений видел одну из причин своеобразия развития греческой цивилизации в условиях Северного Причерноморья. Е. Я. Рогов живо интересовался философскими проблемами истории. Готовясь к кандидатскому экзамену по этому предмету, он написал реферат «Война как способ производства», который заслужил похвалы у специалистов, хотя с изучением «научного коммунизма» у него возникали очень большие, мягко говоря, непонимания...

Ранний уход Е. Я. Рогова из жизни стал огромной трагедией для родных, близких и многочисленных друзей. Без преувеличения надо сказать, что он трагичен для всей нашей археологической науки. Сейчас, конечно, можно подумать (помечтать) о том, какие важные открытия Евгений мог бы сделать в поле за прошедшие 20 лет, какие публикации вышли бы из-под его пера. Но особого смысла в этом нет...

Выпуск очередных «Записок ИИМК РАН» является знаком глубочайшего уважения великолепному археологу и прекрасному другу — Евгению Яковлевичу Рогову. Светлая ему память!

ЕВГЕНИЙ ЯКОВЛЕВИЧ РОГОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

М. Ю. ВАХТИНА²

Ключевые слова: Евгений Яковлевич Рогов, античные памятники, Северное Причерноморье, полевые исследования.

Е. Я. Рогов, более 20 лет назад завершивший свой земной путь, был выдающимся исследователем классических древностей (рис. 1). Много внимания он уделял экспедиционным изысканиям, заслуженно считаясь одним из лучших полевиков в области античной археологии. Он участвовал в работах и руководил раскопками целого ряда экспедиций, изучавших опорные, ключевые памятники Северного Причерноморья. Выводы и наблюдения, полученные в результате этих исследований, легли в основу научных концепций, позволивших приблизиться к пониманию особенностей материальной культуры греческих переселенцев во всем ее многообразии. Археолог-универсал, Е. Я. Рогов умел работать с самыми разными поселенческими и погребальными структурами на территориях античных центров и их периферии (рис. 2–5). Полевые отчеты, хранящиеся в Научном архиве ИИМК РАН, дают представление о значимости его исследований и содержат материалы, заслуживающие дальнейшего изучения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-9-16

Во вступительной статье к сборнику, изданному к 70-летию со дня рождения Е. Я. Рогова (рис. 1) и 20-летию со дня его трагической гибели, говорилось и о том, сколь одаренным был этот человек в области полевых исследований. Отмечался, в частности, широкий ареал его экспедиционной деятельности — от Северо-Западного Причерноморья до Копетдага (Вахтина, Виноградов 2022: 9). Многие из активно работающих сейчас исследователей среднего и старшего поколений, без всякого сомнения, прекрасно помнят работу Евгения Яковлевича в поле. Те, кто моложе, кому не довелось с ним работать, к сожалению, не смогут в полной мере оценить его таланта и одаренности как археолога-полевика. Диапазон памятников, которые «прошли через его руки», был обширен. Где он только ни копал! Он был универсалом — прекрасно справлялся с объектами любого типа, будь то поселенческие структуры или же погребальные комплексы. Он считал, что нет плохих, неинтересных памятников, а есть плохие, неинтересные исследователи. В поле он делал многое (если не все!) своими руками — чертил, рисовал, фотографировал, клеил и гипсовал керамику, работал, казалось, со всеми видами приборов... И очень любил поговорку «Глаза боятся,

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZ-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Вахтина М. Ю., 2023.

Рис. 1. Е. Я. Рогов (одна из последних фотографий; из архива С. В. Кашаева)

Fig. 1. E. Ya. Rogov, one of the last photographs (from S. V. Kashaev's archive)

а руки делают» — так он приговаривал, осваивая какой-либо новый навык.

Сейчас кажется символичным, что наше знакомство с Евгением в студенческие годы состоялось в поле — ранней осенью 1973 г., под Новочеркасском, в кафедральной экспедиции, которой руководил Л. С. Клейн. В то время Женя уже успешно работал на раскопках Панского 1 в Северо-Западном Крыму под руководством А. Н. Щеглова. Сам Александр Николаевич был блистательным полевым исследователем, создателем особой методики, которую постоянно совершенствовал. Как известно, он длительное время искал однослойное, относительно недолго существовавшее поселение (обязательно с некрополем), жизнь на котором была внезапно прервана катастрофой, такое, где можно было бы испробовать разрабатываемые им методы. Выбранное им на роль «эталонного поселения» Панское 1 соответствовало всем предъявленным критериям. Как уже было отмечено, здесь «сложился выдающийся научный тандем: А. Н. Щеглов и Е. Я. Рогов — учитель и ученик. <...> Е. Я. Рогову удалось не только постигнуть, но и усо-

вершенствовать методы полевой археологии, воспринятые им от А. Н. Щеглова. Благодаря непревзойденной методике раскопок Евгения Яковлевича, почти сверхъестественному пониманию памятника, тонкому ощущению культурного слоя на Панском 1 было сделано немало ценнейших археологических открытий, памятник стал эталонным для античного Северного Причерноморья. Некрополь Панского был любимым „детищем“ Евгения Яковлевича» (Вахтина, Виноградов 2011: 4). Работать на могильнике Евгений начал еще в студенческие годы. Некрополю поселения Панское 1 были посвящены его курсовые работы, а по окончании Университета — и дипломное сочинение. По прошествии многих лет он подготовил и защитил 22 апреля 1998 г. на ученом совете ИИМК РАН диссертацию «Некрополь Панское 1 и его место среди некрополей IV–III вв. до н. э. в Северном Причерноморье», которая была издана в виде монографии уже после его смерти (Рогов 2011).

Поэтому совершенно справедливо деятельность Е. Я. Рогова на Панском ассоциируется прежде всего с раскопками могильника (рис. 2). Однако он весьма успешно работал и на самом поселении. В его письменном столе сохранился дневник 1981 г., посвященный раскопкам усадьбы 7 («семерки»). Записи и рисунки сделаны простым карандашом, как было принято в те годы (рис. 3). На последних страницах отражена хозяйственно-организационная деятельность, всем, наверное, хорошо знакомая. В частности, представлен список имевшихся в распоряжении экспедиции палаток — приведен их перечень, указаны количество, вместимость, принадлежность и состояние («хорошие», «ветхие», «рваные»). Работал он и на раскопках усадьбы 13. В Фотоотделе НА ИИМК РАН хранится серия фотографий, запечатлевших разные этапы раскопок этого комплекса, прекрасно иллюстрирующих применявшуюся на Панском методику раскопок. Приведем здесь три снимка, отражающие самое начало работ (рис. 4). После проведения геофизических исследований сначала на всей площади усадьбы был снят дерновый слой, затем выбран грунт до основания стен

Рис. 2. Некрополь Панское 1, раскопки кургана (фото из архива С. В. Кашаева)

Fig. 2. Necropolis of Panskoe 1, excavations of a barrow (photo from S. V. Kashaev's archive)

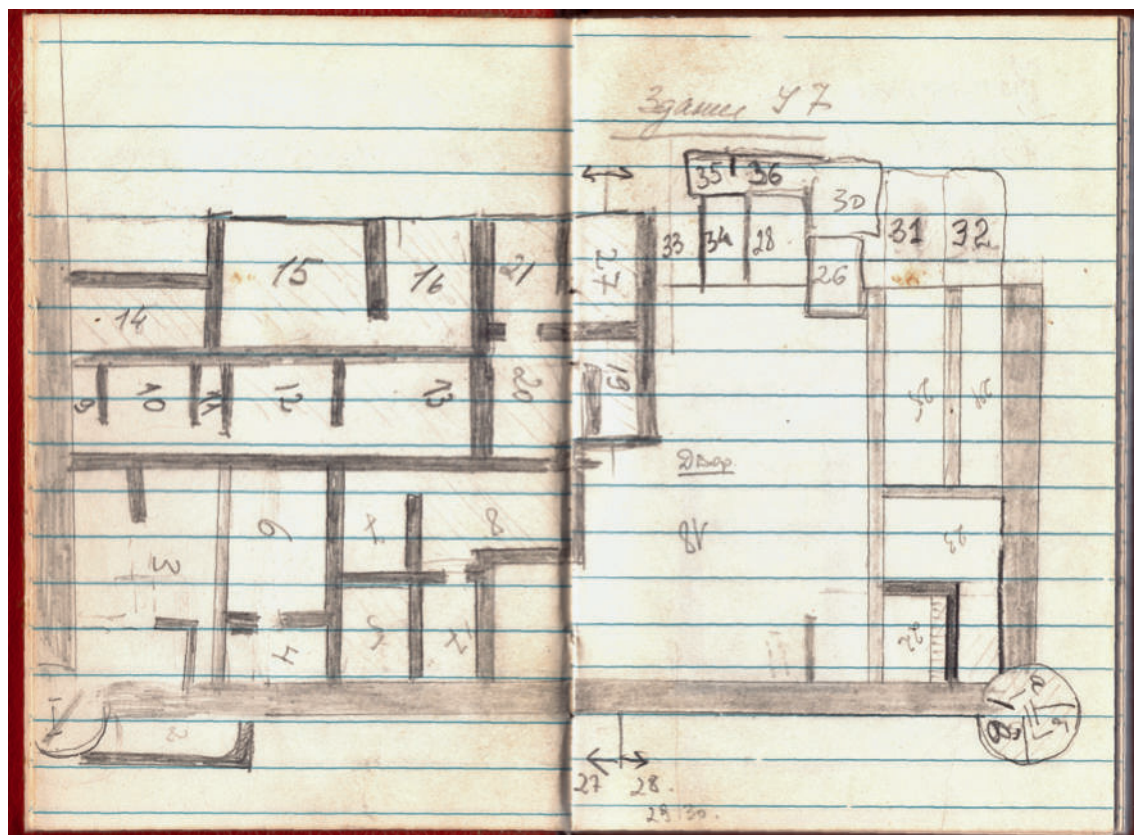

Рис. 3. Панское 1, усадьба 7, план (раскопки 1981 г.; из полевого дневника Е. Я. Рогова)

Fig. 3. Panskoe 1, plan of homestead 7, 1981 excavations (from E. Ya. Rogov's field notebook)

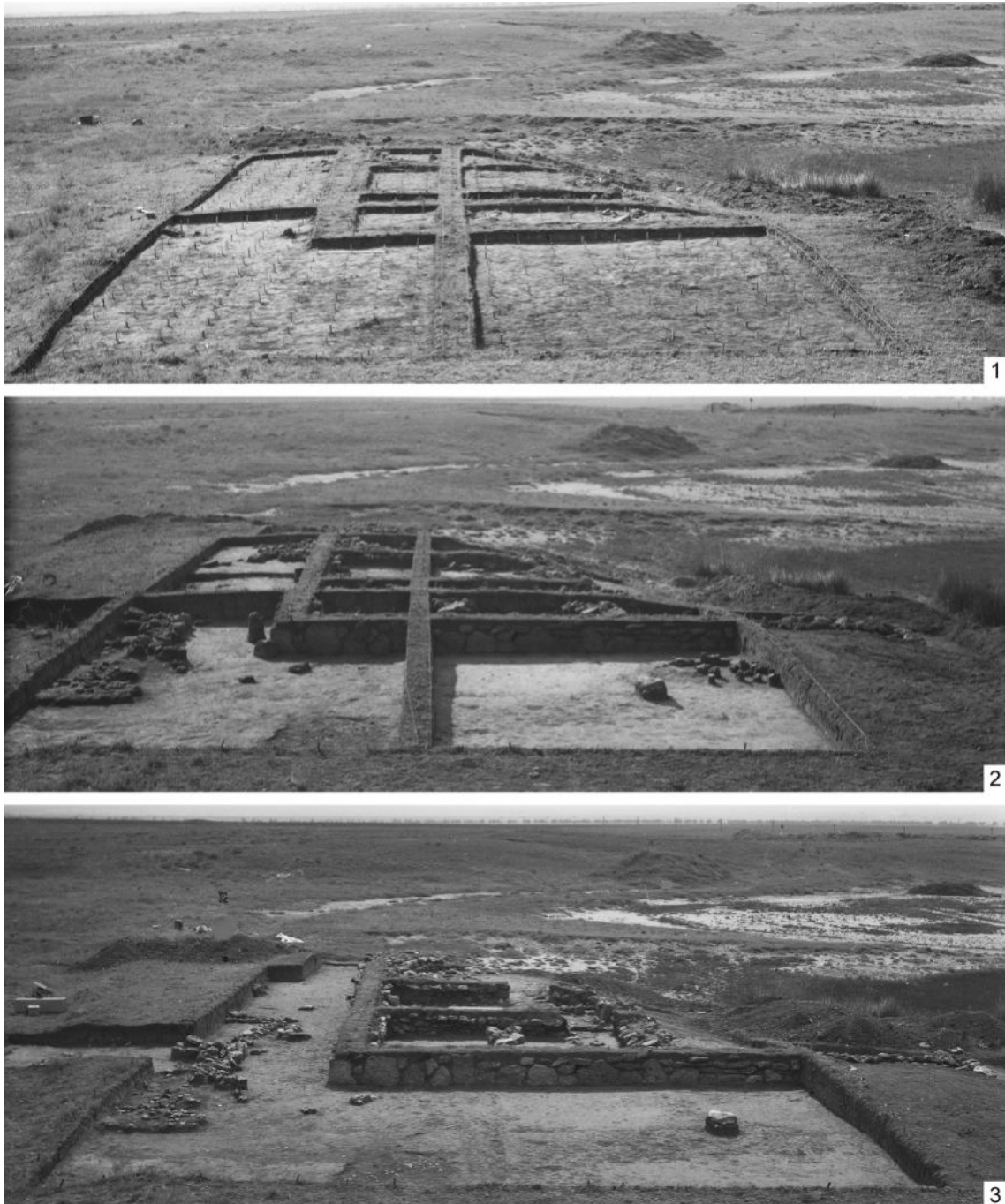

Рис. 4. Панское 1, усадьба 13, начало раскопок (НА ИИМК РАН. ФО: 1 — нег. I 92686; 2 — нег. I 926873; 3 — нег. I 92688)

Fig. 4. Panskoe 1, homestead 13, start of excavations (Scholarly Archive of IHMC RAS, Photographic Division: 1 — negative I 92686; 2 — negative I 926873; 3 — negative I 92688)

и разобраны развалы камней. На третьем фото разобраны бровки и зачищены кладки профилией стен. Фиксация строительных остатков и находок в экспедиции всегда велась самая строгая. О камеральной обработке материалов Панского уже в то время ходили легенды: без всякого сомнения, она делалась на высочайшем уровне. Здесь, как и на раскопах, разрабатывались методы и подходы, с успехом применявшиеся в дальнейшем в других античных экспедициях.

Е. Я. Рогов много и успешно работал в Нижнем Побужье, в частности, принимал участие в работах на Березани под руководством Я. В. Доманского. Успешно работал он и на хоре Ольвии, как под руководством К. К. Марченко, так и самостоятельно. Исследованные им памятники, полученные в результате раскопок данные существенно расширили наши знания о структуре сельской округи этой важнейшей греческой колонии, облике и времени существования конкретных поселений, составе и хозяйственной деятельности их жителей. Упомянем исследования поселения Козырка 12, давшие интереснейшие результаты³. Здесь на большой площади исследовались объекты совершенно другого типа, в том числе сырцово-земляные конструкции, выявление и фиксация которых требуют особой тщательности (рис. 5).

Заслуживает упоминания и участие Евгения Яковлевича Рогова в раскопках Елизаветовского поселения на Нижнем Дону, где он работал в 1980-е гг. Опыт раскопок и работы с самыми разными структурами позволили ему первому «заметить» остатки греческой колонии на этом варварском поселении. До него их просто уничтожали, сосредоточив внимание на скифском слое, залегавшем ниже. Евгений выявил фрагмент выборки еле видимой кладки и остановил движение вглубь, начав делать прирезку, расширяя раскоп на этом уровне. Это не могло ни привлечь внимание руководителя экспедиции К. К. Марченко, который попросил объяснений. В ответ на просьбу Евгения дать возможность «разобраться» с открываемыми остатками, Константин Константинович, пойдя ему навстречу, отвел на это фиксированное время (по моим воспоминаниям, это было три рабочих дня) и попросил обосновать концепцию. За это время Женя успел расширить раскоп, выявить трассы стен и проследить планировку строительного комплекса. Он первоначально интерпретировал обнаруженные им строительные остатки как античную усадьбу, по аналогии с хорошо ему знакомыми усадьбами Тарханкута. К. К. Марченко принял это объяснение. В результате началось внимательное изучение верхнего горизонта памятника, что вскоре привело к открытию нового греческого поселения — боспорской колонии в дельте Дона. Вот как кратко упомянули об этом в вышедшей позже коллективной монографии авторы раскопок: «...здесь до самого последнего времени не удавалось обнаружить бесспорных следов постоянного греческого селтлемента. Его присутствие лишь предполагалось. Положение дел начало меняться только с 1982 г., когда Южно-Донская экспедиция ИИМК РАН внесла ряд существенных корректив в методику исследования памятника и перешла от тотальной разборки всей свиты культурных напластований к планомерному и широкомасштабному изучению самого верхнего, т. е. наиболее позднего, горизонта слоев городища» (Марченко и др. 2000: 248).

В сложные 1990-е гг., когда Ольвийское направление было потеряно нашим Институтом, а российские экспедиции в Крыму работали в трудной обстановке, Евгений Яковлевич Рогов (вместе с С. Л. Соловьёвым и Ю. А. Виноградовым) был одним из первых петербургских археологов, совершивших разворот в сторону Тамани. Это было очень непросто в силу целого ряда причин. По словам замечательного исследователя Таманского п-ва Я. М. Паромова, «В археологической практике на Тамани постсоветского времени можно

³ Материалы археологических исследований Е. Я. Рогова на хоре Ольвии, хранящиеся в НА ИИМК РАН, являются ценным источником, и, надеемся, в будущем будут изучены в полной мере (см., напр., Гиблова 2022).

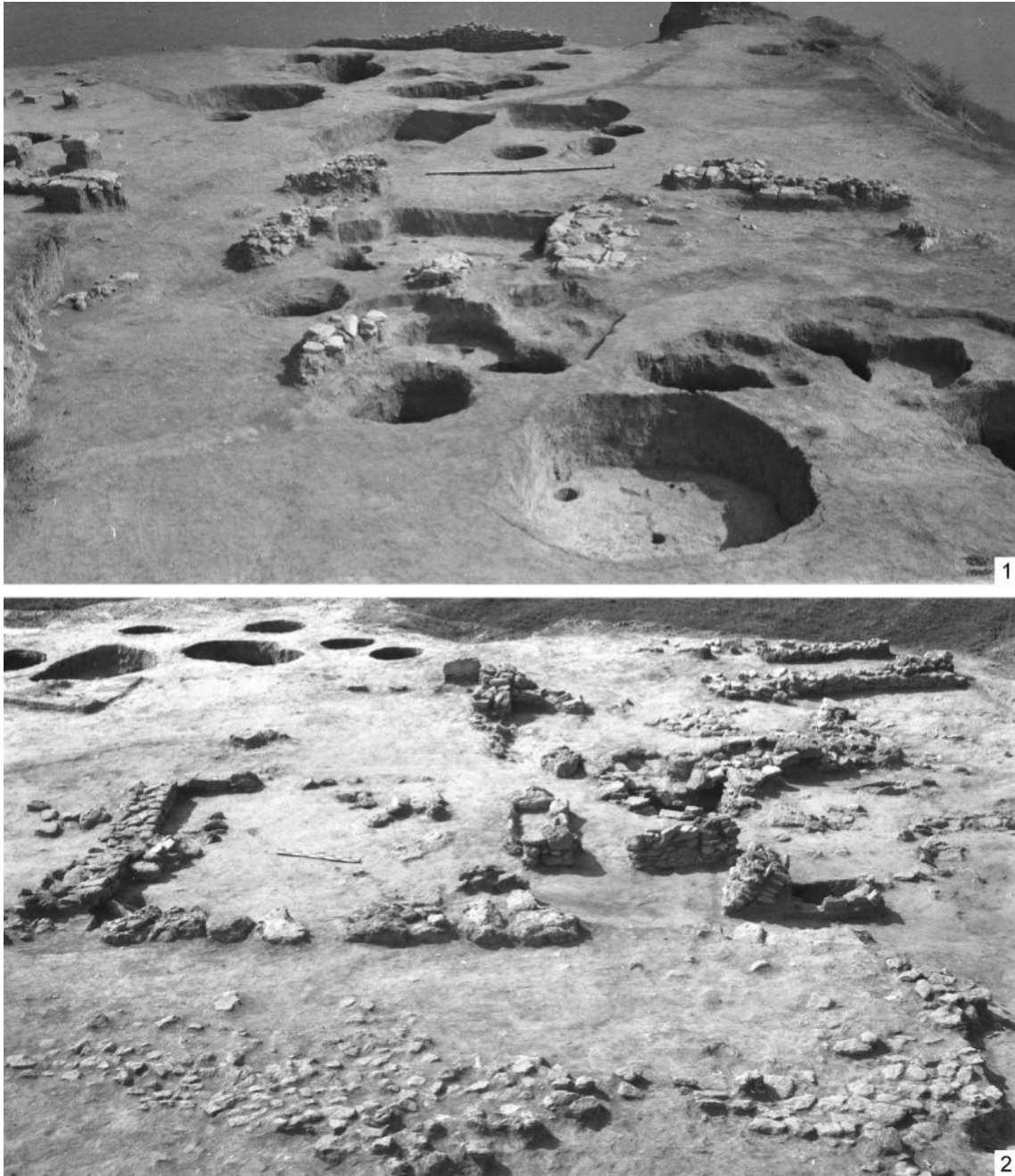

Рис. 5. Поселение Козырка 12, раскопы I-II (НА ИИМК РАН. ФО: 1 — нег. I 124639; 2 — нег. I 124891)

Fig. 5. Kozyrka 12 settlement, trenches I-II (Scholarly Archive of IHMC RAS, Photographic Division: 1 — negative I 124639; 2 — negative I 124891)

выделить три этапа. Первый, условно называемый эпохой депрессии, охватывает 1992–2000 гг. и отличается снижением общего числа экспедиций почти на треть: с 11 — в 1991 г. до 7 — в 1993 г.» (Паромов 2020: 231). В 1996 г. совместная экспедиция ИИМК и Эрмитажа начала работы на поселении Волна-1. В 1998–2000 гг. Е. Я. Рогов вел работы по своему Открытому листу, возглавив Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК (Там же: 240). В сложнейших условиях он начал исследования поселений Артющенко-2 и Вышестеблиевская 11, успешно продолженные впоследствии С. В. Кашаевым.

Евгений Яковлевич был полон планов расширения исследований нашего отдела на Тамани, понимая перспективность этого направления. Однако, как нам кажется, часть его души оставалась в Северо-Западном Крыму. Он мечтал когда-либо продолжить работы на Панском. Вернуться на короткое время к исследованиям на хоре Херсонеса ему удалось в середине 1990-х гг., когда он получил приглашение работать консультантом в совместной экспедиции Института классической археологии Университета Техаса (США) и Херсонесского заповедника. Его участие высоко оценил проф. Дж. Картер, руководивший американской группой, с которой, в основном, и работал Евгений Яковлевич. В разбираемых участниками экспедиции огромных каменных развалах на месте существования античных усадеб, похоже, только он мог проследживать и выявлять кладки стен...

Как видно даже из этого краткого очерка, экспедиционная деятельность Евгения Яковлевича Рогова, одного из лучших античников-полевиков, охватывала три основных региона Северного Причерноморья, куда в древности из Эгеиды устремлялись потоки переселенцев и где располагались основные античные центры — Побужье-Приднепровье, Западный Крым и район Керченского пролива (Боспорский регион). Открытия, сделанные в результате этих работ, очень часто ложились в основу новых выводов, гипотез и концепций. Мы уже упоминали выше книгу, обобщающую исследования некрополя поселения Панское 1 (Рогов 2011), результаты собственных исследований Евгения Яковлевича вошли и в раздел «Греки и варвары в Западном Крыму» (Рогов 2005), написанный для коллективной монографии отдела истории античной культуры ИИМК РАН.

Евгений Яковлевич Рогов оставил после себя яркие археологические открытия, материалы его экспедиций содержат много интересного и нуждаются в дальнейшем изучении. Те, кому довелось работать с ним в поле, хранят добрую память о нем как о талантливом, скромном, трудолюбивом и неутомимом исследователе античных памятников.

Литература

- Вахтина, Виноградов 2011 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. О книге Е. Я. Рогова // *Рогов Е. Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму*. Симферополь: Центр археологических исследований благотворительного фонда «Деметра», 2011. С. 4–7 (МАИЭТ. Suppl. 10).
- Вахтина, Виноградов 2022 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А. Спустя 20 лет. Вспоминая Евгения Яковлевича Рогова (28.05.1951–15.07.2001) // *АВ*. 2022. Вып. 35. С. 9–14.
- Гиблова 2022 — Гиблова А. А. Поселение Козырка 12-южная в контексте развития хоры Ольвии // Там же. С. 50–59.
- Марченко и др. 2000 — Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П. Елизаветовское городище на Дону (Pontus Septentrionalis II. Tanais 2). М.: ИА РАН; ИВИ РАН; Центр сравнительного изучения древних цивилизаций, Германский археологический центр, 2000. 281 с.
- Паромов 2020 — Паромов Я. М. История археологических исследований на Таманском полуострове. Ч. 3 (1992–2012 гг.) // *БИ*. 2020. Вып. 41. С. 231–344.
- Рогов 2005 — Рогов Е. Я. Греки и варвары в Западном Крыму // Марченко К. К. (отв. ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 137–210 (Античная библиотека. Исследования).
- Рогов 2011 — Рогов Е. Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму. Симферополь, 2011. 216 с. (МАИЭТ. Suppl. 10).

**EVGENY YAKOVLEVICH ROGOV, THE RESEARCHER OF ANTIQUE SITES
OF THE NORTH BLACK SEA REGION**

M. YU. VAKHTINA

Keywords: *Evgeny Yakovlevich Rogov, antique sites, North Black Sea region, fieldwork.*

E. Ya. Rogov, who finished his earthly way more than 20 years ago, was an outstanding researcher of classical antiquities (fig. 1). Much of his attention was devoted to field explorations, and he was deservedly considered one of the best field researchers among classical archaeologists. He participated in the works of a whole number of expeditions (heading some of them), that studied the key reference sites of the North Black Sea region. The observations and conclusions obtained as a result of these studies form the basis of concepts that bring us closer to understanding the peculiarities of the Greek colonists' material culture. Being a polymath archaeologist, E. Ya. Rogov knew how to work with various settlement and burial structures on the territory of antique towns and their periphery (fig. 2–5). The field reports stored in the Scholarly Archive of IHMC RAS provide insight to the importance of his studies and contain materials worthy of further research.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ХЕРСОНЕССКОГО ПОЛИСА

Е. Я. ТУРОВСКИЙ (†)¹

Ключевые слова: *Херсонес, полис, хора, монетное дело, Маячный полуостров.*

В статье рассматриваются некоторые аспекты взглядов Е. Я. Рогова на начальные события, связанные с основанием эллинского поселения у Карантинной бухты. Кроме того, приводятся и представления исследователя о последовательности организации большой хоры Херсонесского государства, а также абсолютные даты для отдельных этапов этого процесса. На фоне взглядов Е. Я. Рогова даются и некоторые суждения автора статьи об организации херсонесской хоры, основанные на современных данных.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-17-22

Евгений Яковлевич Рогов, безусловно, был одной из самых ярких фигур в своем поколении исследователей античных памятников нашего юга. В нем удивительным образом сочетались два таких разных качества, как доброжелательность и принципиальная критичность. Он всегда полагал, что в основе любой археологической теории или гипотезы должны лежать факты «от земли», а не умозрительные догадки, основанные на скупой античной традиции. Главной темой его научных изысканий, безусловно, были античные памятники Херсонесского государства, хотя работал он и в других местах, например, на хоре Ольвии или Нижнем Дону. Мне он очень помог в подготовке диссертационной работы, поскольку защищался я в ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

Едва ли Е. Я. Рогов сделал меньше конструктивных замечаний по моей работе, чем мой непосредственный научный руководитель. Это, конечно, не в упрек А. Н. Щеглову, у него помимо меня было с десяток аспирантов и соискателей, тем не менее я храню и ему глубокую благодарность за помощь и поддержку. А моего полного тезку вспоминаю с теплотой часто, поскольку видел в нем единомышленника и друга, всегда чувствовал его поддержку. Его глубоко интересовало все, что было связано как с самим Херсонесом, так и с хорой Херсонесского государства — и дальней, и ближней.

Живо интересовал его вопрос о раннем поселении у Карантинной бухты. Постараемся определить круг основных вопросов, вокруг которых, в основном, шла дискуссия относительно становления Херсонесского полиса. Первый из них, безусловно, связан с ранним греческим поселением у Карантинной бухты. На наш взгляд, раскопки М. И. Золотарева в северо-восточной части Херсонесского городища поставили крест на гипотезе И. Шнайдервирта и А. И. Тюменева (Schneiderwirth 1882: 15; Тюменев 1938). Найденные при этих

¹ Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», Севастополь, 299045, Россия.

Евгений Яковлевич Туровский — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник музея-заповедника «Херсонес Таврический», работавший в отделе «Городище и некрополь». Скоропостижно скончался 21 августа 2022 года, в возрасте 66 лет.

© Туровский Е. Я., 2023.

раскопках артефакты были в массе своей более древними, чем общепринятая дата основания Херсонеса. Эти материалы (столовая посуда, терракоты, граффити, амфоры и др.) нельзя было объяснить ни «бабушкиными сервизами», ни рыбацкой стоянкой, ни временным торжищем — эмпорием, как полагали разные исследователи Херсонеса (Белов 1972: 23; Золотарев 1995; Жебелёв 1930; Зедгинидзе 1979: 30; 1993: 50 сл.; Суриков 2002). В то же время, как подчеркивал Е. Я. Рогов, вокруг этого раннего поселения с самого начала возникло очень много вопросов, связанных с его отличиями от других ранних эллинских поселений в регионе.

Исследователь отмечал, что археологические материалы более древние, нежели последняя четверть V в. до н. э., инициировали попытку пересмотра источников исторических, результатом которой явилась гипотеза об основании Херсонеса гераклеотами, делосцами и ионийцами не в последней четверти V в. до н. э., а столетием ранее, точнее в 558–527 гг. до н. э. (Zolotarev 1996; Виноградов, Золотарев 1998; 1999). В основе гипотезы лежит серия остраконов из Херсонеса, датированных авторами временем от конца VI до конца V в. до н. э. (Виноградов, Золотарев 1990). Здесь хочется сделать следующую ремарку. Для нанесения граффито, за редким исключением, использовались чернолаковые черепки без каких-либо изображений и орнаментов. Таким образом, единственным критерием для датировки остается качество лака. Учитывая в целом высокое качество лака для аттической посуды V в. до н. э., можно высказать большие сомнения в объективности достаточно дробных датировок на такой основе. Безусловно, авторы опирались, по-видимому, прежде всего на палеографию надписей, но и при таком методе ожидать полной объективности датировок явно не приходится.

На это обстоятельство, вероятно, обратил внимание и Е. Я. Рогов, который отмечал, что, поскольку в таврической апойки на протяжении всего V в. до н. э. в политической жизни безо всякого перерыва регулярно применялась одна из самых радикальных мер греческой демократии — «остракизм», следует считать установленным не только наличие полиса и соответствующих полисных институтов, но и демократической формы правления на протяжении всего этого времени. Дело за малым — остается найти этот полис на территории Херсонесского городища (Рогов 2005: 146). Выражаю полную солидарность с приведенными критическими доводами. В самом деле, неужели на протяжении столетия небольшой гражданский коллектив только тем и занимался, что регулярно проводил процедуру остракизма к согражданам (при том, что в малочисленном гражданском коллективе все знали соседей в лицо).

От себя как от одного из участников легендарных экспедиций М. И. Золотарева, открывших дискуссию, которая продлится наверняка еще ни одно десятилетие, хочется добавить следующее. Прежде всего возникает вопрос, что, собственно, из находок можно уверенно отнести к VI в. до н. э. Получается, что практически ничего, кроме коринфской крышки леканы, первые фрагменты которой были найдены С. Г. Рыжовым на соседней с раскопом М. И. Золотарева поперечной улице.

Ранние фрагменты находили при раскопках Херсонесского городища еще в начале XX в. (прежде всего, чернофигурные фрагменты столовой посуды, ионийскую полосатую столовую керамику), но уверенность некоторых исследователей, что количество таких фрагментов будет расти, не оправдалась. Мало того, датировки некоторых из этих находок изменились в свете новых исследований, например, фрагменты поздней чернофигурной керамики так называемой группы Хаймана, как и подавляющего большинства форм ионийской полосатой посуды, были значительно омоложены. Остаются, по сути, фрагменты нескольких мелкофигурных киликов последней трети VI в. до н. э. и упомянутая крышка леканы (Буйских 2006: 275).

Здесь хочется сказать несколько слов о таком феномене, как «бабушкины сервизы». Это вещи, прежде всего дорогая столовая посуда, которые гораздо древнее большинства

вещей комплекса. Скептические отношения многих исследователей к самому факту их существования представляется неоправданным: почему бы не поберечь красивую дорогую вещь, если к тому же с ней были связаны какие-то воспоминания? Это, как представляется, общечеловеческое качество. А много таких вещей быть и не должно.

Вызывает удивление другое, на чем также заострял внимание Е. Я. Рогов, — необычный состав херсонесского комплекса в сравнении с синхронными комплексами из других эллинских памятников Северного Причерноморья. Исследователь отмечал, что из поля зрения авторов, сосредоточивших свое внимание на анализе письменных источников, был упущен тщательный анализ источников археологических (Рогов 2005: 147). Нет никаких следов строительных остатков существовавшего более ста лет полиса, и только к концу V в. до н. э. жители таврической апойки начинают строить загадочные полуземляночные сооружения, которых опять же не более десятка (Золотарев 1998: 29–32). Здесь хочется подчеркнуть следующее: размеры части этих «полуземлянок» явно не предполагают использование этих сооружений в качестве жилья. Скорее всего, эти выбитые в скале сооружения были частью несохранившихся до наших дней наземных сооружений, например, сырцовых или сырцово-каменных. Обнаружение в ходе раскопок ряда субстракций, представляющих собою, скорее всего, развалы сырцовых кирпичей, делает такое предположение вполне резонным.

Парадоксальность ситуации в Херсонесе можно свести к фразе «Остатки слоев присутствуют, строительные остатки отсутствуют». Город существовал на одном месте два тысячелетия, и в византийское время — при ремонтах, перестройках, пожарах и разрушениях — его античная основа была в значительной степени уничтожена, а находки в археологических слоях обычно обнаруживаются в переотложенном состоянии (Ушаков 2021: 155). Раскопки на городище показывают очень малое число комплексов, например, римского времени (исключая район цитадели), что объясняется, по-видимому, монументальными перестройками городища в VI в.

И еще одно замечание Е. Я. Рогова относительно раннего слоя на северо-востоке Херсонесского городища представляется весьма актуальным. Ряд особенностей заставляет признать керамический комплекс архаического времени из Херсонеса совершенно необычным. Прежде всего это касается соотношения групп керамики в комплексе: находки ионийской полосатой керамики представлены несколькими сотнями фрагментов, а находки амфор — многими десятками (Золотарев 1993; Виноградов, Золотарев 1998: 36). На любом синхронном археологическом памятнике соотношение окажется обратным: как правило, доля амфор обычно составляет от 70 до 90 % (Рогов 2005: 148). И только немногие из фрагментов амфор можно достаточно надежно атрибутировать как ранние. Полностью отсутствуют в херсонесском комплексе хиосские амфоры с расписными красной и коричневой красками горлами — кружочки, дипинти и прочее. Все это, очевидно, указывает на то, что в этом архаическом слое нет собственно архаических материалов. Скорее всего, дело в том, что слой следует датировать временем не ранее второй (может быть, конца первой) четверти V в. до н. э., а большая часть материалов относится к середине — третьей четверти этого столетия. Это хорошо объясняет и находку в слое ольвийского половинного асса с Медузой и колесом, имя — АΡΙΧ.

Для прояснения ситуации большое значение имеют работы в северо-восточной части Херсонесского городища экспедиции под руководством С. В. Ушакова. Для решения вопроса раннего Херсонеса важно также открытие в 1989 г. в одном из помещений III квартала остатков еще одного жилого комплекса овальной формы (2,2 × 3,8 м).

Очень внимательно Е. Я. Рогов рассматривал вопрос о первой хоре Херсонеса на Маячном полуострове (узком мысе примерно в 10 км от Херсонеса) и укреплениях на его перешейке. Е. Я. Рогов подчеркивал уникальность такого способа устройства хоры и даже

определенную странность подобного подхода к обустройству землепользования, которая не находила аналогий в аграрных памятниках других полисов.

В этой связи, на мой взгляд, полезно упомянуть и о дороге, которая связывала Херсонес с поселением на Маячном полуострове, и особенно о том, в каких условиях она прокладывалась: ко времени ее создания дикие тавры были уже удалены с территории Гераклеяского полуострова, или она строилась под охраной херсонесских воинов, или же окрестные тавры были не такими уж кровожадными, и с ними можно было договориться. В любом случае, можно уверенно констатировать, что дорога выполняла транспортные функции, что можно сказать далеко не о всех дорогах Гераклеяского полуострова, сам рельеф которого с очень глубокими балками не позволял им быть таковыми. Для Херсонеса эта дорога продолжала сохранять стратегическое значение и после размежевания основной площади Гераклеяского полуострова примерно на 400 наделов около 26 га каждый. Безусловно, границей наделов эта дорога не являлась.

Нужно отметить, что в наши дни вопросы о становлении Херсонесского полиса и хронологии отдельных этапов этого процесса как бы отошли на второй план. Дискуссия на эту тему в научной литературе активно велась в девяностые годы прошлого столетия и нулевые нынешнего (Антонова 1990). К сожалению, связано это явление с вполне объективными моментами, прежде всего, с уходом из жизни многих ведущих специалистов в изучении археологии античных памятников Херсонеса (А. Н. Щеглова, Ю. Г. Виноградова, Е. Я. Рогова, М. И. Золотарева, В. М. Зубаря, В. А. Кутайсова и др.), а также с тем, что в ходе раскопок почти не было обнаружено ярких памятников, способных пролить свет на период становления Херсонесского полиса (к исключениям можно отнести, пожалуй, только исследования С. В. Ушакова в северо-восточной части Херсонеса).

Проблему становления Херсонесского полиса, или Херсонесского территориального полиса (по определению А. Н. Щеглова), следует разделить на ряд более частных вопросов, среди которых необходимо обозначить важнейшие: когда возникло греческое поселение у Карантинной бухты; когда Херсонес вышел за пределы своих стен, когда греческая апойкия превращается в полис; когда и почему началась херсонесская экспансия в Северо-Западный Крым; когда начинается чеканка монеты в Херсонесе; когда формируется регулярная планировка в Херсонесе и ряд других, более частных. Мы не собираемся ответить или даже осветить названные вопросы, да это, наверное, и невозможно, но остановиться на важных аспектах некоторых из них намерены.

В чем разница между апойкией и полисом? При всем разнообразии определений, на которых мы не будем останавливаться, можно выделить самые важные аспекты этих понятий. Апойкия — поселение, выведенное из метрополии в процессе Великой греческой колонизации, при этом никак не обозначается способ правления этим поселением. Апойкия изначально могла пройти этап диктатуры ойкиста, иметь черты классического полиса с выборными институтами и внешнего управления через представителей метрополии или более крупных родственных апойкий, расположенных неподалеку. Типичным примером последнего может служить Мермекий: будучи изначально достаточно крупной апойкией, город тем не менее так и не стал полисом. Возможно, жители его получили права гражданства Пантикапея в обмен на собственную субъектность. По-видимому, сказанное относится и к ряду других боспорских «малых» городов.

О чем свидетельствуют материалы из слоев изначального Херсонеса, прежде всего, упомянутых остраконов? Черепки-остраки, безусловно, указывают на выборный процесс. Неслучайно, что практически все они найдены на небольшом участке северо-восточного района Херсонесского городища, на участке раскопок М. И. Золотарева. На других участках, содержавших синхронные материалы (второй-третьей четвертей V в. до н. э.), таких остраконов не отмечено. Характер находок на участке М. И. Золотарева свидетельствует

о том, что они, скорее всего, относятся к какому-то административному или сакральному комплексу Херсонесской апойкии–полиса. В пользу того, что полис у берега Карантинной бухты возник еще в V в. до н. э., свидетельствует факт ранней чеканки монеты в городе в последней четверти этого столетия. Первые серебряные монеты в Херсонесе имели достаточно архаические черты как в технологическом своеобразии, так и в изобразительной стилистике.

Подытоживая сказанное, хочу отметить, что сегодня, спустя более 20 лет со дня безвременного ухода нашего коллеги, перечитывая его статьи и книги, сталкиваешься с большим числом свежих и интересных идей и подходов. Если говорить о научном наследии Е. Я. Рогова в целом, то можно уверенно сказать, что очень многое из него продолжает сохранять актуальность и сегодня.

Литература

- Антонова 1990 — Антонова И. А. Рост территории Херсонеса (по данным изучения херсонесских стен) // Античная древность и средние века: Сб. научн. тр. Свердловск: Изд-во Свердловского ГУ, 1990. С. 8–25.
- Белов 1972 — Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // Тр. ГЭ. 1972. Т. 13. С. 17–26.
- Буйских 2006 — Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. 2006. Вып. 12. С. 263–277.
- Виноградов, Золотарев 1990 — Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Древнейший Херсонес // Лордкипанидзе О. (отв. ред.). Причерноморье в VII–V вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 48–74.
- Виноградов, Золотарев 1998 — Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХС. 1998. Вып. 9. С. 36–46.
- Виноградов, Золотарев 1999 — Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // Подосинов А. В. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 91–129.
- Жебелёв 1930 — Жебелёв С. А. Возникновение Херсонеса Таврического // Доклады АН. Серия В. 1930. № 9. С. 157–162.
- Зедгинидзе 1979 — Зедгинидзе А. А. О времени основания Херсонеса Таврического // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 26–34.
- Зедгинидзе 1993 — Зедгинидзе А. А. К вопросу об удревнении даты основания Херсонеса Таврического // РА. 1993. № 3. С. 50–56.
- Золотарев 1993 — Золотарев М. И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993. 98 с.
- Золотарев 1995 — Золотарев М. И. К хронологии юго-восточной линии обороны Херсонеса Таврического // Массон В. М. (отв. ред.). Фортификация в древности и средневековье: ТД конф. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 49–50 (Археологические изыскания. Вып. 20).
- Золотарев 1998 — Золотарев М. И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХС. 1998. Вып. 9. С. 29–36.
- Рогов 2005 — Рогов Е. Я. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья второй четверти V — первой трети III в. до н. э. // Марченко К. К. (отв. ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 137–210 (Античная библиотека. Исследования).
- Суриков 2002 — Суриков И. Е. О некоторых факторах колонизационной политики Гераклеи Понтийской // ПИФК. 2002. Вып. 12. С. 73–74.
- Тюменев 1938 — Тюменев А. И. Херсонесские этюды. I–II // ВДИ. 1938. № 2. С. 255–259.
- Ушаков 2021 — Ушаков С. В. Общие проблемы истории Херсонеса Таврического позднеархаического, классического и раннеэллинистического периодов // История Севастополя. Т. 1. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года. М.; Севастополь: ИстЛит, 2021. С. 147–164.
- Schneiderwirth 1882 — Schneiderwirth J. H. Das politische Herakleia. Bericht über das Schuljahr 1881–1882 des königlichen kath. Heiligenstadt: Gymnasium zu Heiligenstadt, 1882. 39 S.

Zolotarev 1996 — *Zolotarev M. Sur la chronologie de Chersonésos à l'époque archaïque // Lordkipanidzé O., Lévêque P. (eds.). Sur les traces des Argonautes: Actes du 6e symposium de Vani (Colchide) 22–29 septembre 1990. Paris, 1996. P. 311–317.*

TO THE QUESTION OF THE FORMATION OF THE CHERSONESOS POLIS

E. YA. TUROVSKY (†)

Keywords: *Chersonesos, polis, chora, coinage, Mayachny Peninsula.*

The paper analyzes some aspects of E.Ya. Rogov views on the initial events connected with the foundation of the Hellenic settlement near the Karantinnaya bay. In addition, considered are his ideas on the succession of formation of the main chora of the Chersonesos kingdom, as well as absolute dates obtained for some stages of this process. Lastly, the author puts forward his own thoughts on the organization of the Chersonesos chora, based on up-to-date evidence.

О ПОГРЕБЕНИЯХ В ХЕРСОНЕССКОМ ПОДСТЕННОМ СКЛЕПЕ № 1012 И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

И. Ю. ШАУБ²

Ключевые слова: *Херсонес Таврический, склеп № 1012, жречество, богиня Дева, Великая богиня.*

С момента обнаружения подстенный склеп № 1012 — самый интересный археологический памятник Херсонеса Таврического, где находились непотревоженные кремированные останки семи покойников с богатым погребальным инвентарем, — привлекал пристальное внимание. Выводы археологов по многим вопросам, связанным с интерпретацией и датировкой этого памятника, весьма разноречивы. Наиболее детальные исследования, в которых рассмотрен погребальный инвентарь, происходящий из склепа № 1012, принадлежат Е. Я. Рогову, который трактовал его как усыпальницу жриц богини Девы. Однако, поскольку три из семи погребений были безынвентарными, безоговорочно утверждать, что они принадлежали женщинам, невозможно. Нет ответа и на вопрос, почему три жрицы получили богатые украшения, в то время как три другие ничего не имели при себе. Кроме того, остается открытым вопрос о гендерной принадлежности погребения 3, единственной находкой в котором был золотой перстень с символикой Геракла. Поэтому более корректным, по мнению автора, будет предположение, что три жрицы, чей прах был захоронен в подстенном склепе № 1012, происходили из привилегированной херсонесской семьи, прочие члены которой нашли упокоение в той же усыпальнице.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-23-35

В 1899 г. был обнаружен самый интересный археологический памятник Херсонеса Таврического — подстенный склеп № 1012, где находились непотревоженные кремированные останки семи покойников; некоторых из них сопровождал богатый погребальный инвентарь (что крайне нехарактерно для весьма скромного погребального обряда херсонеситов). Поэтому неудивительно, что начиная с публикации этого памятника его первооткрывателем (Косцюшко-Валюжинич 1901: 3–9) и сам погребальный комплекс, и отдельные вещи, найденные в склепе, привлекали пристальное внимание исследователей (Гриневич 1926; Manzewitsch 1932; Пятыешева 1956: 12, 13; 1971; Жеребцов 1979; Уильямс, Огден 1995: 196–198; Калашник 2000; Рогов 2000; 2001; 2002; 2005: 171; Саверкина 2000: 12–18; Стоянов 2004; 2005; 2006; 2013; Шауб 2007; 2011; 2017; Журавлев, Новикова 2012; Журавлев и др. 2017; Pfrommer 1990: Index). При этом выводы археологов по многим вопросам, связанным с интерпретацией и датировкой этого памятника, весьма разноречивы.

¹ Исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF- 2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Шауб И. Ю., 2023.

Долгое время считалось, что склеп № 1012 являлся фамильной усыпальницей богатой херсонесской семьи, пока Н. В. Пятышева не предположила, что «женская часть» погребенных здесь представителей «греко-фракийской знати», которая, как и на Боспоре, стояла во главе Херсонеса, исполняла жреческие функции в культе фракийско-малоазийской Великой Богини³. При этом она утверждала, что эта богиня не имела ничего общего с Девой (Пятышева 1971: 104). Принимая гипотезу московской исследовательницы о том, что в рассматриваемой гробнице покоились жрицы, мы пришли к выводу, что верховная херсонесская богиня Дева была местным в своих истоках божеством, по своим основным чертам весьма схожим с Великой богиней Скифии и Боспора (Шауб 1979; 1987б: 18; 1988⁴), генетически восходящей к ближневосточной богине всего сущего (Шауб 1999).

Наиболее основательные исследования, в которых детально рассмотрен погребальный инвентарь, происходящий из подстенного склепа № 1012, были осуществлены Е. Я. Роговым. Он отметил, что наряды погребенных были «наполнены глубочайшим сакральным смыслом. Перед нами захоронения не женщин из богатой херсонесской семьи, а захоронения жриц <...> С этой точки зрения становится понятно отсутствие в склепе мужских и детских погребений и вещей, а также и место, выбранное для гробницы, — под городской стеной. Жрицы, служительницы культа, скорее всего, херсонесской богини Девы, и после смерти должны были охранять стены города и оберегать его ворота» (Рогов 2002: 41, 42).

Поскольку выводы этого исследователя оказались весьма созвучны с нашими собственными представлениями о Деве, мы в своих работах неоднократно сочувственно ссылались на его трактовку склепа как усыпальницы жриц этой богини (Шауб 2007: 287; 2011: 247; 2017: 288, 289)⁵.

По-прежнему в основном соглашаясь с выводами Е. Я. Рогова, в результате более детального ознакомления с погребальным инвентарем из подстенного склепа № 1012 мы пришли к выводу, что отдельные интерпретации этого ученого требуют существенной коррекции и дополнений.

Еще до того, как приступить к детальному анализу материалов из склепа № 1012, Е. Я. Рогов разделял общепринятое мнение, согласно которому это погребальное сооружение «принадлежало семье, занимавшей в городе особое социальное положение». При этом исследователь отмечал, что здесь «мы встречаемся с вещами, аналогии которым легко найти среди вещей из скифских царских захоронений и захоронений боспорской знати», выделяя «бляшки с изображением змееногой богини», которые «чрезвычайно близки аналогичным из Куль-Обы, возможно, они даже изготовлены с одной матрицы» (Рогов 2005: 171)⁶. Несмотря на зафиксированное им сходство вещей из склепа № 1012 и варварских курганов, по мнению Е. Я. Рогова (которое он не изменил и в своих последующих работах), погребальный инвентарь склепа не содержит «ничего, что бы можно было связать с влиянием со стороны варваров» (Там же). Однако это утверждение не соответствует действительности. Наряду с четырьмя пластинами с оттиснутыми на них изображениями змееногой богини (которые упомянуты выше и о которых см. далее в тексте), в склепе

³ К. Э. Гриневич, первый исследователь комплекса вещей из склепа № 1012, считал ее «богиней сущего», именуя Кибелой или Астартой (Гриневич 1926: 30, 36).

⁴ Поскольку в тексте этих тезисов нет упоминания о том, что в гробнице № 1012 покоились жрицы херсонесской богини Девы, ссылка на данную публикацию в нашей работе о боспорском жречестве (Шауб 2017: 288, 289, прим. 3) формально является ошибкой.

⁵ Тот факт, что в сохранившихся херсонесских надписях фигурируют только жрецы (IRE. I²: 410, 414), не должен смущать, поскольку главенствующее положение в Херсонесе культа Девы и его государственный характер предполагают наличие жрецов обоего пола.

⁶ Соответствующие разделы этой коллективной монографии писались Е. Я. Роговым до его специальных работ, посвященных материалам склепа № 1012.

была найдена «светлоглиняная чашечка 0,055 м высоты, одноручная, грубого исполнения, весьма обычного типа» (Косцюшко-Валюжинич 1901: 7). Поскольку обнаруживший и исследовавший склеп № 1012 К. К. Косцюшко-Валюжинич в одной из своих последующих работ сравнил этот сосудик с подобными из скифских погребений (Косцюшко-Валюжинич 1905: 95), Н. В. Пятышева резонно сочла его лепным (Пятышева 1971: 92). К сожалению, эта «чашечка» давно утеряна, но сам факт присутствия варварского сосуда в комплексе греческих погребений представляется весьма красноречивым.

В склепе № 1012 было обнаружено семь последовательных погребений кремированных останков: три — в бронзовых гидриях, три — в глиняных погребальных урнах (две из которых имели форму гидрий)⁷; седьмое погребение, найденное в дромосе, находилось в деревянном ларце (от которого сохранились лишь украшения). По мнению одних исследователей, весь этот комплекс датируется второй половиной IV в. до н. э. (Стоянов 2004: 129). А. П. Манцевич и Е. Я. Рогов полагают (вероятно, справедливо), что последние погребения были совершены здесь уже в начале III в. до н. э. (Manzewitsch 1932: 14; Рогов 2002: 40, 41). Более поздняя датировка последних сожжений третьей четвертью III в. до н. э. (Pfrommer 1990: Index) или даже I в. до н. э. (Пятышева 1971: 104) явно ошибочна.

Между одной из бронзовых гидрий и простой глиняной урной, в которых не было ничего, кроме жженных костей, найдена терракотовая статуэтка Эрота с чрезвычайно редким для него атрибутом — полосом на голове (Manzewitsch 1932: 10, Taf. III, 1) (рис. 1, 1)⁸. Это крылатое божество, не без основания названное исследователями Эротом-Танатосом (Кобылина 1970: 13; Белов 1970: 70)⁹, является самым распространенным типом ранних херсонесских терракот, помещавшихся в могилы. Статуэтка из склепа № 1012 датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (Рогов 2002: 30). Тот факт, что терракоты Эрота-Танатоса встречаются не только в могилах, но и в домашних святилищах поселений херсонесской хоры (Маслины — Латышева 1994; Панское 1 — Hannestad 2002: 207, tab. 139), не должен удивлять, поскольку благодаря своей крылатости, этот персонаж явно мыслился божеством, соединяющим миры умерших, живых и бессмертных. Вероятно, помещение статуэтки Эрота-Танатоса между урнами, в которых отсутствовали погребальные дары, имело глубокий ритуальный смысл, о котором мы можем только гадать¹⁰.

В третьей погребальной урне, которой служила простая глиняная гидрия, среди пережженных костей был найден только один предмет — золотой перстень третьей четверти IV в. до н. э. с овальным щитком, на котором вырезано изображение натянутого лука

⁷ Тот факт, что из шести погребальных урн пять имели форму гидрий, явно не случаен. Он, без сомнения, был связан с особым характером погребального ритуала, что лишний раз подчеркивает неординарность статуса погребенных. О гидриях в быту и культе см.: Diehl 1964.

⁸ К. К. Косцюшко-Валюжинич и Н. В. Пятышева ошибочно называли полос Эрота «фригийской шапкой».

⁹ Не упоминающая рассматриваемых терракот Э. Вермьюл, которой явно не были известны работы М. М. Кобылиной и Г. Д. Белова, так же, как и они, называет подобный образ античного искусства «Эротом-Танатосом» (Vermeule 1979: 159, 162, fig. 15). В то же время против какой бы то ни было ассоциации Эрота с загробным миром категорически (правда, без убедительной аргументации) выступает А. Эрмари, автор фундаментального труда о его образе в греческом искусстве (Hermary 1986: 850 ff.). Крылатое божество, запечатленное в статуэтке из склепа № 1012 и аналогичных херсонесских терракотах, Р. В. Стоянов и А. В. Шевченко считают Танатосом (Стоянов 2006; Шевченко 2016: 67–70). Однако для такой идентификации нет оснований, поскольку здесь мы, несомненно, имеем дело с модификацией образа Эрота, а отнюдь не с изображением божества смерти. Танатос был персонажем мифологии и фольклора, не являясь объектом поклонения (Geisau 1979). О его иконографии см.: Važant 1994: 904–908.

¹⁰ А. С. Русяева и В. М. Зубарь считают подобные изображения Иакхом. О зависимости интерпретации крылатых мужских фигур от контекста, в котором они представлены, см. работу: Шауб 2022.

Рис. 1. 1, 2 — Херсонес, склеп № 1012: 1 — Эрот-Танатос, терракота, вторая половина IV в. до н. э. (по: Manzewitsch 1932: Taf. III, 1); 2 — золотой перстень, третья четверть IV в. до н. э. (по: URL: <https://ppt-online.org/558942> (дата обращения 20.05.2023)); 3 — Артюховский курган, Таманский п-ов, золотой перстень, вторая половина IV в. до н. э. (по: URL: <https://ppt-online.org/558942> (дата обращения 20.05.2023)); 4 — Куль-Оба, золотая бляшка, IV в. до н. э. (по: Scythian art 1986: fig. 203); 5 — курган у ст. Ивановская, золотая пластина, IV в. до н. э. (по: Анфимов 1987: рис. на с. 127)

Fig. 1. 1, 2 — Chersonesos, crypt No. 1012: 1 — Eros-Thanatos, terracotta, second half of the IV c. BC (after Manzewitsch 1932: Taf. III, 1); 2 — gold finger ring, third quarter of the IV c. BC (<https://ppt-online.org/558942> visited 20.05.2023); 3 — Artyukhovsky barrow, Taman peninsula, second half of the IV c. BC (<https://ppt-online.org/558942> visited 20.05.2023); 4 — Kul-Obs, gold plaque, IV c. BC (after Scythian art 1986: fig. 203); 5 — barrow near the Cossack village of Ivanovskaya, gold plate, IV c. BC (after Анфимов 1987: fig. on p. 127)

и палицы (Геракла) (рис. 1, 2). К. К. Косцюшко-Валюжинич, а вслед за ним и К. Э. Гриневич, основываясь на отсутствии украшений и туалетных принадлежностей, считали это погребение мужским. По мнению Ю. П. Калашника, перстень с символикой Геракла — сугубо мужской предмет (Калашник 2000: 282). Однако Е. Я. Рогов отметил, что «это самый маленький перстень из всех найденных в склепе, диаметр его 1,7 см, и он явно не годился для мужской руки» (Рогов 2000: 96). Кроме того, в Артюховском кургане перстень (более или менее синхронный с херсонесским) с изображением нагого Геракла с теми же самыми атрибутами был надет на палец женщины (Максимова 1979: 147) (рис. 1, 3). Правда, в отличие от херсонесской кремации, артюховскую покойницу сопровождал богатый погребальный инвентарь (Там же). Кстати, Н. В. Пятышева считала, что перстень из третьей погребальной урны херсонесского склепа принадлежал женщине-фракийке (на том основании, что на его щитке была якобы представлена «эмблема фракийского властителя») (Пятышева 1971: 95). Таким образом, вопрос о том, прах мужчины или женщины находился в этой погребальной урне, остается открытым.

В четвертом захоронении, совершенном в чернолаковой гидрии, в числе прочих украшений была найдена золотая диадема с помещенной в центре фигуркой сирены, играющей на лире, и золотой перстень конца IV в. до н. э. с изображением Афины Nikeфорос (Manzewitsch 1932: Taf. I, 3; Рогов 2002: 31).

Диадема в данном контексте явно выполняла роль жреческого атрибута (ср.: Шауб 2016; 2017: 322). Что касается религиозно-мифологического значения сирен, то одной из главных черт их образа является тесная связь с загробным миром (Hofstetter 1990; 1997)¹¹. Та же ассоциация ярко проявляется и на вещественных памятниках: сирен нередко изображали на надгробиях и погребальных сосудах, в том числе тех, которые были найдены на территории Боспора (Фармаковский 1921: 10, 11; Сорокина 1960; Кобылина 1967). Все эти факты позволяют связать с хтоническим культом носительницу диадемы с изображением музицирующей сирены.

Пятое погребение было помещено в бронзовую гидрию, на плоской каемке раструба которой наколами нанесена надпись: ἄθλον ἐξ Ἀνακίων («Награда с (праздника) Анакий»). В этом сосуде, полученном в качестве приза на аттических состязаниях в честь Диоскуров, находились сугубо женские вещи: шедевр ювелирного искусства — пара золотых серег с изображением Ники на квадриге (по сторонам этой сцены располагаются женские фигуры, которые, как и сирена на диадеме, играют на лире) (Manzewitsch 1932: Taf. II, 2); два серебряных браслета, оканчивающихся золотыми головками баранов (Ibid: Taf. II, 3); серебряный перстень с изображением Афродиты и двух эротов (Ibid: Taf. II, 4), а также

¹¹ Э. Бушор не без основания назвал свою книгу о сиренах «Музы потустороннего мира» (Buschor 1944).

другие ювелирные украшения: золотой пояс (правильная интерпретация Е. Я. Рогова) с застежкой в виде гераклова узла (Ibid: Taf. I, 7; Рогов 2002: 34, 35), золотое ожерелье с подвесками, имитирующими буквые зерна (Manzewitsch 1932: Taf. II, 1). Наиболее интересными вещами из этого погребения являются две золотые пластины с изображением змееногой богини, а также пять пластин с изображениями бородатой головы сатира или силена (Ibid: Taf. I, 4, 5). Все эти пластины наряду с еще четырьмя изображениями, на которых оттиснут цветок лотоса (аканфа?) (Ibid: Taf. I, 6; ср.: нашивные бляшки из женской южной гробницы № 4 кургана Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012: рис. 758, кат. 313))¹², служили украшениями головного убора (Рогов 2002: 36, рис. 2). Аналогичные пластины декорировали и подобный головной убор последней по времени усопшей, прах которой был помещен в ларец (Там же: 36, 39, рис. 3). Кроме этих золотых пластин здесь были найдены терракотовые украшения погребального венка, среди которых три цикады, три грозди винограда и 10 цветочных бутонов (Manzewitsch 1932: Taf. III, 3, 6, 7; Рогов 2002: 39). Этот венок заслуживает рассмотрения в отдельной работе.

Предыдущее по времени (шестое) погребение в бронзовой гидрии было безынвентарным.

Поскольку вышеупомянутая надпись на гидрии из погребения 5 породила целую научную мифологию, на этом памятнике следует остановиться подробнее. Н. В. Пятышева полагала, «что приз из святилища, посвященного Диоскурам, дает еще лишнее доказательство почитания в Херсонесе этих фракийских по своей природе божеств» (Пятышева 1971: 104). Однако Диоскуры имеют индоевропейское, а отнюдь не фракийское происхождение (Буркерт 2004: 372); Анакии же — праздник аттический (Stengel 1894). Но главное, — невозможно допустить, чтобы женщина, прах которой находился в сосуде с надписью, принимала участие в сугубо мужском празднике. Речь здесь может идти только о вторичном использовании вазы, которая была приобретена (или, что менее вероятно, была получена в качестве приза родственником покойной). Попытка М. Е. Бондаренко доказать существование в городе частного культа Диоскуров еще в IV в. до н. э. на основании этой находки (Бондаренко 2003: 129) явно несостоятельна. В. М. Зубарь справедливо полагает, что «эта находка еще не позволяет говорить об отправлении в Херсонесе культа Диоскуров», а какие-либо другие памятники этого культа здесь отсутствуют» (Зубарь 2005: 105). Даже изображения Диоскуров и их символики на монетах Херсонеса II в. до н. э. отнюдь не обязательно свидетельствуют о наличии здесь государственного культа этих божеств (Там же: 106).

Однако М. В. Скржинская утверждала, что находка гидрии с надписью «приз из Анакий» «свидетельствует о победе херсонесита на празднике Анакий, вероятно, в конных состязаниях», что «херсонеситы участвовали в состязаниях на <...> афинском празднике Анакии», что «херсонеситы посылали своих представителей на афинские Анакии», что «граждане государств Северного Причерноморья **постоянно** (выделено нами. — И. Ш.) посещали крупнейшие торжества Эллады», среди которых якобы были Анакии (Скржинская 2010: 188, 237; 268; 310, 311).

На основании этого утверждения Е. В. Булычёва пишет: «Анакии были одним из самых известных праздников в Аттике и Северном Причерноморье. На их организацию и проведение выделялись немалые средства как из полисной казны, так и из семейного бюджета частных лиц. При этом следует отметить, что, к сожалению, в нашем распоряжении не так много источников, посвященных этому празднеству, что затрудняет изучение вопросов, связанных с его организацией и финансированием» (Булычёва 2018: 179).

К сожалению, данные о существовании в Северном Причерноморье праздника Анакий полностью отсутствуют, что неудивительно вследствие его сугубо аттического характера,

¹² Из того же погребения происходит и костяная пластина с гравированным изображением змееногой богини (Бидзиля, Полин 2012: рис. 727, кат. 293).

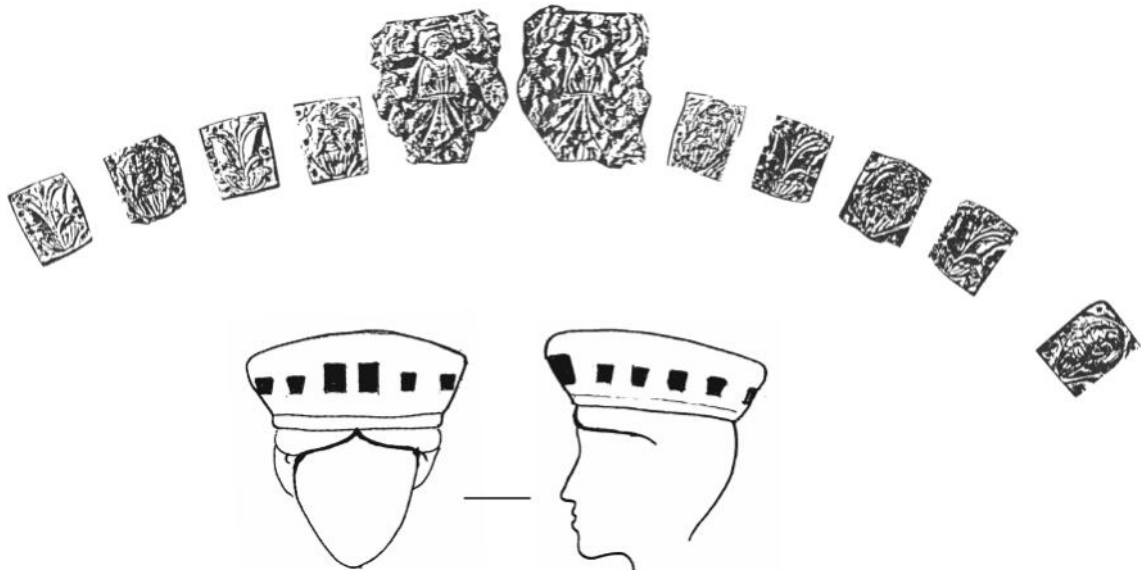

Рис. 2. Херсонес, склеп № 1012, полос (калаф), вторая половина IV в. до н. э., реконструкция (по: Рогов 2002: рис. 2)

Fig. 2. Chersonesos, crypt No. 1012, calathus, second half of the IV c. BC, reconstruction (after Rogov 2002: fig. 2)

а тот факт, что этот праздник крайне скудно освещен в источниках (Lys.fr.75.3; Poll.1.37; IG. I³: 258.6¹³; см. также: Stengel 1894; Bethe 1903: 1101; LSJ: v. Ἀνάκεια), отнюдь не свидетельствует о его особо важном значении даже для Аттики. Ссылки Е. В. Булычёвой на надпись II в. н. э. из Фанагории (КБН: 1005), а также на другие причерноморские эпитафические памятники (IPE. I²: 32, 34, некорректны, поскольку они не имеют никакого отношения к этому празднику.

Возвращаясь к более важным сюжетам, следует отметить, что главным достижением Е. Я. Рогова в интерпретации вещей из склепа № 1012 является совершенно правильная реконструкция двух однотипных (почти идентичных) головных уборов типа низких калафов из погребений 5 и 7 (рис. 2). Самыми интригующими среди золотых украшений этих уборов являются центральные пластины. Первая издательница комплекса вещей из склепа № 1012 А. П. Манцевич описала образ, представленный на этих пластинах, как «фантастическую женскую фигуру <...> с крыльями в виде грифоновых голов, держащую в каждой руке по грозди винограда» (Manzewitsch 1932: 11). По мнению исследовательницы, «первоначально она могла мыслиться как хтоническая богиня, здесь же она получила чисто орнаментальный характер» (Ibid.). Н. В. Пятышева, справедливо отметив несомненное сходство этого херсонесского образа со змееногой богиней, представленной на бляшках из Куль-Обы, пришла к выводу, что «изображена на них одна и та же богиня со всеми присущими именно ей аксессуарами, также с кинжалом в правой и маской в левой руке» (Пятышева 1971: 98). Московская исследовательница считала, что здесь представлена фракийско-малоазийская Великая богиня, а три погребения с богатым инвентарем принадлежали ее жрицам, которые не имели ничего общего с богиней Девой (Там же: 99)¹⁴. В своих

¹³ Декрет (420 г. до н. э.?) аттического дема Плотей, где речь идет о выделении 1200 драхм на праздник Анакии.

¹⁴ К. Э. Гриневич, первый исследователь комплекса вещей из склепа № 1012, считал, что на этих бляшках представлена «малоазийская богиня-мать», «владычица сущего», Кибела или Астарта (Гриневич 1926: 30, 36).

представлениях об этом божестве Н. В. Пятышева следует С. А. Жебелёву, который писал: «То была великая богиня земли, воды, всего животного и растительного царства, богиня, которую Юлиан на заре падения язычества характеризовал как богиню-владычицу всякой жизни, причину всякого рождения и называл ее Девойю, родившеюся без матери (Παρθένος ἀμήτωρ). Херсонесским колонистам божество это было знакомо еще на их родине, в Геракле, по соседству с которой жило, как известно, фракийское племя мариандинов» (Жебелёв 1953: 241). Обладательницей перстня с атрибутами Геракла, по мнению Н. В. Пятышевой, также была фракиянка (Пятышева 1971: 95).

Если в начале своей работы над материалами склепа № 1012 Е. Я. Рогов солидаризировался с теми исследователями, которые полагали, что на центральных пластинах «калафов» запечатлен образ змееногой богини, то в дальнейшем он описал это изображение как «вырастающую из аканфа женскую фигуру. В руках она держит головы двух чудовищ» (Рогов 2002: 35). Это описание, на наш взгляд, неверно (на что мы уже не раз обращали внимание). Плохое состояние пластин не дает основания однозначно определить предметы, которые богиня держит в руках, но все остальное в ее образе неоспоримо свидетельствует о том, что херсонесские бляшки — это «упрощенно-варваризованные копии бляшек из Куль-Обы» (Пятышева 1971: 98), то есть речь идет о змееногой богине¹⁵. Об идентичности божества, представленного на бляшках из Херсонеса и Куль-Обы, свидетельствует и тот факт, что бородастая голова на бляшках, украшавших «калафы» херсонесских жриц, является близкой аналогией той головы, которую держит богиня на кульобских и родственных им памятниках (рис. 1, 4, 5).

Отказавшись от традиционной трактовки центрального образа на этих уборах как «змееногой богини», Е. Я. Рогов примкнул к тем, кто считает этот образ не имеющим отношения к скифской мифологии. Персонажи подобного рода, именованные как Rankenfrau, Rankengöttin или «прорастающая дева», связываются этими исследователями исключительно с греческой культурной традицией (Савостина 1996; Трейстер 2001; Буйских 2006: 140; Скржинская 2010: 206; Журавлев, Новикова 2012; Стоянов 2013; Журавлев и др. 2014: 102–110). Так, М. В. Скржинская пишет: «Сейчас признаны несостоятельными попытки отождествить ее со змееногой богиней из Скифского рассказа Геродота, так как ни на одном ее изображении нет змей. Эта дева имеет вместо ног растительные побеги, расходящиеся из обращенного вниз куста аканфа, составляющего нижнюю часть ее туловища <...>. Фантастическая женщина бывает крылатой <...> и бескрылой <...>, концы ее крыльев и конечностей из растительных побегов могут оканчиваться головами птиц или грифонов, которых раньше ошибочно принимали за змей» (Скржинская 2010: 206). Этот пассаж поражает полным несоответствием реальности: достаточно вспомнить о богине на золотом налобнике из Большой Цимбалки (и на аналогичных серебряных налобниках из Толстой Могилы), нижние конечности которой сочетают в себе змей и растительные побеги, что дает возможность и на памятниках, где представлена змееногая богиня без признаков «прорастания» (бляшки из склепа № 1012, из Куль-Обы и ст. Ивановской), и на тех артефактах, где богиня изображена с растительными побегами вместо ног, видеть одно и то же божество (Шауб 2006; 2008: 43–65). Кстати, то же сочетание растительных побегов и змей вместо нижних конечностей мы видим и у богини на вышеупомянутой золотой бляшке из некрополя Херсонеса.

¹⁵ Перечисляя херсонесские памятники с изображениями змееногих персонажей мы, ссылаясь на публикацию Репникова (Репников 1927: 186, рис. 45, 11), упоминали среди этих артефактов яшмовую гемму (Шауб 2007: 93, прим. 13; 2011: 80, прим. 55). В действительности, речь идет только о ее фрагменте. Но и по сохранившейся (нижней) части геммы можно заключить, что на этом украшении, служившем амулетом, было изображено популярное в первые века нашей эры гностическое божество Абракас.

Только предположение, что здесь перед нами главная ипостась Великого женского божества (Шауб 1999; и др.), позволяет ответить на вопрос о том, какова роль подобных изображений в варварских погребениях, и понять, почему изображение змееногой богини (да еще дублированное) фигурирует на двух несомненно жреческих головных уборах из склепа № 1012. Думается, что отнюдь не случайно на еще одном обнаруженном здесь сакральном украшении — диадеме — фигурирует близкое к образу этой богини и иконографически, и по своему хтоническому духу и значению монструозное существо — сирена (весьма вероятно, что в качестве еще одного воплощения (или изоморфа) змееногой богини в Северном Причерноморье выступала Скилла: Шауб 2009). В связи со сближением образов сирены и змееногой богини следует отметить, что на ряде памятников первая выступает среди побегов растительности (Кобылина 1967), то есть так же, как и змееногая богиня.

Что касается прочих золотых пластин с оттиснутыми на них цветами аканфа и бородатой головой сатира, которые украшали головные уборы жриц, погребенных в склепе № 1012, то все они, равно как и аналоги всех этих изображений и украшений Скифии и Боспора, имели прямое отношение как к самой Великой богине, так и к тесно связанным с нею «дионисийским» культам (Шауб 1987а; 1999; 2007; 2011; 2016; 2019).

Если, как считал Е. Я. Рогов, погребенные в склепе № 1012 жрицы действительно были служительницами верховной богини Херсонеса (Девы), что весьма вероятно, то, судя по центральным изображениям на их головных уборах, эта богиня так же, как другие ипостаси Великой богини — скифская прародительница и боспорская Афродита, могла представляться змееногой (Шауб 1979; 1999; и др.). В связи с наличием в погребальном инвентаре склепа № 1012 символики Геракла необходимо отметить, что если в мифах о скифской прародительнице и боспорской Афродите герой выступает в качестве паредра этих богинь, то в Херсонесе он являлся вторым по значению божеством после Девы (Шауб 2007: 268 след.; 2011: 231 след.; и др.). Поэтому можно смело предполагать, что и здесь Геракл мыслился спутником этой богини.

Правильность отнесения Е. Я. Роговым золотых пластин со змееногой богиней к головным уборам лишней раз подтверждает аналогия из скифского мира: в богатом погребении кургана № 4 у с. Новосёлки бывш. Киевской губ. 26 золотых бляшек с весьма варваризованным изображением этой богини украшали головной убор женщины (Bydłowski 1904: 61–64, tabl. V), которая, судя по погребальному инвентарю, была жрицей.

Следует также отметить находки изображений змееногой богини в Херсонесе. Это золотая бляшка из «каменного гроба» № 326, на которой представлена крылатая богиня с растительными побегами и змеями вместо ног (Белов 1978: рис. 14, 3). Знаменательно, что наряду с этой бляшкой в той же могиле были обнаружены еще две: одна — с изображением льва, другая — грифона (см.: ОАК 1895: 4, 5, 60, 61, рис. 1–3); таким образом, змееногая богиня выступала здесь в качестве Владычицы зверей. Эти бляшки датируются IV в. до н. э. К более позднему времени относятся: каменный карниз (Петров, Макаревич 1963: рис. 1, 10; Буйских 2006: 140) и пирамидальное терракотовое грузило с оттиском металлического перстня с изображением «голой женщины, вывороченные ноги которой изображают две змеи» (Косцюшко-Валюжинич 1905: 76; Неверов 2000: 35, рис. 9), а также терракотовая пластинка I–II вв. н. э. с рельефом, найденная в 1946 г. в некрополе (Пятышева 1947; Зинченко 2018).

Нужно сказать несколько слов по поводу семантики золотых головок барана на вышеупомянутых серебряных браслетах из кремации 5. У ираноязычных народов Северного Причерноморья это животное мыслилось одним из главных воплощений фарна — божественной благодати (Шауб 2007: 124–130; 2011: 104–109). В то же время образ барана издревле был связан с многоипостасной Великой богиней всего сущего (Gimbutas 1989:

75 sq.). О том, что образ барана на Боспоре имел непосредственное отношение к местному варианту этой богини (о чем, в первую очередь, свидетельствуют находки разнообразных вещей с его изображением в жреческих погребениях кургана Большая Близница), нам уже доводилось писать (Шауб 2007: 126; и др.). Подобная ассоциация с бараном могла существовать и у Девы — одного из воплощений этой богини.

Проанализировав все вещи, обнаруженные в склепе № 1012, Е. Я. Рогов пришел к заключению, что они исключительно женские. Однако поскольку три из семи погребений были безынвентарными, безоговорочно утверждать, что они принадлежали женщинам, невозможно. Но даже если допустить, что это были женщины, в связи с их гипотетическим статусом возникает закономерный вопрос: почему они, будучи жрицами, не имели при себе ничего, в то время как три другие получили сопоставимые по богатству украшения? Кроме того, остается открытым вопрос о гендерной принадлежности погребения 3. Поэтому более корректным, на наш взгляд, будет предположение, что три жрицы, чей прах был захоронен в подстенном склепе № 1012, происходили из привилегированной херсонесской семьи, прочие члены которой нашли упокоение в той же усыпальнице.

Литература

- Анфимов 1987 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1987. 232 с.
- Белов 1970 — *Белов Г. Д.* Терракоты Херсонеса // *Кобылина М. М.* (ред.). Терракоты Северного Причерноморья. М.: Наука, 1970. С. 70–77 (САИ. Вып. Г1-11. Ч. 2).
- Белов 1978 — *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи // АСГЭ. 1978. Вып. 19. С. 45–66.
- Бидзиля, Полин 2012 — *Бидзиля В. И., Полин С. В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 2012. 752 с.
- Бондаренко 2003 — *Бондаренко М. Е.* Пантеон Херсонеса Таврического. М.: Спутник+, 2003. 170 с.
- Буйских 2006 — *Буйских А. В.* Sofa-капители из Херсонеса: к проблеме стилистических заимствований // БИ. 2006. Вып. 11. С. 127–145.
- Булычёва 2018 — *Булычёва Е. В.* Празднество Анакий в Аттике и Северном Причерноморье в IV в. до н. э. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). Ч. 2. С. 173–181.
- Буркерт 2004 — *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 583 с.
- Гриневич 1926 — *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического. Подстенный склеп № 1012 и ворота Херсонеса, открытые в 1899 году. [Севастополь]: Херсонесский музей, 1926. 72 с. (ХС. Вып. 1).
- Жебелёв 1953 — *Жебелёв С. А.* Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 388 с.
- Жеребцов 1979 — *Жеребцов Е. Н.* Новое о херсонесском склепе 1012 // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 34–37.
- Журавлев, Новикова 2012 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю.* Бляшка с изображением Rankenfrau из кургана Куль-Оба // Белоцерковская И. В. (отв. ред.). Образы времени: Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой: Сб. ст. М.: ГИМ, 2012. С. 80–97 (Тр. ГИМ. Вып. 189).
- Журавлев и др. 2014 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Шемаханская М. С.* Ювелирные изделия из кургана Куль-Оба в собрании Исторического музея. Историко-технологическое исследование. М.: ГИМ, 2014. 352 с.
- Журавлев и др. 2017 — *Журавлев Д. В., Новикова Е. Ю., Коваленко С. А., Шемаханская М. С.* Золото Херсонеса Таврического. Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея. М.: Внешторгиздат, 2017. 360 с.
- Зинченко 2018 — *Зинченко С. А.* Изображение на терракотовой пластинке из Херсонеса: попытка интерпретации образной программы // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (отв. ред.). Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира: ММНК. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПбГУПТД, 2018. Ч. 2. С. 67–77.
- Зубарь 2005 — *Зубарь В. М.* Боги и герои античного Херсонеса. Киев: Стилос, 2005. 190 с.

- Калашник 2000 — *Калашник Ю. П.* Перстень-печать из херсонесского склепа № 1012 // *ΣΥΣΣΙΓΙΑ: Сб. памяти Ю. В. Андреева*. СПб.: Алетейя, 2000. С. 280–283.
- КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л.: Наука, 1965. 961 с.
- Кобылина 1967 — *Кобылина М. М.* Форма с изображением сирены из Фанагории // *СА*. 1967. № 1. С. 168–176.
- Кобылина 1970 — *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья // *Кобылина М. М. (ред.)*. Терракоты Северного Причерноморья: Сб. М.: Наука, 1970. С. 6–22 (САИ. Вып. Г1-11. Ч. 1–2).
- Косцюшко-Валюжинич 1901 — *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1899 году // *Известия ИАК*. 1901. Вып. 1. С. 1–55.
- Косцюшко-Валюжинич 1905 — *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году // *Известия ИАК*. 1905. Вып. 16. С. 37–110.
- Латышева 1994 — *Латышева В. А.* Терракоты из раскопок поселения херсонесской хоры Маслины // *Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник*. Харьков, 1994. Т. 1. С. 127–140.
- Максимова 1979 — *Максимова М. И.* Аргюховский курган. Л.: Искусство, 1979. 151 с.
- Неверов 2000 — *Неверов О. Я.* Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья // *Соловьев С. Л. (ред.)*. Античное Причерноморье: Сб. ст. по классической археологии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 24–25.
- ОАК 1895 — Отчет Императорской Археологической комиссии за 1893 год. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1895. 126 с.
- Петров, Макаревич 1963 — *Петров В. П., Макаревич М. Л.* Скифская генеалогическая легенда // *СА*. 1963. № 1. С. 20–31.
- Пятышева 1947 — *Пятышева Н. В.* Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе // *ВДИ*. 1947. № 3. С. 213–218.
- Пятышева 1956 — *Пятышева Н. В.* Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н. э. — IV в. н. э.). М.: Госкультпросветиздат, 1956. 84 с. (Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. 18).
- Пятышева 1971 — *Пятышева Н. В.* Материал склепа № 1012 и его значение для истории Херсонеса эллинистического времени // *Орешников С. М. и др. (ред.)*. История и культура Восточной Европы по археологическим данным: Сб. ст. М.: Советская Россия, 1971. С. 89–109.
- Репников 1927 — *Репников Н. И.* Дневник раскопок херсонесского некрополя в 1908 году // *ХС*. 1927. Ч. 2. С. 147–186.
- Рогов 2000 — *Рогов Е. Я.* Столетие открытия подстенного склепа 1012 в Херсонесе // *Stratum plus*. 2000. № 3. С. 88–97.
- Рогов 2001 — *Рогов Е. Я.* О месте производства феодосийских и херсонесских серег роскошного стиля // *Зуев В. Ю. (отв. ред.)*. Боспорский феномен. Колонизация региона, формирование полисов, образование государства: ММНК. СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. Ч. 2. С. 66–73.
- Рогов 2002 — *Рогов Е. Я.* Подстенный склеп 1012 в Херсонесе Таврическом // *Зуев В. Ю. (отв. ред.)*. Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: ММНК. СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Ч. 1. С. 25–42.
- Рогов 2005 — *Рогов Е. Я.* Греки и варвары в Западном Крыму // *Марченко К. К. (отв. ред.)*. Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 137–210.
- Саверкина 2000 — *Саверкина И. И.* Роскошные серьги в Эрмитаже и в других музеях // *Соловьев С. Л. (ред.)*. Античное Причерноморье: Сб. ст. по классической археологии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2000. С. 7–23.
- Савостина 1996 — *Савостина Е. А.* «Змееногая богиня» — «прорастающая дева» (двусторонний антропоморфный акротерий из Пантикапея) // *Историко-археологический альманах. Армавир*, 1996. Вып. 2. С. 72–83.
- Скржинская 2010 — *Скржинская М. В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб.: Алетейя, 2010. 464 с.
- Сорокина 1960 — *Сорокина Н. П.* Навершие боспорского надгробия с фигуркой сирены из собрания ГИМ // *Археологический сб. к столетию со дня рождения В. А. Городцова (1860–1960)*. М.: Советская Россия, 1960. С. 85–98 (Тр. ГИМ. Вып. 37).

- Стоянов 2004 — *Стоянов Р. В.* Хронология подстенного склепа 1012 // Зуев В. Ю. (ред.). Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища: ММНК. СПб.: Изд-во. ГЭ, 2004. Ч. 2. С. 122–130.
- Стоянов 2005 — *Стоянов Р. В.* Мемориальный погребальный комплекс IV в. до н. э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического // *Stratum plus*. 2005. № 3. С. 324–335.
- Стоянов 2006 — *Стоянов Р. В.* Танатос: к характеристике одной группы эллинистических терракот // *Hyperboreus*. 2006. Vol. 12. С. 153–163.
- Стоянов 2013 — *Стоянов Р. В.* Rankenfrau с маской Силена: к вопросу о контексте находок // Павленко Т. А., Схатум Р. Б., Улитин В. В. (редкол.). III «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси: Материалы междунар. археологической конф. (г. Краснодар, 27–29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 2013. С. 128–133.
- Трейстер 2001 — *Трейстер М. Ю.* Серебряный рельеф с образом «Rankenfrau» из Крыма // *ХС*. 2001. Вып. 11. С. 149–154.
- Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото: ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н. э. СПб.: Славия, 1995. 272 с.
- Фармаковский 1921 — *Фармаковский Б. В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг.: Государственное изд-во, 1921. 45 с. (Записки РАИМК. Вып. 1).
- Шауб 1979 — *Шауб И. Ю.* Миф об Афродите Апатуре и его местная основа // Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации». Цхалтубо; Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 85–87.
- Шауб 1987а — *Шауб И. Ю.* К вопросу о культе отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья // Раев Б. А. (отв. ред.). Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: ТД к семинару. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1987. С. 16.
- Шауб 1987б — *Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI–IV веков до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987. 22 с.
- Шауб 1988 — *Шауб И. Ю.* О происхождении культа богини Девы в Херсонесе // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: ТДК. Севастополь, 1988. С. 128–130.
- Шауб 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // *Stratum plus*. 1999. № 3. С. 207–224.
- Шауб 2006 — *Шауб И. Ю.* Причерноморско-италийские этюды VI. Змееногая богиня в Скифии и Древней Италии // *Итальянский сборник*. 2006. № 9. С. 5–22.
- Шауб 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во филологического факультета СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб 2008 — *Шауб И. Ю.* Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб.: ИИМК РАН, 2008. 155 с.
- Шауб 2009 — *Шауб И. Ю.* О семантике изображения Скиллы на зеркале из Артюховского кургана // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 276–280.
- Шауб 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинистические традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб 2016 — *Шауб И. Ю.* Золотая диадема из Артюховского кургана // *ЗИИМК*. 2016. Вып. 14. С. 58–68.
- Шауб 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // Зинько В. Н. (отв. ред.). Элита Боспора Киммерийского: Традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь: НИЦ ИА Крымского фед. ун-та, ЦАИ БФ, 2017. С. 288–324 (БИ. Вып. 34).
- Шауб 2019 — *Шауб И. Ю.* К вопросу об интерпретации образов дионисийского круга на монетах Пантикапея // *ЗИИМК*. 2019. № 21. С. 73–81.
- Шауб 2022 — *Шауб И. Ю.* Эроты феодосийских серег // *АВ*. 2022. Вып. 35. С. 208–213.
- Шевченко 2016 — *Шевченко А. В.* Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи. Симферополь: Наследие тысячелетий, 2016. 520 с.
- Važant 1994 — *Važant J.* Tanatos // *LIMC*. 1994. Bd. 7. P. 904–908.

- Bethe 1903 — *Bethe E.* Dioskuren // RE. 1903. Bd. 5, 1. S. 1087–1123.
- Buschor 1944 — *Buschor E.* Die Musen des Jenseits. München: Bruckmann. 1944. 80 S.
- Bydłowski 1904 — *Bydłowski A.* Mogiły w Nowosiółce w pow. Lipowieckim, gub. Kijowskiej// Światowit. 1904. T. 5. S. 59–80.
- Diehl 1964 — *Diehl E.* Die Hydria: Formgeschichte und Verwendung im Kult des Altertums. Mainz: Philipp von Zabern, 1964. 253 S.
- Geisau 1979 — *Geisau H. V.* Thanatos // Der Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. S. 648–649.
- Gimbutas 1989 — *Gimbutas M.* The Language of the Goddess. New York: Thames & Hudson, 1989. 430 p.
- Hannestad 2002 — *Hannestad L.* Terracottas // Hannestad L., Stolba V., Sceglov A. (eds.). Panskoye I. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. Vol. 1. P. 203–212.
- Hermary 1986 — *Hermary A.* Eros // LIMC. 1986. Vol. 3. P. 850–942.
- Hofstetter 1990 — *Hofstetter E.* Sirenen im archaischen und klassischen Griechenland. Würzburg: K. Triltsch, 1990. 246 S.
- Hofstetter 1997 — *Hofstetter E.* Seirenes // LIMC. 1997. Bd. 8. S. 1093–1104.
- IG. I³ — Inscriptiones Graecae. Vol. I: Inscriptiones Atticae Euclidis anno anteriores. 3 Aufl. Berlin, 1981. S. XI + 488.
- IPE. I² — Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. / Latyshev B. (ed.). Petropolis, 1916. Vol. I². XII, 594 с., 4 л. табл.
- LSJ — A Greek-English lexicon / compiled by H. G. Liddell and R. Scott. Rev. and augm. throughout / by H. S. Jones. Oxford: University press, 1996. 2446 p.
- Manzewitsch 1932 — *Manzewitsch A.* Ein Grabfund aus Chersonnes. Leningrad: Akademie für Geschichte der materiellen Kultur; Druck. Iw. Fedorow, 1932. 15 S.
- Pfrommer 1990 — *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: E. Wasmuth, 1990. 496 S. (Istanbuler Forschungen. Bd. 37).
- Stengel 1894 — *Stengel P.* Anakeia // RE. 1894. Bd. I, 2. S. 2032.
- Scythian art 1986 — Scythian art. Leningrad: Aurora, 1986. 184 p.
- Vermeule 1979 — *Vermeule E. T.* Aspects of Death in Early Greek Art and Poetry. Berkeley; Los Angeles; London, 1979. 270 p.

REFLECTIONS ON THE BURIALS IN UNDER-WALL CRYPT NO. 1012 IN CHERSONESOS AND THEIR INTERPRETATION

I. YU. SCHAUB

Keywords: *Chersonesos of Taurica, vault No. 1012, priesthood, Parthenos, Great Goddess.*

Since the moment of its discovery under-wall crypt No. 1012 — the most interesting archaeological monument of Tauric Chersonesos containing undisturbed cremated remains of seven people with rich burial goods — has attracted careful attention. Archaeologists' conclusions regarding its dating and interpretation are highly contradictory. The most detailed studies of the burial inventory from the crypt were done by E. Ya. Rogov, who treated it as the final resting place of priestesses of the Parthenos. However, since three of seven burials were without grave goods, it is impossible to assert with confidence that they belonged to women. Neither is it possible to say why three priestesses received rich offerings, while the other three had nothing. The question of the gender of burial 3, which yielded no finds except for a gold finger-ring with Herculean symbols, remains open too. Therefore in the author's view it would be more correct to think that the three priestesses buried in under-wall crypt № 1012 came from a privileged Chersonesos family, and that some other members of this family were interred in the same crypt.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ КОЧЕВНИКОВ С АНТИЧНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: *Евразийские степи, Северное Причерноморье, кочевники, земледельцы, античные государства, дипломатические дары.*

Греческие государства Северного Причерноморья были расположены на краю великого пояса Евразийских степей. На всех этапах их существования большое значение имели взаимоотношения с миром кочевников, откуда исходила серьезная военная угроза. Общеизвестно, что эллины были вынуждены «покупать мир» у варваров. Важным элементом поддержания мирного сосуществования были дипломатические дары, которые периодически направлялись вождям объединений номадов. Любопытно, что в имеющихся письменных источниках нет сведений об обратных дарах, направлявшихся из степей в греческие города. Можно предположить, что кочевники придерживались точки зрения, что, не производя набегов на соседей, они тем самым делали для них большой подарок.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-36-42

В круг научных интересов Е. Я. Рогова входили многие аспекты развития эллинской культуры на северном берегу Черного моря. Наряду с прочим его очень волновала проблема взаимодействий греческих государств региона со степным, кочевым миром. Сейчас уже можно признаться, что при подготовке наших первых коллективных публикаций, появившихся вскоре после завершения обучения в университете, именно он отвечал за сбор исторических и этнографических материалов о номадах Евразийских степей (Вахтина и др. 1979; 1980). Позднее эта тема отчетливо прозвучала в его очерке истории Херсонеса Таврического в скифскую эпоху (Рогов 2005).

Всем понятно, что взаимоотношения кочевников с оседлыми народами не отличались стабильностью и часто носили откровенно враждебный характер. Подвижные отряды номадов, преодолев большие расстояния, могли в любой момент очутиться буквально у городских ворот, грозя пожаром, разорением, убийствами, уводом населения в полон. В научной литературе признано, что военное превосходство кочевников над земледельцами в древности и Средневековье было практически тотальным. Один из крупнейших специалистов в области изучения номадизма А. М. Хазанов справедливо указывает на то, что до революции в области военного дела и вооружений, пришедшейся на новое время, оседлые государства были не в состоянии найти сколько-нибудь надежное решение проблемы, связанной с защитой от нападений кочевников (Хазанов 2002: 55; 2008: 245, 246; Khazanov

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Виноградов Ю. А., 2023.

1984: 222, 223; ср.: Дигар 1989: 47; Крадин 1993: 196; 1995: 166; Першиц 1994: 132; Виноградов 2008; 2009: 42–51; Lattimore 1951: 333; 1962: 151; Clutton-Brock 1992: 76). Для противостояния натиску из степей оседлые народы и государства вынуждены были напрягать все свои силы, используя как военные, так и дипломатические методы, активно подкупая кочевую аристократию, переманивая часть номадов на свою сторону и т. д. Чтобы избежать драматического развития событий, земледельцы были вынуждены выплачивать опасным соседям дань, которая могла принимать различные формы, в том числе представлять собой традиционные подарки, которые можно именовать дипломатическими дарами.

Однако даже если между номадами и земледельческими государствами имелись соответствующие договоренности о размерах дани, количестве и качестве подарков, поставляемых в ставки владык степей, и т. д., напряжение в их взаимоотношениях могло возникнуть в любой момент. Один из хуннских вождей, к примеру, угрожал китайцам, что в случае недостаточности или дурного качества этих подарков, на них осенью будет послана конница «потоптать хлеб на корню» (Бичурин (Иакинф) 1950: 59). Этот пример с полной наглядностью доказывает, что выплаты кочевникам со стороны оседлого населения, в данном случае выступающие в форме подарков, играли важную роль для предотвращения наносящих вред земледельцам войн, но все-таки не гарантировали безусловного достижения желаемого для них результата.

Некоторые подарки кочевникам с современной точки зрения могут показаться не очень ценными, но здесь многое зависело, так сказать, от уровня контактов. К примеру, тобольский воевода одарил калмыцких послов такими предметами «роскоши», как медный таз, оловянное блюдо, костяной гребень и шкурки черных лисиц (см.: Богоявленский 1939: 90). Пришельцы, по всей видимости, были ими вполне удовлетворены.

В этом отношении понятней становится поведение татарских послов при дворе московского царя. Адам Олеарий по этому поводу записал: «Такие посольства, как говорят, присылаются ежегодно <...> татарами, хотя никаких важных предложений они и не делают. Приезжают они больше всего ради одежды и подарков, зная, что всегда им дадут чего-нибудь» (Россия XV–XVII вв. ... 1986: 319). В другом месте своего сочинения немецкий путешественник на эту проблему взглянул более глубоко: «Отдаленные татары, со стороны которых он (русский царь. — Ю. В.) часто должен ожидать нападений, приходят ежегодно посольствами и получают деньги; ему как бы приходится покупать у них мир» (Там же: 375).

О том, какими представлялись кочевникам, так сказать, идеальные взаимоотношения с земледельцами, могут свидетельствовать слова аварского посланника, сказанные византийскому императору Юстиниану, какими их передал историк Менандр Византиец: «К тебе приходит самый великий и сильный из народов; племя аварское неодолимо; оно способно легко отразить и истребить противника. И потому полезно будет тебе принять аваров в союзники и приобрести себе в них отличных защитников; но они только в таком случае будут в дружеских связях с римскою державою, если будут получать от тебя драгоценные подарки и деньги ежегодно, и будут поселены тобою на плодоносные земли» (Византийские историки... 1860: 322, отрывок 4).

Варвары, как видим, наряду с прочим, требовали надления их плодородными землями³. О системе использования кочевников в качестве щита на границах оседлых государств в научной литературе сказано очень многое. О подарках кочевникам от правителей оседлых государств тоже написано немало. Тем не менее стоит обратить внимание, что аварам, по свидетельству того же историка, Юстиниан направил «цепочки, украшенные золотом, и ложа, и шелковые одежды, и множество других вещей, которые смогли бы смягчить души, исполненные надменности» (Там же: 325, отрывок 5). При императоре Юстине Младшем

³ Император Юстиниан, как известно, позволил гуннам-кутригурам расселиться во Фракии (Procop. BG. VIII. 19. 8).

в Византию вновь прибыло посольство от аваров, и вновь прозвучали знакомые нам требования: «Мы пришли сюда взять то, что по обыкновению нам следует, и знай, что невозможно нашему владельцу быть в дружбе с тобою и с римскою державою, пока не будут ему выданы те подарки, за которые он решился не поднимать оружие против римлян» (Там же: 358, отрывок 14). Император на это ответил, что авары «через меру возгордились» и что подарки они получают «в награду за службу, а не вместо дани» (Там же: 358, 359, отрывок 14).

В отношении подарков необходимо добавить несколько слов, поскольку в архаических обществах, как это показано в специальных исследованиях, они являлись характерной и даже универсальной формой обмена (Мосс 1996: 83 сл.). С формальной стороны этот обмен состоял из трех элементов: давать — брать — возвращать, при этом компенсирующий дар (возвращение) был весьма и весьма важен. Поскольку в даре была заложена, как тогда считалось, магическая сила дарителя, то «отдарок» был абсолютно необходим, при этом он должен был быть, по меньшей мере, равноценным подарку. Отсутствие или неполнота возврата ставила получателя в зависимое положение по отношению к дарителю, это могло привести к возникновению враждебности и даже войнам. Есть все основания считать, что система «подарок–отдарок» являлась целостным социальным феноменом, благодаря которой сохранялся мир, достигались взаимоотношения дружбы и солидарности (Кривошеев 2006: 179, 180).

Полностью соглашаясь с этим выводом, невольно обращаешь внимание на то, что в исторических источниках можно найти немало примеров, так или иначе связанных с подарками кочевникам со стороны оседлых государств, а вот свидетельств об их «отдарках» не очень много. Тем не менее в китайских сочинениях такие данные имеются. Императрица Льюхоу, к примеру, отправила шаньюю сюнну две императорские повозки и две четверки лошадей. «Шаньюй ответил 1000 голов лошадей; после этого сюнну, заключив мир и родство, стали равным [Китаю] государством» (Кюннер 1961: 156). Другой пример — князь Усунь договорился с императорским двором, что ему будет дана в жены княжна императорского рода, за это были представлены «сговоренные дары» в размере 1000 голов лошадей (Там же: 120). Складывается впечатление, что 1000 лошадей признавалась очень щедрым даром.

Китайская письменная традиция сохранила в высшей степени показательный рассказ о разговоре, состоявшемся между императором Поднебесной Гао-цзы (471–499 гг.) и его посланником к номадам. Из этого рассказа с полной очевидностью следует, что подарки от кочевников следовало принимать даже в том случае, когда те не проявляли особой лояльности. Чиновник заметил, что варвары вели себя очень неучтиво и по этой причине надо бы отказаться от их подарков. Император в ответ на это сказал: «Подношение предметов, выращенных на поросших травой землях, — постоянное правило для наших слуг. Отказаться от его подношений — значит оттолкнуть его от себя. Тогда, если бы он захотел исправиться, дорога к этому для него была бы закрыта» ([Таскин] 1984: 225). По той же самой причине некоторые варварские вожди, совершившие неугодные для Китайской империи деяния, порицались, но все-таки получали обычные дары, к примеру, 120 кусков шелковых тканей (Там же). Нечестивцу этим как бы намекали: «Опомнись, а то вообще ничего подобного не получишь!»

Здесь, однако, следует сделать оговорку и подчеркнуть, что все сейчас сказанное относится к восточной части великого пояса степей. А что же было на западе, в более близком и, казалось бы, более понятном для нас регионе Северного Причерноморья? На первый взгляд и там взаимодействия с номадами происходили по давно установленным правилам. Местные эллинские государства, как уже частично было сказано ранее в отношении Византии и аваров, посылали подарки вождям кочевнических объединений.

Нет сомнения, что эта практика существовала в скифо-сарматское время. Некоторые из драгоценных изделий греческих торевтов, обнаруженные в «царских» курганах причерноморских степей, вполне можно рассматривать как «дипломатические дары», служившие

важным элементом регулирования отношений между античными центрами и варварским миром (Яковенко 1986: 51, 52; Алексеев 2003: 225, 247; 2012: 15, 16; Виноградов 2009: 17, 61; 2017: 65). Разумеется, их следует рассматривать не только как показатели стремления греков «купить» мир у варваров. В некоторых ситуациях можно считать, что с помощью таких даров эллинские государства пытались заручиться поддержкой вождей варварских объединений в трансформации хозяйственной системы подвластных им территорий в направлении, которое было выгодно грекам (Wells 1980). Драгоценные предметы греческой торевтики, таким образом, могут служить материальным свидетельством определенной «свободы рук», которой греки смогли добиться на варварских территориях, прежде всего в сфере торговли (Виноградов 2017: 65, 66).

О подарках варварам можно найти сведения и в письменных источниках. Наиболее значимым из них является ольвийский декрет в честь Протогена (IOSPE. I². 32). Этот любопытнейший эпиграфический документ, скорее всего, описывает историческую ситуацию, сложившуюся в регионе во второй половине III в. до н. э. Из него известно, что Ольвию донимал поборами Сайтафарн, царь сайев, в которых обычно видят царских сарматов (Мачинский 1971: 47; Смирнов 1981: 8; 1984: 119; Виноградов 1999: 76; Виноградов, Марченко 2014: 149, 150). В трудное для города время настоящим «спасителем отечества» выступал Протоген, о деяниях которого стоит привести несколько выдержек из декрета в переводе В. В. Латышева. В самом начале документа говорится, что «когда царь Сайтафарн прибыл в Канкит⁴ и требовал даров, дававшихся ему по случаю проезда, а общественная казна была пуста, он (Протоген. — Ю. В.) по просьбе народа дал 400 золотых».

Чуть ниже читаем, «<...> когда явились во множестве сайи за получением даров, а народ не мог им дать и попросил Протогена помочь его (народа. — Ю. В.) стесненным обстоятельствам, он, выступив, предложил 400 золотых». Четыре сотни золотых монет, как можно считать, номадов вполне удовлетворяли, по крайней мере, иногда.

В другом месте декрета сказано: «<...> когда царь Сайтафарн явился на ту сторону (очевидно, на восточный берег Южного Буга/Гипаниса. — Ю. В.) за дарами и архонты, созвав народное собрание, объявили о прибытии царя и о том, что в казне нет никаких сумм, Протоген, выступив, дал 900 золотых». Далее говорится, что он вошел в посольство, которое должно было доставить собранные средства царю. Однако тот, «недовольный дарами, разгневался и выступил в поход». Очевидно, Протогену стоило немалых трудов и дополнительных трат, чтобы отвести угрозу от родного города, но об этом мы ничего не знаем по причине плохой сохранности документа в данном месте.

Итак, вполне очевидно, что ольвиополиты в III в. до н. э. направляли в степь весьма богатые дары, а вот об «отдарках» со стороны кочевников сведений нет ни в декрете в честь Протогена, ни в других имеющихся документах. Во всяком случае, мне такие сведения не известны. Конечно, можно допустить, что какой-нибудь предводитель номадов послал щедрым боспорскому или ольвийскому дарителю пару коней или стадо овец, но это допущение является чисто умозрительным. Закономерно возникают сомнения в применимости системы «подарок–отдарок» к контактам между земледельцами и кочевниками в Северном Причерноморье. Но так ли это? Не исключено, что здесь получил распространение совсем другой взгляд на смысл обратного подарка. Возможно, ответ на поставленный вопрос содержится в словах посла аваров к императору Юстину Младшему, которые частично были процитированы ранее. По сообщению историка Менандра, он требовал от византийского императора увеличения числа подарков, заявляя при этом, что «мы (авары. — Ю. В.) отдавали тем, что не нападали на римские владения, хотя и имели на это право» (Византийские историки... 1860: 357). В другом месте этого сочинения говорится о подарках вождю аваров, «за которые он решился не поднимать оружие против римлян» (Там же: 357).

⁴ Локализация этого пункта до сих пор не ясна.

Как видим, авары рассматривали мир с Византией как своего рода подарок империи. Вполне вероятно, что такого же мнения придерживались и другие кочевники припонтийских степей в подобных ситуациях. Напомню о дарах, которые ольвиополиты приносили Сайтафарну по случаю его проезда мимо города. Понятно, что проезд был мирным, хотя и грозившим грекам некоторой опасностью. Логика рассуждений кочевников здесь могла быть следующей (прошу воспринимать эти мои рассуждения с долей юмора): поскольку, проходя мимо города, сайи никого не убили, ничего не разрушили и не сожгли, то тем самым сделали ольвиополитам подарок. Подарок, как мы знаем, должен иметь отдарок, а мир для слабого стоил дорого. И это уже без всякого юмора!

В системе распределения подарков вождям варварских народов в Византийской империи однажды произошел случай, который сейчас может показаться курьезным, но он, конечно, вполне укладывается в русло двуличной византийской политики. Прокопий Кесарийский в «Войне с готами» рассказывает, что гунны-кутригуры⁵ «ежегодно получали от императора большие дары, но, тем не менее, переходя Истр, они вечно делали набеги на земли императора, являясь то союзниками, то врагами римлян» (Procop. BG. VIII. 5. 15–16). Юстиниан, решив покончить с этим, направил послов к гуннам-утигурам и, «богато одарив их деньгами», уговорил этих номадов немедленно двинуться на кутригуров (Procop. BG. VIII. 18. 21). Те, пригласив себе на помощь две тысячи готов, выступили против соплеменников и полностью разбили их в сражении. Часть побежденных вместе с женами и детьми бежали в Византию и просили Юстиниана о защите. Император внял мольбам беглецов и разрешил им поселиться в местечках Фракии. Царь утигуров Сандил, узнав об этом, пришел в сильное раздражение, поскольку византийцы охотно приняли своих врагов, примерно наказав которых сами же совсем недавно просили утигуров. Послы Сандила к императору с огромной обидой заявили, что верные ему утигуры продолжают жить в бедности, а побежденным ими кутригурам «дается возможность наедаться хлебом, они имеют полную возможность напиваться допьяна вином и выбирать себе всякие приправы <...>, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них и тонкие одеяния разноцветные и разукрашенные золотом» (Procop. BG. VIII. 19. 16–17). Решив одну проблему с помощью утигуров, Юстиниан сумел избавиться и от другой, которая вполне могла перерасти в конфликт. Прокопий по этому поводу отметил: «Император, всячески обласкав их (послов утигуров. — Ю. В.) и утешив массой даров, в скором будущем отправил назад» (Procop. BG. VIII. 19. 22). Как тут не вспомнить известную сентенцию — «мавр сделал свое дело...».

Цитата из «Войны с готами», приведенная мною ранее, содержит авторитетное свидетельство о том, что богатые подарки не сдерживали кутригуров от нападений на имперские владения. Еще резче по поводу практики таких выплат Прокопий, естественно, высказался в «Тайной истории», указывая на ее очевидную пагубность (Procop. Anecd. XI. 5–9; XIX. 6). Приведу лишь одно его суждение: «Огромное количество государственных ценностей он (Юстиниан. — Ю. В.) отдавал гуннам, которые то и дело являлись к нему, и в результате земля римлян оказалась подверженной частым вторжениям. Ибо, отдавав римского богатства, эти варвары уже были не в силах забыть сюда дорогу» (Procop. Anecd. VIII. 5–6). Сходные оценки такой практики можно найти и в китайских источниках — взятки, которые отправлялись предводителям хунну, как считали некоторые чиновники, не гарантировали спокойствия на границах, но являлись доказательством беспомощности государства (Кюннер 1961: 201, 202). Все это, конечно, верно, или верно хотя бы отчасти.

Моя небольшая статья, однако, посвящена отнюдь не анализу этой порочной или, напротив, мудрой и дальновидной практики. Скорее всего, на различных исторических этапах ее значение не было одинаковым. В этом отношении хочется обратить внимание на другое, а именно на то, что кочевники Северного Причерноморья предпочитали

⁵ О гуннах-кутригурах и гуннах-утигурах см.: Артамонов 2002: 100–122.

не отвечать на подарки соседей-земледельцев. Вероятно, они полагали, что лучшим «подарком» для тех является отсутствие агрессивности, исходящей из степей. Но ведь там, в степи, всегда находились, так сказать, маргиналы, для которых никакие законы и никакие соглашения ничего не значили (Виноградов 2009: 44, 45).

Литература

- Алексеев 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб.: Изд-во ГЭ, 2003. 416 с.
- Алексеев 2012 — Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во ГЭ, 2013. 271 с.
- Артамонов 2002 — Артамонов М. И. История хазар. СПб.: Омега, 2002. 688 с.
- Бичурин (Иакинф) 1950 — Бичурин (Иакинф) Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 471 с.
- Богоявленский 1939 — Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVI в. // Исторические записки. 1939. № 5. С. 48–101.
- Вахтина и др. 1979 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А., Rogov E. Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Лордкипанидзе О. (отв. ред.). Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья: Материалы 1-го Всесоюзного симпозиума. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 75–81.
- Вахтина и др. 1980 — Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Rogov E. Я. Об одном из маршрутов военных и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161.
- Византийские историки... 1860 — Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Пётр Патриций, Менандр, Ноннос и Феофан Византиец. СПб.: Тип. Леонида Демиса, 1860. 507 с. (перевод с греч. Л. Дестуниса).
- Виноградов 1999 — Виноградов Ю. А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // *Nurboreus*. 1999. Vol. 5.1. С. 56–82.
- Виноградов 2008 — Виноградов Ю. А. Кочевники и земледельцы. Соперничество на поле боя // Зинько В. Н. (отв. ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. *Militaria*. Керчь: б. и., 2008. С. 60–66 (БЧ. Вып. 9).
- Виноградов 2009 — Виноградов Ю. А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2009. Вып. 22. С. 5–90.
- Виноградов 2017 — Виноградов Ю. А. Номады и земледельцы. Проблемы мирного сосуществования // Зинько В. Н., Зинько Е. А. (отв. ред.). Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Торговля: пути — товары — отношения. Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017. С. 60–67 (БЧ. Вып. 18).
- Виноградов, Марченко 2014 — Виноградов Ю. А., Марченко К. К. Северное Причерноморье в III в. до н. э. (взгляд из греческих государств) // АВ. 2014. Вып. 20. С. 143–162.
- Дигар 1989 — Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Массон В. М. (отв. ред.). Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций: Сб. ст. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 33–54.
- Крадин 1993 — Крадин Н. Н. Структура власти в государственных образованиях кочевников // Иванов Н. А. (отв. ред.). Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти: Сб. ст. М.: Наука, 1993. С. 192–210.
- Крадин 1995 — Крадин Н. Н. Эволюция социально-политической организации монголов в конце XII — начале XIII века // Базарова Б. З., Коновалов П. Б. (отв. ред.). «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история: Сб. ст. Новосибирск: Наука, 1995. С. 48–66.
- Кривошеев 2006 — Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV веков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 464 с.
- Кюннер 1961 — Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Восточная литература, 1961. 391 с.
- Мачинский 1971 — Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. 1971. Вып. 13. С. 30–54.

- Мосс 1996 — Мосс М. Общество. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература, 1996. 223 с. (перевод с франц.).
- Першиц 1994 — Першиц А. И. Война и мир на пороге цивилизации. Кочевые скотоводы // Першиц А. И., Семёнов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994. Т. 2. С. 129–244.
- Рогов 2005 — Рогов Е. Я. Греки и варвары в Западном Крыму // Марченко К. К. (отв. ред.). Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя, 2005. С. 137–210.
- Россия XV–XVII вв. ... 1986 — Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / Лимонова Ю. А. (ред.). Л.: Лениздат, 1986. 543 с.
- Смирнов 1981 — Смирнов К. Ф. Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы // Магометов А. Х. (отв. ред.). Античные государства и варварский мир: Межвуз. сб. ст. Орджоникидзе: Изд-во Северо-Осетинского ГУ, 1981. С. 3–26.
- Смирнов 1984 — Смирнов К. Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 182 с.
- [Таскин] 1984 — [Таскин В. С.] Материалы по истории древних кочевников группы дунху. М.: Главная редакция восточной литературы, 1984. 488 с.
- Хазанов 2002 — Хазанов А. М. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // Крадин Н. Н., Бондаренко Д. Н. (отв. ред.). Кочевая альтернатива социальной эволюции. М.: б. и., 2002. С. 37–58 (Цивилизационное измерение. Т. 6).
- Хазанов 2008 — Хазанов А. М. Кочевники и внешний мир. СПб.: Изд-во филолог. фак-та СПбГУ, 2008. 512 с.
- Яковенко 1986 — Яковенко Э. В. О дипломатических контактах Боспора со Скифией времен Атея (к истории международных отношений в Причерноморском регионе) // Королев В. Н. (отв. ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: ТД VII МНК (17–21 мая 1994 г.). Ростов н/Д.: Молот, 1986. С. 43–54.
- Clutton-Brock 1992 — Clutton-Brock J. Horse Power. A History of the Horse and the Donkey in Human Society. London: Natural History Museum Publications, 1992. 192 p.
- Khazanov 1984 — Khazanov A. M. Nomads and the Outside World. Cambridge University Press, 1984. 366 p.
- Lattimore 1951 — Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. New York: Capitol Publishing Company, 1951. 588 p.
- Lattimore 1962 — Lattimore O. Studies in Frontier History. Collected Papers 1928–1958. London: Oxford University Press, 1962. 562 p.
- Wells 1980 — Wells P. S. Culture contact and culture change. Early Iron Age central Europe and the Mediterranean world. Cambridge University Press, 1980. 171 p.

ON ONE PECULIARITY OF INTERACTIONS BETWEEN THE NOMADS AND ANTIQUE STATES OF THE NORTH BLACK SEA REGION

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *Eurasian steppes, North Black Sea region, nomads, farmers, antique states, античные государства, diplomatic gifts.*

The Greek states of the North Black Sea region were situated along the fringe of the great belt of Eurasian steppes. At all stages of their existence of particular importance for them were mutual relations with the world of nomads, who represented a serious military threat. It is generally accepted that the Hellenes had to «buy peace» from the barbarians. Diplomatic gifts sent to nomadic chiefs were an important means to ensure peaceful coexistence. Interestingly, the available written records contain no mentions of return gifts sent from the steppes to Greek towns. This may suggest that the nomads held an opinion that refraining from raiding their neighbors was, in itself, a great gift.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ПАНТИКАПЕЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВОССОЗДАНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА БОСПОРЕ В КОНЦЕ VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V В. ДО Н. Э. ЧЕТВЕРТЫЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ПАНТИКАПЕЯ

В. П. ТОЛСТИКОВ¹

Ключевые слова: *Пантикапей, Верхнее плато вершины Первого кресла Митридата, Западное плато вершины Первого кресла Митридата, Четвертый строительный период, теменос, храм Аполлона, скифы, номады, скифский звериный стиль, сфагион.*

Археологические исследования Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина, ведущиеся в течение 76 лет, позволили сформировать уникальную коллекцию памятников античной культуры и искусства, а также наметить этапы возникновения и эволюции градостроительной истории Пантикапея. Результаты раскопок дают возможность впервые сопоставить характер застройки на двух важнейших участках центрального района города — Западном и Верхнем плато вершины Первого кресла Митридата в Четвертый строительный период (515–485 гг. до н. э.). Установлено, что в этот период город подвергся нападениям кочевников, следствием которых стало полное разрушение общественного центра с толосом на Западном плато. На Верхнем плато также выявлены следы обстрелов и локальных разрушений. Предполагается, что и существовавший здесь теменос с храмом Аполлона пострадал в ходе военных действий. В статье ставится вопрос о причинах нахождения на акрополе Пантикапея в слое первой половины V в. до н. э. изделий в скифском зверином стиле, делается сопоставление сюжетов их декора с сюжетом декора блях из сфагиона.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-43-56

Планомерные археологические исследования Боспорской экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, ведущиеся в течение 76 лет, позволили не только сформировать уникальную коллекцию памятников античной культуры и искусства, но и наметить этапы возникновения и эволюции градостроительной истории Пантикапея — крупнейшего центра античного Боспора и одного из наиболее значительных объектов культурного наследия федерального значения России.

Результаты планомерных раскопок на широких площадях дают возможность впервые сопоставить характер застройки на двух важнейших участках центрального района городища — Западном и Верхнем плато вершины Первого кресла Митридата в Четвертый строительный период для этого района Пантикапея, который приходится на 515–485 гг.

¹ Отдел искусства и археологии Античного мира, ГМИИ им. А. С. Пушкина; Москва, 119019, Россия.

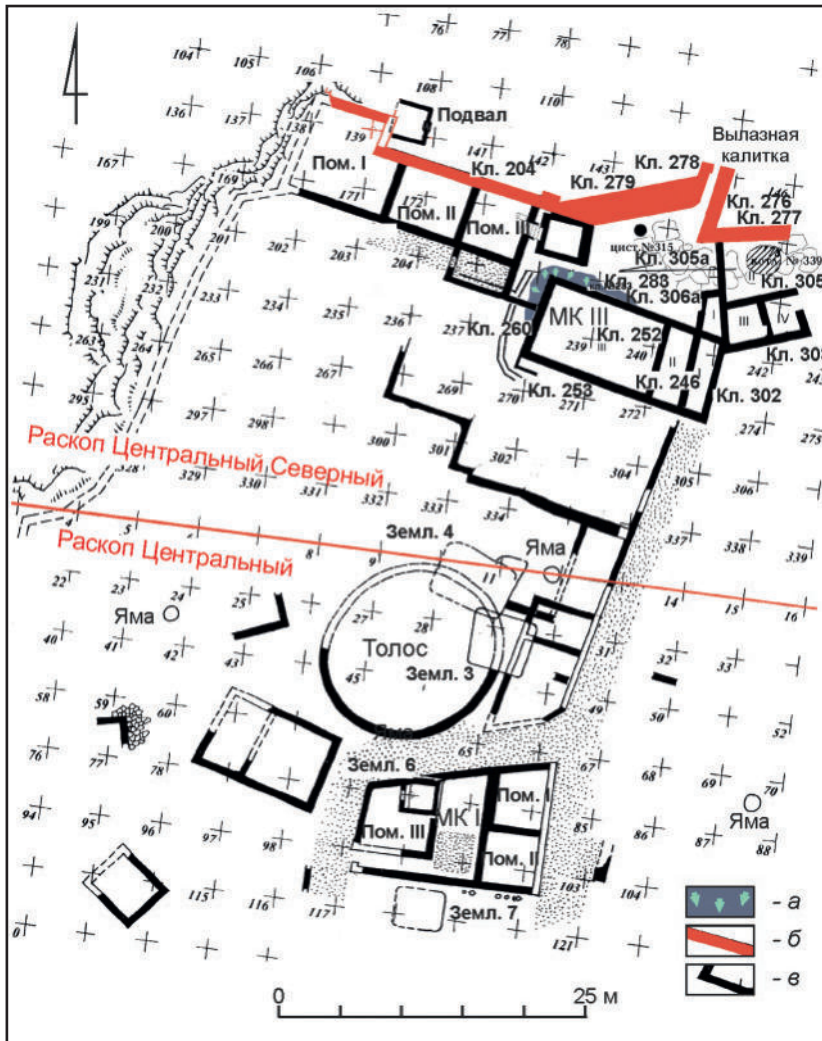

Рис. 1. Пантикапей, Западное плато, раскопы Центральный и Центральный Северный. План-схема общественного центра с толосом (515–480 гг. до н. э.) (а — слой локального пожарища с наконечниками скифских стрел; б — кладки линии укреплений; в — кладки жилых и общественных зданий)

Fig. 1. Panticapaeum. Western plateau, Central and Central Northern trenches: schematic plan of the community center with tolos (515–480 BC) (a — fire layer with Scythian arrowheads; б — fortification masonries; в — foundations of dwelling and communal buildings)

до н. э., согласно разработанной автором хронологической периодизации. Впервые вариант этой периодизации был предложен в 1992 г. (Толстиков 1992). В дальнейшем, по мере накопления новой информации, она постоянно детализируется и уточняется.

Территория Западного плато вершины Первого кресла Митридата

Обратимся сначала к результатам исследований на Западном плато. В период с 1974 по 2009 г., то есть в течение 35 лет, основные усилия экспедиции, сначала под руководством Ирины Дмитриевны Марченко (Марченко 1968), а с 1977 г. под началом автора этих строк, были сосредоточены на территории к западу от скалы Первого кресла Митридата — на Западном плато. Здесь, на раскопах Центральный и Центральный Северный, общей площадью 7700 м², были открыты остатки архитектурного ансамбля, образованного четырьмя многокамерными зданиями — МК I, II, III, IV, функциональным и композиционным центром которого служило круглое в плане сооружение — толос (Толстиков 2017) (рис. 1). Культурные напластования, залегавшие в помещениях этих построек, связанных между собой уличной сетью, содержали комплексы находок, позволившие предположить, что в период между 515 и 480 гг. до н. э. на Западном плато был воздвигнут и функционировал общественный центр полиса. На это указывают не только наличие в нем редкого для данного периода типа общественного здания — толоса, но и многочисленные фрагменты

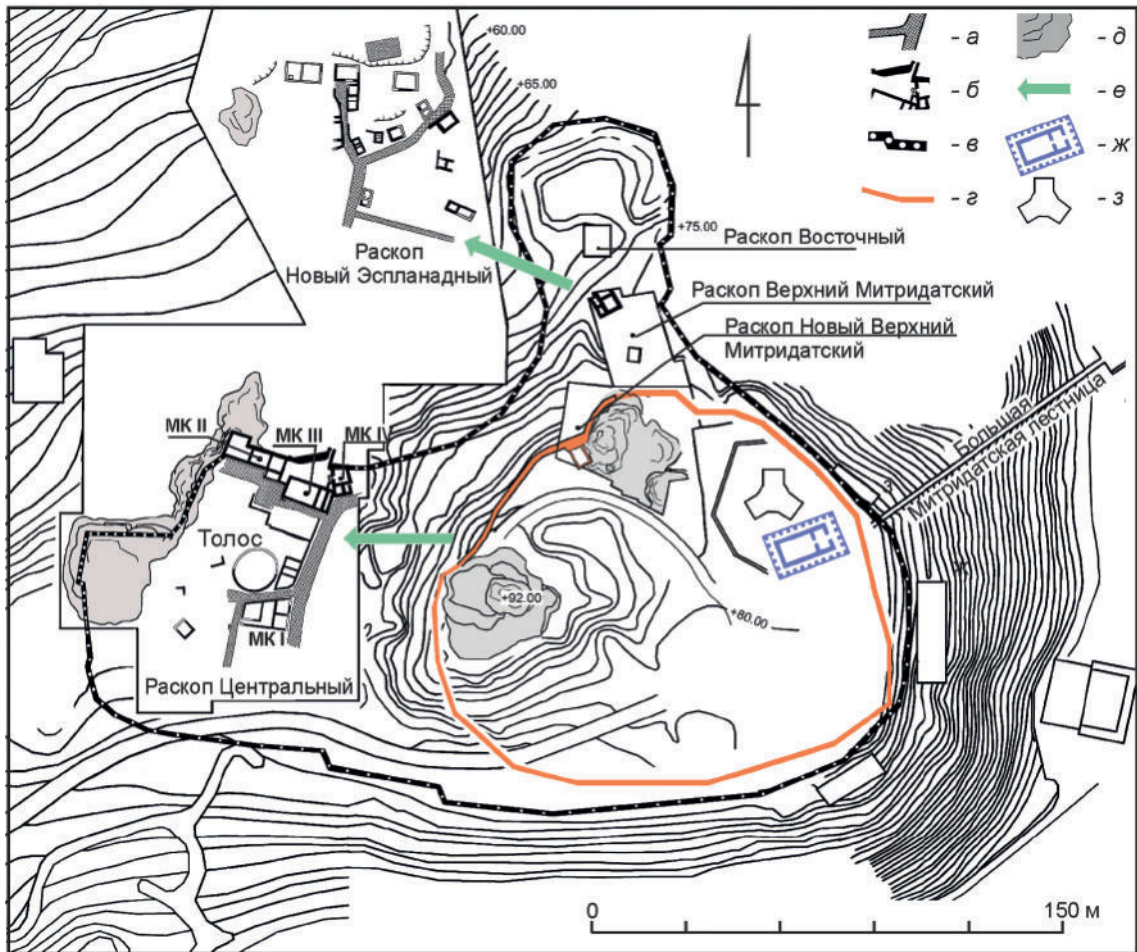

Рис. 2. Гипотетический план развития Пантिकाпейской апойки в VI — второй четверти V в. до н. э. (а — улицы; б — сооружения конца VI — начала V в. до н. э.; в — предполагаемая трасса укреплений первой четверти V в. до н. э.; г — укрепления и границы первоначального ядра апойки; д — скальные выступы; е — направления развития апойки; ж — храм Аполлона; з — обелиск Славы)

Fig. 2. Conjectural plan of the development of the apoikia of Panticapatum in the VI — second quarter of the V c. BC (a — streets; б — buildings of the late VI — early V c. BC; в — hypothesized line of fortifications in the first quarter of the V c. BC; г — fortifications and initial bounds of the apoikia core area; д — rock projections; е — directions of the apoikia development; ж — Apollo temple; з — Glory obelisk)

чернофигурной аттической керамики, в том числе панафинейских амфор, отдельные ранние образцы высокохудожественных краснофигурных сосудов и, прежде всего, многочисленные обломки уникальной ванны для ритуальных омовений клазоменского производства с рельефным сюжетным декором, датируемой концом VI в. до н. э.²

Возведение этого монументального ансамбля служит не только свидетельством расширения городской территории в западном направлении, но и показателем наличия сил и средств для реализации этой весьма значительной строительной программы (рис. 2).

Столь же важными для изучения ранней истории Пантिकाпейского полиса являются свидетельства резкого регресса в отмеченном выше поступательном процессе урбанизации его центрального района. Установлено, что в период между 485 и 480 гг. до н. э.

² Инв. ГМИИ А-арх 1701.

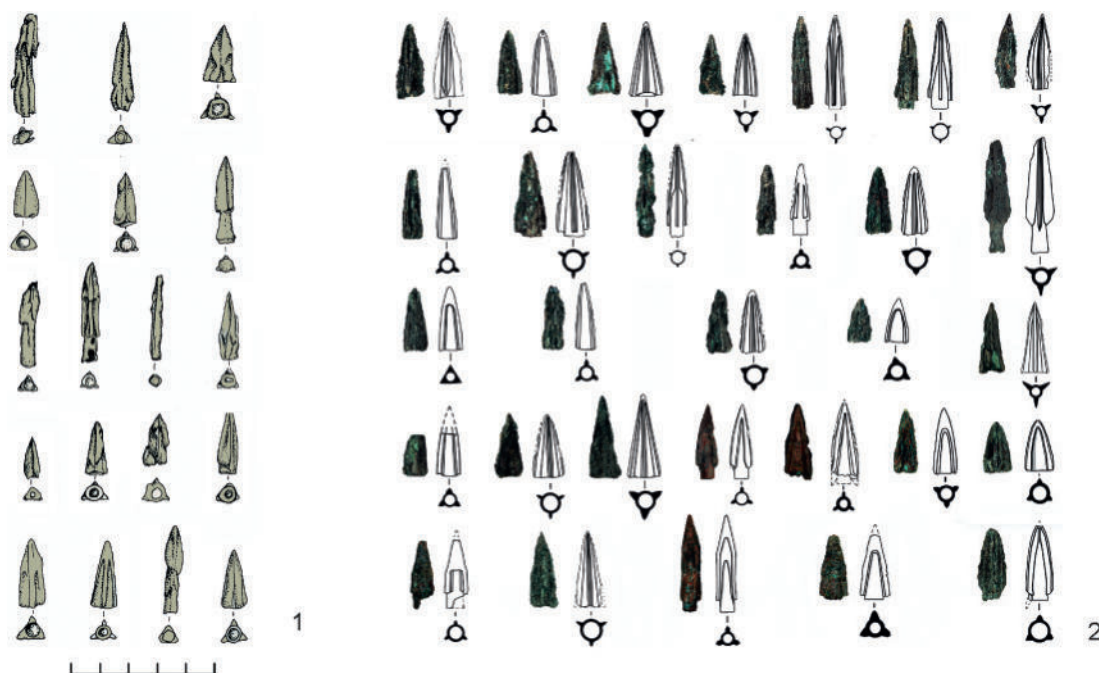

Рис. 3. Пантикапей, наконечники скифских стрел: 1 — образцы из локального слоя пожара перед северным фасом здания МК II раскопа Центральный Северный; 2 — из слоя развала кладки № 87 северо-западной стены здания МК Д-11 и пом. II раскопа Новый Верхний Митридатский
 Fig. 3. Panticapaeum, Scythian arrowheads: 1 — samples from the fire layer in front of the northern side of the MK II building, Central Northern trench; 2 — from the layer with the remains of masonry No. 87, the northwestern wall of the MK Д-11 building and room II, New Upper Mithridates trench

архитектурный ансамбль на Западном плато подвергся разрушению. Ярким свидетельством причины этого разрушения стал выявленный раскопками участок локального пожара вдоль северной и восточной стен здания МК III (см. рис. 1). Здесь, в слое сажи, углей и золы, был обнаружен 21 наконечник бронзовых стрел скифского типа, причем один из них оказался вонзившимся в шов между камнями кладки стены здания (Толстикова и др. 2003: 323, 324) (рис. 3, 1). Есть серьезные основания полагать, что эти разрушения являются свидетельством военных нападений новых групп кочевников-скифов, вторгшихся в пределы Боспора Киммерийского (Толстикова 1984).

Гипотеза об экспансии союза скифских племен, сформировавшегося после разгрома царскими скифами похода Дария I около 519 г. до н. э., была впервые последовательно сформулирована в печати Ю. Г. Виноградовым в 1980 г. (Vinogradov 1980: 69 f.; Виноградов 1983). К настоящему времени, по мере накопления новых археологических свидетельств, слои пожаров и разрушений первой четверти V в. до н. э. фиксируются не менее чем в 15 боспорских центрах по обоим берегам пролива: в Пантикапее, Нимфее, Зеноновом Херсонесе, Порфмии, Мирмекии, Тиритаке, пос. Андреевка Южная, пос. Южно-Чурубашское, у пос. Героевское, Киммерике (холм А), Фанагории, Кепях, пос. Стрелка 2, пос. Голубицкая 2 и, предположительно, в Гермонассе (рис. 4).

Но обратимся вновь к ситуации на Западном плато. Судя по имеющимся данным, спустя весьма непродолжительное время после разрушения общественного центра три здания, прежде входившие в его ансамбль и расположенные на северном склоне плато, были перестроены и включены в сооруженную здесь линию укреплений (рис. 5). Примечательно, что все остальные постройки, как и толос, восстановлены не были. Тем не менее жизнь здесь продолжалась: прямо среди руин выкапывались прямоугольные в плане котлованы,

Рис. 4. Территория Боспора Киммерийского в первой четверти V в. до н. э. (а — боспорские центры, в которых выявлены следы пожаров и разрушений; б — трасса Тиритакского вала)

Fig. 4. Territory of Bosporus Cimmerian in the first quarter of the V c. BC

(a — Bosporan centers with traces of fires and destructions; б — Tiritake wall line)

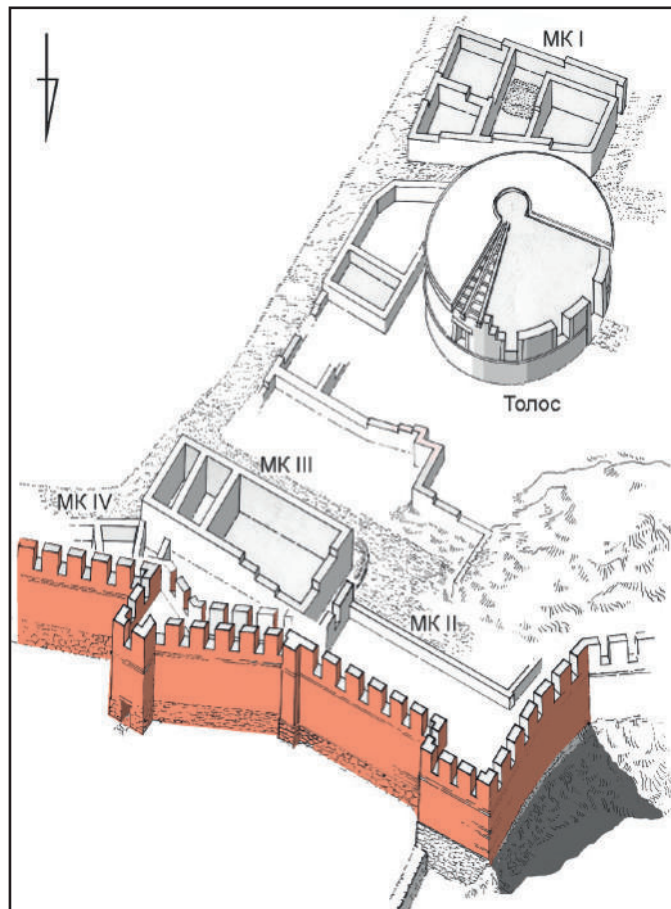

Рис. 5. Пантикапей, Западное плато. Раскоп Центральный. Часть линии укреплений со встроенными в них зданиями МК II, МК III и МК IV (реконструкция-аксонометрия В. П. Толстикова)

Fig. 1. Panticapaeum. Western plateau, Central and Central Northern trenches. Part of the fortified barrier with structures MK II, MK III and MK IV inbuilt in it (reconstruction-axonometry by V. P. Tolstikov)

использовавшиеся для каких-то хозяйственных целей, рядом с ними, а также внутри разрушенного кольца стен толоса, фиксируются признаки выплавки металла.

Создается впечатление, что эта территория, сравнительно недавно освоенная обитателями Пантикапея, как бы утратила свой вновь обретенный функциональный статус, несмотря на то что оказалась под защитой линии укреплений. И, следовательно, надо полагать, что основной территорией обитания и строительной активности центра полиса на какой-то промежуток времени вновь становится Верхнее плато.

Так, под воздействием военной угрозы и связанных с нею негативных факторов, на которые указывают данные археологии, около 480–475 г. до н. э. на этом центральном участке городской территории состоялся переход от Четвертого строительного периода к следующему, Пятому.

Территория Верхнего плато вершины Первого кресла Митридата

Раскопки на Верхнем плато, начатые автором в 1979 г., после перерыва были возобновлены в 2007 г. и ведутся по сей день. Исследования на раскопе Новый Верхний Митридатский (НВМ) позволили впервые получить весьма показательный материал относительно рассматриваемого Четвертого строительного периода, приходящегося, как было сказано, на 515–485 г. до н. э. Они же дают возможность сопоставить положение дел на Западном плато с градостроительной ситуацией в этот период на Верхнем плато, то есть на территории первоначального ядра апойкии (рис. 6).

Происходящие с территории Верхнего плато фрагменты ордерных архитектурных деталей, а именно мраморная база вотивной колонны, выполненная в эфесском варианте ионического ордера; два фрагментированных известняковых алтарных акротерия в виде волют с пальметтами (Буйских 2009: 13), а также обнаруженные в 2021 г. обломки подиума и краев коринфского лутерия-периантеррия, находка мраморного трехсекционного светильника «островного» типа (Толстикова, Муратова 2013: 183–185) позволяют заключить, что с третьей четверти VI в. до н. э. здесь, в пределах первоначального ядра апойкии, формируется священный участок — теменос, посвященный Аполлону Врачу и Артемиде — верховным богам-покровителям Пантикапейской общины (Толстикова 2015) (рис. 7). Эта гипотеза подкрепляется и сделанными в последние годы многочисленными находками граффити на фрагментах керамики с посвящениями названным божествам.

Есть причины полагать, что именно здесь, на Верхнем плато, в Четвертый строительный период около 510 г. до н. э. было начато возведение храма, посвященного Аполлону Врачу. Основанием для этой гипотезы послужил факт находки баз колонн в 1945 г., в первый сезон раскопок объединенной Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и ГАИМК АН СССР под руководством М. М. Кобылиной и В. Д. Блаватского, в верхней части восточного склона горы Митридат (Блаватский 1957: 28–33). Речь идет о составных элементах баз колонн ионического ордера — трех спирах (плинтах) и двух торах. Обоснованно определив эти детали как элементы баз самосского варианта ионического ордера, В. Д. Блаватский, исходя из особенностей их моделировки и параметров, а также характера оформления и размеров обнаруженного поблизости фрагмента архитрава, высказал предположение о существовании на Верхнем плато горы Митридат раннего периптера ионического ордера. Эта гипотеза, а также варианты графического воссоздания облика храма получили развитие в работах И. Р. Пичикяна (Пичикян 1984: 156–170, 257–260) и автора этих строк (Толстикова 2010) (рис. 8).

Важно отметить, что в 2016 и 2018 гг. на раскопе НВМ, то есть уже непосредственно на территории Верхнего плато, нами были обнаружены еще пять обломков аналогичных спир и два фрагмента блоков архитрава. Эти находки служат прямыми доказательствами локализации здесь этой ордерной постройки. Датировка возведения этого храма именно последней четвертью VI — началом V в. до н. э. подтверждается и новейшим моногра-

Рис. 6. Пантикапей, Верхнее плато, раскоп Новый Верхний Митридатский: 1 — общий вид с СЗ; 2 — участок раскопа со зданиями Д-10 и МК Д-11, вид с СЗ (1, 2 — съемка с квадрокоптера В. и К. Ходаковских)

Fig. 6. Panticapaeum, Upper Plateau, New Upper Mithridates trench: 1 — general view from NW; 2 — part of the trench with buildings Д-10 and МК Д-11, view from NW (1, 2 — quadcopter survey by V. Khodakovsky and K. Khodakovsky)

фическим исследованием, обобщившим информацию обо всех известных к настоящему времени базах колонн ионического ордера (Dirschedl 2013: 139, Taf. 27, 6).

Было ли завершено возведение храма к моменту резкого изменения военно-политической ситуации, или эта главная святыня ионийского эллинизма на Боспоре осталась незавершенной? Или, быть может, храм пострадал в результате военного нападения?

Рис. 7. Находки, свидетельствующие о существовании теменоса на Верхнем плато акрополя Пантикапея в Четвертый строительный период: 1 — база вотивной колонны, выполненная в эфесском варианте ионического ордера (по: Буйских 2009: 27, рис. 1); 2, 3 — алтарная волюта с пальметтой (рисунки автора); 4 — светильник «островного» типа (фото автора); 5 — фрагменты чаши коринфского лутерия-периррантерия (фото автора). 1-4 — мрамор; 5 — керамика

Fig. 7. Finds testifying to the existence of temenos on the Upper plateau of the Panticapaeum acropolis in the Forth construction period: 1 — base of a votive column, Ephesus variant of the Ionic order (after Буйских 2009: 27, fig. 1); 2, 3 — altar scroll with a palmette (drawing by the author); 4 — “island” type lamp (photo by the author); 5 — fragment of a Corinthian luterion-perirrhanterion (photo by the author). 1- 4 — marble; 5 — ceramics

Представляется, что материалы, полученные в ходе раскопок последних лет, позволяют приблизиться к ответу на эти вопросы. Они показывают, что в годы предполагаемого возведения храма Аполлона, то есть в начале Четвертого строительного периода, на северном крае Верхнего плато одновременно и по единому плану были построены как минимум пять, скорее всего однокамерных, домов, ориентированных углами по сторонам света: Д-4, Д-6, Д-8, Д-9, Д-10 (рис. 9). Нам удалось выявить несколько строительных фаз для периода бытования этой группы зданий. Установлено, что дом Д-10 был возведен на месте полностью снесенного Д-8, а несколько позже, уже в начале V в. до н. э., остатки разрушенного Д-10 оказались прорезаны зданием значительно большего размера — МК Д-11, которое, по-видимому, следует отнести уже к Пятому строительному периоду.

Все это указывает на высокую интенсивность строительной деятельности на данном участке Верхнего плато. Следует отметить, что фундаменты всех этих домов оказались заглублены в уже накопившийся культурный слой, также датируемый последней четвертью VI — началом V в. до н. э., который помимо многочисленного датирующего амфорного материала содержал впечатляющее количество фрагментов терракотовых статуэток,

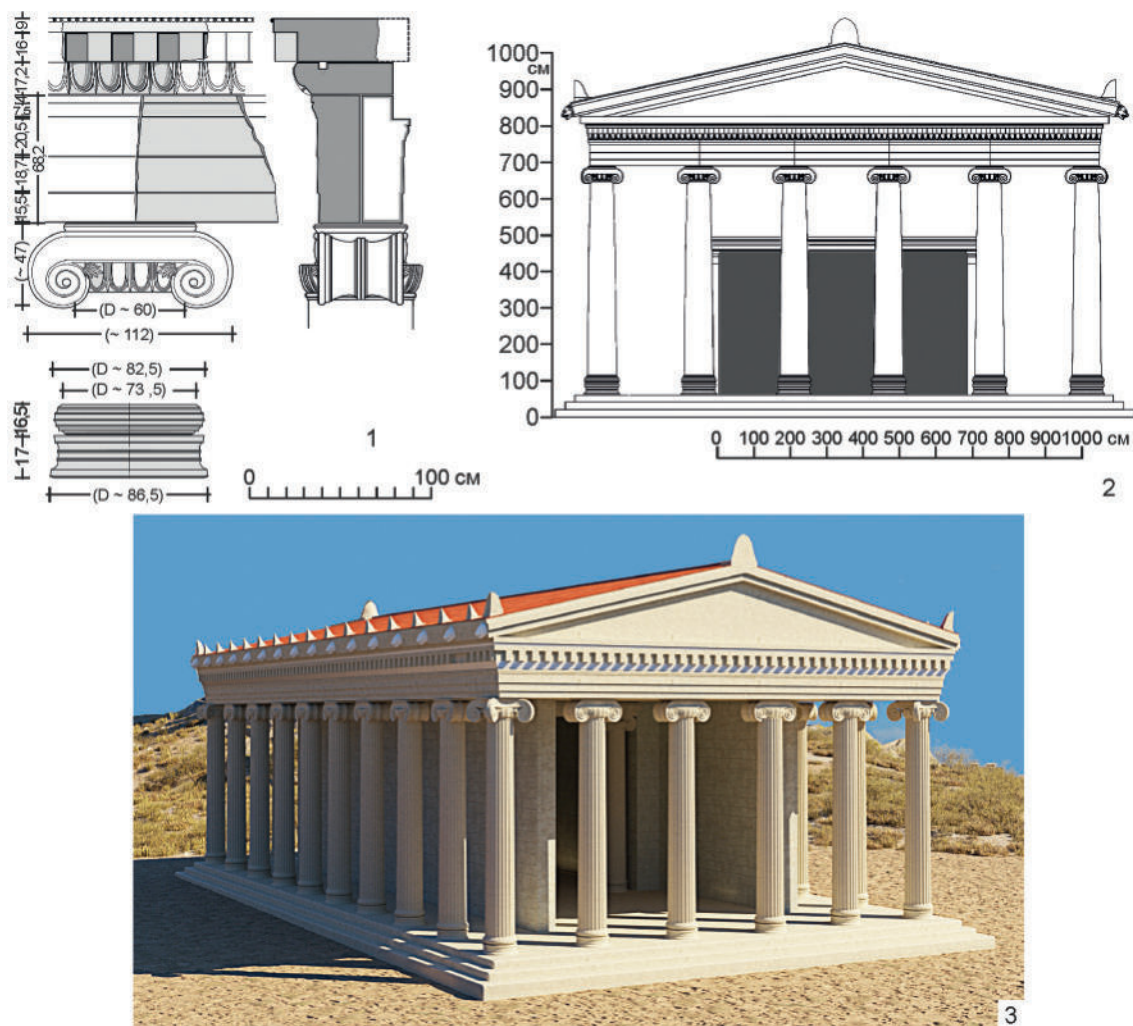

Рис. 8. Пантикапей, храм Аполлона: 1 — реконструктивная схема ордера раннего храма; 2 — фасад раннего храма на акрополе; 3 — 3D-модель храма.
1–3 — по графическим реконструкциям В. П. Толстикова

Fig. 8. Panticapaeum, Apollo temple: 1 — reconstructed order of the early temple; 2 — facade of the early temple on the acropolis; 3 — 3D-model of the temple.
1–3 — based on V. P. Tolstikov's graphic reconstructions

вотивных рельефных табличек-пинак и, главное, граффити с посвящениями Аполлону и Артемиде. Примечательно, что все сосуды с посвящениями и терракоты дошли до нас в мелких обломках. Создается впечатление, что они подверглись целенаправленному уничтожению. Можно предположить, что эти вотивные предметы могли попасть в слой из культовых построек располагавшегося поблизости и пострадавшего теменоса. Может быть, эти разбитые вдребезги вотивы служат и косвенным указанием на судьбу храма Аполлона?

Еще одно важное наблюдение было сделано в ходе раскопок 2021 г.: в исследованных остатках здания МК Д-11 удалось зафиксировать две фазы его существования. Насколько можно судить, эта постройка была разрушена на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э., то есть между 485 и 480 гг. до н. э., а затем, спустя непродолжительное время, восстановлена и просуществовала до третьей четверти V в. до н. э.

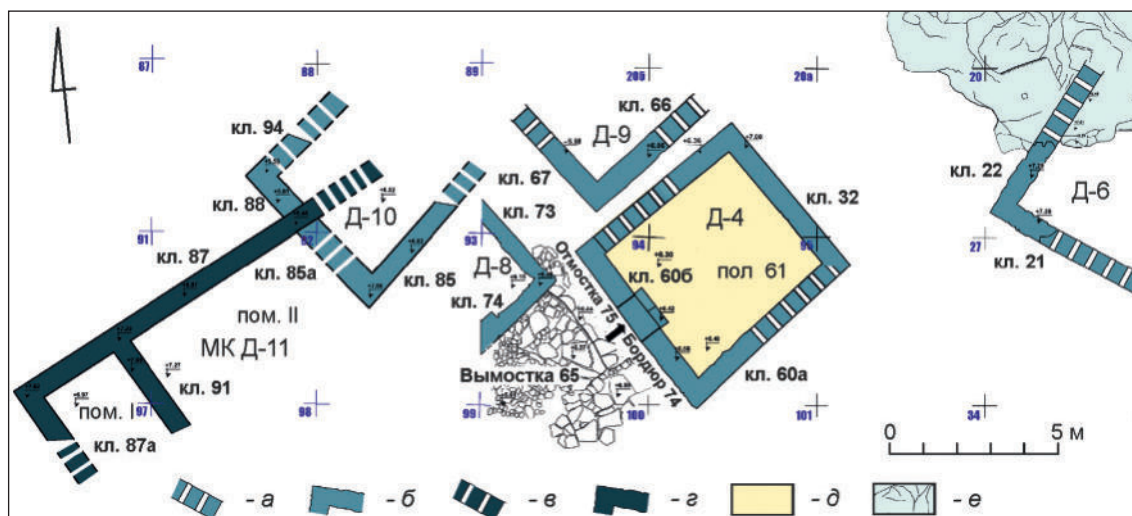

Рис. 9. Пантикапей, Верхнее плато, Новый Верхний Митридатский раскоп, план-схема построек Четвертого и Пятого строительных периодов (515–450 гг. до н. э.) (а, б — строительная фаза А: а — предполагаемые трассы кладок, б — сохранившиеся трассы кладок; в, г — строительная фаза Б: в — предполагаемые трассы кладок; г — сохранившиеся трассы кладок; д — глинобитный пол; е — скальный выступ)

Fig. 8. Panticapaeum, Upper Plateau, New Upper Mithridates trench, schematic plan of the buildings of the Fourth and Fifth construction periods (515–450 BC) (а, б — construction phase A: а — hypothesized lines of masonry; б — preserved masonries; в, г — construction phase B: в — hypothesized lines of masonry; г — preserved masonries; д — clay adobe floor; е — rock projection)

Следует отметить особо, что общая мощность культурного слоя, содержащего находки, датирующие его концом VI — первой половиной V в. до н. э., превышает 3 м! По-видимому, этот факт следует рассматривать не как признак процветания поселения, а как свидетельство очень быстрого разрушения и восстановления его застройки, в которой преобладали сырцово-кирпичные кладки стен.

Весьма красноречивая картина была зафиксирована в процессе исследования здания МК Д-11. В помещении II первой фазы существования этого здания, на полу, заметны признаки локального пожара. Завал вдоль внешнего фаса этой кладки указывает на то, что сырцовая кладка и каменный цоколь внешней северо-западной стены дома (кладка № 87) были обрушены к северо-западу. Это разрушение завершило указанную фазу функционирования дома. При расчистке этого значительного завала камня и сырца было найдено не менее 30 бронзовых наконечников скифских стрел (рис. 3, 2). Несколько наконечников обнаружены и в слое заполнения помещения. Очевидно, что перед разрушением этот дом, располагавшийся близ северо-западной границы первоначального ядра поселения, подвергся обстрелу. На данный момент можно лишь предполагать, что эта территория в рассматриваемый период была защищена автономным кольцом укреплений, поиск остатков которых — важная задача будущего.

Сопоставляя представленные выше материалы раскопок на Западном плато с ситуацией на северо-западном участке территории Верхнего плато, можно заключить, что здесь также фиксируются признаки интенсивного обстрела, однако в отличие от Западного плато разрушения носили локальный характер, поврежденные постройки быстро восстанавливались.

На этой стадии исследования, завершая анализ состояния и эволюции архитектурно-планировочной среды на двух важнейших участках центрального района Пантикапея, уместно сделать попытку интерпретации специфической группы находок, которые обна-

Рис. 10. Предметы, выполненные в скифском зверином стиле, найденные на Верхнем плато акрополя Пантикапея в раскопе Новый Верхний Митридатский: 1 — комплект блях в виде стилизованных бедер хищной птицы и мундштук с S-видными псалями; 2 — псалии с завершениями в виде копыт лося; 3 — налобное украшение коня в виде головки лося; 4 — пряжка, украшенная стилизованными головками лося; 5 — головка лося — завершение псалия или амулета; 6 — бляшка в виде головки лося. 1 — бронза, железо; 2–4, 6 — бронза; 5 — кость. Масштаб: а — для 1, 2, 4; б — для 3, 5, 6

Fig. 9. Scythian animal style objects found on the Upper plateau of the Panthikapaeum acropolis in the New Upper Mithridates trench: 1 — set of plaques in the form of stylized thighs of a bird of prey and a mouthpiece with S-shaped psalia; 2 — psalia with endings in the form of elk hooves; 3 — horse forehead decoration in the form of an elk head; 4 — buckle decorated with stylized elk heads; 5 — psalium or amulet ending in the form of an elk head; 6 — plaque in the form of an elk head. 1 — bronze, iron; 2–4, 6 — bronze; 5 — bone. Scale: a — for 1, 2, 4; b — for 3, 5, 6

руживаются уже в течение ряда лет и происходят из слоев, синхронных остаткам построек Четвертого строительного периода. Речь пойдет о предметах, выполненных в скифском зверином стиле (рис. 10). Ранее находки такого рода не были известны на территории городища. Стилистическим особенностям, классификации и датировке этих изделий была посвящена специальная работа (Канторович и др. 2019). По мнению А. Р. Канторовича, «все они в совокупности находят себе аналогии на территории скифской археологической культуры и датируются в пределах конца VI — перв. пол. V в. до н. э.» (Там же: 25).

Мне в контексте данной работы представляется важным акцентировать внимание на том факте, что все рассматриваемые предметы, за исключением одного комплекта конской сбруи из пяти блях в виде стилизованных изображений бедер хищной птицы, а также железного мундштука и S-образных псалий (рис. 10, 1), содержат изображения головы лосихи (лося). К их числу следует отнести и одиночный псалий с завершениями в виде копыт лося, а также миниатюрное налобное украшение конской сбруи в виде головы лосенка или лосихи³ (рис. 10, 2, 3).

Возникает вопрос: нет ли в этой группе предметов, выполненных в скифском зверином стиле, некоей закономерности? Не являются ли все эти предметы носителями тотемных изображений, маркирующих принадлежность тех, кто их изготовлял и использовал, к локальному роду или племенной группе? Надеюсь, что эта тема может вызвать интерес у специалистов-скифологов.

³ Эти два предмета были найдены позднее и не вошли в указанную публикацию.

Естественен вопрос: с какими событиями можно связать появление этих находок на акрополе Пантикапея? Материалы раскопок, которыми мы располагаем на данный момент, позволяют сформулировать два варианта ответа.

1. Эти выполненные в скифском зверином стиле предметы являются трофеями, принесенными защитниками Пантикапея в дар богам-покровителям, святилища и алтари которых были расположены на теменосе.

2. Защитникам Пантикапея удалось отбить ряд нападений номадов, однако общая обстановка была неопределенной и угроза повторных набегов и обстрелов оставалась актуальной; такое положение дел могло привести в конечном счете к необходимости нахождения решения, которым стало некое соглашение, заключенное с предводителем группировки (рода или объединения), тотемом которого был лось; в результате представители знати этого рода получили доступ на территорию акрополя. Не исключено, что таким образом были заложены основы последующего союза Пантикапейского полиса с частью скифской элиты, который на долгие последующие годы определил особую политическую организацию и само существование Боспора.

В заключение статьи хочу еще раз вкратце вернуться к удивительной находке, сделанной в 2010 г. На квадрате 29 НВМ в слое второй четверти V в. до н. э. было обнаружено захоронение расчлененной по продольной оси туши коня. Голова и вся правая половина туши вместе с хребтом были удалены. Кости левой половины лежали в анатомическом порядке. На грудной области в первоначальном положении сохранились мелкие выпуклые круглые бляшки, украшавшие несохранившийся нагрудный ремень, а также три крупные бронзовые ажурные бляхи, изображавшие в скифском зверином стиле фигурки свернувшегося волка. Ниже лежала подвеска-лунница (Толстиков, Муратова 2013: 190). Это захоронение — **сфацион**, то есть свидетельство магического обряда, целью которого было ослабление противников-скифов, поскольку именно конь являлся основой силы и мобильности номадов (рис. 11).

В связи с изложенными выше фактами и предположениями обращает на себя внимание то, что в наборе украшений нагрудного ремня расчлененного жертвенного коня использованы три крупные ажурные бляхи с изображениями свернувшегося волка. Волк и лось в биосфере — антагонисты... По сути в природе волк является единственной серьезной угрозой лосю. Может быть, этот магический обряд на акрополе был совершен не вообще против номадов, а для ослабления конкретной группы наиболее активных и враждебных кочевников, тотемом которой служил волк, в то время как с представителями тотема лося были установлены отношения иного рода?

Литература

- Блаватский 1957 — *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // Зеест И. Б. (отв. ред.). Пантикапей. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 5–95 (МИА. № 56).
- Буйских 2009 — *Буйских А. В.* Античная архитектура. Киев: Мистецтво, 2009. Т. 5. 224 с. (Из собрания Керченского государственного историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. 4).
- Виноградов 1983 — *Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Голубцова Е. С. (отв. ред.) и др. Античная Греция: Проблемы развития полиса. Т. 1: Становление и развитие полиса. М.: Наука, 1983. С. 394–420.
- Канторович и др. 2019 — *Канторович А. Р., Толстиков В. П., Шкурова М. В.* Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле (к вопросу о греко-скифских взаимодействиях) // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 7–31.
- Марченко 1968 — *Марченко И. Д.* Раскопки Пантикапея в 1959–1964 годах // СГМИИ. М.: Советский художник, 1968. Вып. 4. С. 27–53.

Рис. 11. Пантикапей, Новый Верхний Митридатский раскоп, расчлененное конское захоронение — сфагион: 1 — вид с Ю; 2 — элементы конской сбруи; 3–5 — ажурные бронзовые бляхи в виде фигуры свернувшегося волка (3а — рисунок В. П. Толстикова)

Fig. 10. Panticapaeum, New Upper Mithridates trench, dismembered horse burial — sphagion: 1 — view from the south; 2 — horse harness details; 3 — open-work bronze plaques representing a figure of a wolf in fetal position (drawing by V. P. Tolstikov)

- Пичикян 1984 — Пичикян И. Р. Малая Азия — Северное Причерноморье. Традиции и влияния. М.: Наука; Главная редакция Восточной литературы, 1984. 293 с.
- Толстиков 1984 — Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI — первой половине V вв. до н. э. // ВДИ. 1984. № 3. С. 24–48.
- Толстиков 1992 — Толстиков В. П. Пантикапей — столица Боспора // Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д., Толстиков В. П. и др. Очерки истории и археологии Боспора. М.: Наука, 1992. С. 45–99.
- Толстиков 2010 — Толстиков В. П. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. 2010. № 1 (27). С. 277–314.
- Толстиков 2015 — Толстиков В. П. Новые материалы к изучению истории Пантикапея: о времени основания апойкии и к локализации раннего теменоса // ПИФК. 2015. № 1 (47). С. 261–281.
- Толстиков 2017 — Толстиков В. П. Градостроительная история центрального района Пантикапея в конце 7 — середине 5 века до н. э. // Толстиков В. П. и др. (авт.-сост.). Древнейший Пантикапей. От апойкии — к городу. М.: Перо, 2017. С. 10–53 (Крым в истории, культуре и экономике России).
- Толстиков, Муратова 2013 — Толстиков В. П., Муратова М. Б. К проблеме пространственного развития Пантикапейской апойкии в первой половине VI — первой половине V в. до н. э. // ВДИ. 2013. № 1. С. 176–193.
- Толстиков и др. 2003 — Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А. Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI–V вв. до н. э. // ДБ. 2003. Т. 6. С. 307–348.
- Dirschedl 2013 — Dirschedl U. Die griechischen Säulenbasen. Wiesbaden: Reichert, 2013. 17, 516 S., 77 Taf. (Archäologische Forschungen. 28).
- Vinogradov 1980 — Vinogradov Y. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. V. Chr. // Chiron. 1980. 10. S. 63–100.

**BUILDING HISTORY OF PANTICAPAEUM AS A SOURCE
FOR RECONSTRUCTING THE MILITARY AND POLITICAL SITUATION
ON BOSPORUS IN THE LATE VI — EARLY V C. BC.
FOURTH CONSTRUCTION PERIOD IN THE HISTORY OF PANTIKAPEUM**

V. P. TOLSTIKOV

Keywords: *Panticapaeum, Upper plateau of the summit of the First Chair of Mithridates, Western plateau of the summit of the First Chair of Mithridates, Fourth construction period, temenos, temple of Apollo, Scythians, nomads, Scythian animal style, sphagion.*

The seventy-six-year long archaeological explorations of the Bosphorus Expedition from the Pushkin State Museum of Fine Arts resulted in the formation of a unique collection of monuments of ancient culture and art, allowing to outline the main stages in the building history of Panticapaeum. The results of the excavations make it possible for the first time to compare the character of building patterns in two important areas of the central part of the town in the Fourth construction period (515–485 BC). The areas in question are the Western and Upper plateaus of the summit of the First Chair of Mithridates. It is established that during this period the city was attacked by nomads, which resulted in the complete destruction of the community center with tolos on the Western Plateau. Traces of shooting and local destructions were also found on the Upper Plateau. It is assumed that the temenos that existed here with the temple of Apollo suffered during the hostilities. The article raises the question of the causes of the presence of art objects of the Scythian animal style on the acropolis of Panticapaeum in the layer dated to the first half of the V century BC, and compares their decor with that of the sphagion plaques.

О НАХОДКЕ РАННЕГО ПАНТИКАПЕЙСКОГО ДИОБОЛА В ПРИГОРОДЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

А. Е. ТЕРЕЩЕНКО¹

Ключевые слова: Херсонес Таврический, Боспорское царство, Пантикапей, диобол, каботажное плавание.

В заметке дается информация о находке в 2021 г. в Южном пригороде Херсонеса Таврического пантикапейского диобола, датируемого концом третьей — серединой последней четверти VI в. до н. э. Это первая такая находка за пределами Боспора Киммерийского. Предположительно, эта монета может являться своеобразным маркером, отмечающим маршрут каботажного плавания из Пантикапея в Ольвию.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-57-60

В 2021 г. во время исследований, проводимых археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством С. Л. Соловьева на территории Южного пригорода Херсонеса Таврического, была найдена небольшая монета (рис. 1, 1). Она была обнаружена в слое светло-серого суглинка и известнякового камня примерно в 20 см от современной поверхности. После реставрации выяснилось, что это серебро серии Па-1 пантикапейского чекана, которое датируется концом третьей — серединой последней четверти VI в. до н. э.² (Терещенко 2012: 175). Исходя из параметров монеты (вес — 1,01 г, диаметр — 9 мм), номинал монеты можно определить как диобол (анalogии см.: рис. 1, 2–4)³.

Плохое состояние монеты обусловлено исключительно коррозионными процессами. Сохранившийся высокий рельеф свидетельствует, что в обращении она находилась не слишком долго. Отсюда можно достаточно уверенно предположить, что данный экземпляр был утерян не позднее конца VI в. до н. э. Как же попала эта монета на территорию будущего Херсонеса Таврического?

В конце 1990-х гг. М. И. Золотаревым и Ю. Г. Виноградовым было выдвинуто предположение, что основание Херсонеса могло произойти в последней трети VI в. до н. э. Авторы основывались на сообщении Псевдо-Скимна о выведении гераклеотами и делосцами колонии в Таврику и на широком круге письменных, эпиграфических и археологических источников (Виноградов, Золотарев 1999: 119–122, 124). Подробное рассмотрение этой гипотезы, как и аргументов ее противников не входит в задачу представляемой заметки,

¹ Государственный Русский музей; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Терещенко А. Е., 2023.

² В последние годы проявилась тенденция к омоложению монетного дела Пантикапея — первые годы V в. до н. э. (Коваленко, Толстиков 2010: 44), после 494 г. до н. э. (Кузнецов, Абрамзон 2020: 59). Однако постулаты, выдвигаемые уважаемыми исследователями, далеко не беспорны.

³ Фотографии боспорских монет взяты из интернет-ресурса «Монеты Боспорского царства. Каталог-архив» (URL: [https:// bosporan-kingdom.com](https://bosporan-kingdom.com) (дата обращения 14.05.2022)).

важнее выяснить характер раннего поселения на месте будущего полиса. Здесь весьма привлекательной выглядит версия, предложенная Н. Б. Чурековой.

Исследовательница, отметив отсутствие следов греко-таврской торговли в этот период, при том что географическое положение Херсонеса чрезвычайно удобно для такого рода деятельности, пришла к выводу, что первое время колония жила тем, что оказывала проходящим судам услуги в качестве транзитной гавани (Чурекова 2006: 53). В свете нашей находки предположение Н. Б. Чурековой, как представляется, обретает новые достаточно весомые доказательства. Наиболее вероятно, что рассматриваемый диобол был утерян кем-то из команды боспорского корабля, совершавшего каботажное плавание и зашедшего в местную бухту. Также не исключено, что эту монету мог принять в оплату, а затем потерять кто-то из местных жителей.

Необходимо заметить, что это пока единственный фиксированный случай находки монеты первой пантикапейской серии не только в Херсонесе, но и вообще за пределами территории будущего Боспорского царства.

Однако считаю должным указать и на еще один прецедент — обнаружение в 2011 г. пантикапейского диобола в ходе раскопок на о. Березань (Чистов и др. 2020: 112, табл. 80, 20). Правда, эта серебряная монета типа «голова льва в фас / флажковая свастика»⁴ (рис. 1, 5) весом 1,62 г и диаметром 10,5 мм, хотя и найдена территориально дальше, тем не менее гораздо моложе своей херсонесской «коллеги». Выпуск монет этого типа (серия Па-6, аналогии см.: рис. 1, 6–8) осуществлялся с начала второй четверти до первой половины 450-х гг. до н. э. (может быть, 459/8 г. до н. э. — А. Т.).

Впрочем, ничего удивительного в этой находке нет, поскольку уже достаточно давно известно свинцовое письмо из Фанагории, в тексте которого упоминается юный раб по имени Фаулл, привезенный из Борисфена (Ольвия). Причем, датируется этот документ 530–510 гг. до н. э.⁵ (Завойкина 2013: 282, 283), что подразумевает наличие хорошо исследованного и налаженного водного пути.

Следует обратить внимание и на чрезвычайно интересную статью М. В. Абрамзона, посвященную позднеэллинистическим кладам из Фанагории, содержащим мелкие бронзовые монеты приморских городов и островов Восточного Средиземноморья. На основе этого материала автор реконструировал маршруты торговых плаваний от Фанагории к центрам Эгеиды, Анатолии и Леванта (Абрамзон 2018; Abramzon 2018). Но если в фанагорийских кладах мы видим результаты частной торговли моряков при заходе судов в иноземные порты — то есть их *накопления*, то в нашем случае наблюдается полностью обратная картина. Для конца VI — середины V в. до н. э. вдоль побережья Северного Причерноморья обнаруживаются следы торговых маршрутов в виде находок мелкого серебра пантикапейской чеканки, указывающие на некоторые *затраты* судовой команды (или владельца судна) в местах промежуточных стоянок.

Исходя из вышеизложенного, можно предложить несколько достаточно близких версий, объясняющих подобные находки: 1) наличие в Пантикапее собственного торгового флота, осуществлявшего каботажные перевозки до Ольвии уже с последней четверти VI в. до н. э.; 2) освоение этой торговой линии ольвийскими судовладельцами; 3) плавание по этому маршруту совершали обе стороны.

Допустив существование только второй из них, мы будем вынуждены признать, что ольвийские мореплаватели пользовались пантикапейской монетой при совершении

⁴ Данный термин в качестве определения подобной формы был предложен мною в 2020 г. (Терещенко 2020а: 78, прим. 9; 2020б: 193).

⁵ В тексте указаны «630–610 гг. до н. э.» (Завойкина 2013: 282, 283), что явная опечатка.

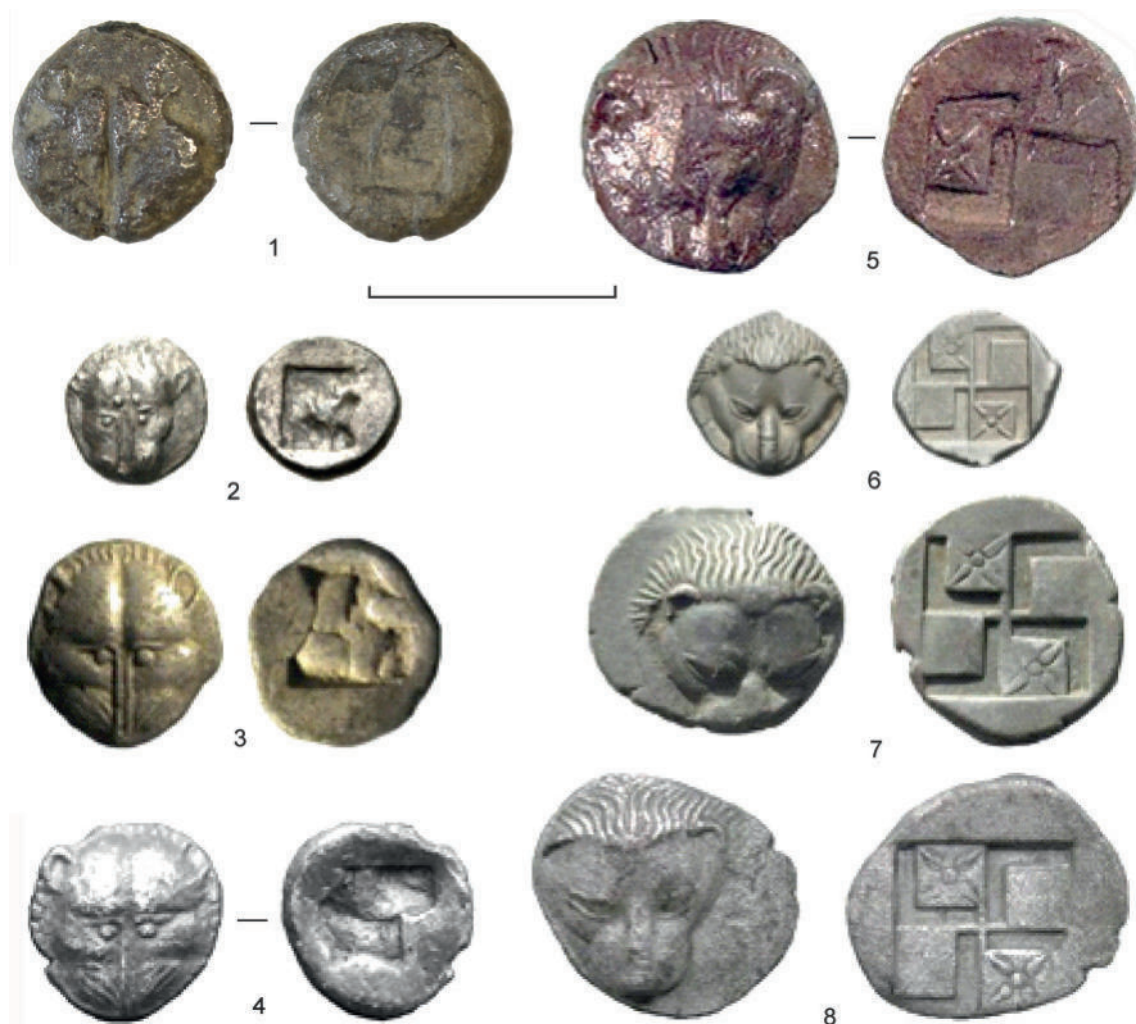

Рис. 1. Пантикапейские серебряные монеты: 1 — диобол, найденный при раскопках южного пригорода Херсонеса в 2021 г.; 2–4 — его аналогии (все — серия Па-1, конец третьей — середина последней четверти VI в. до н. э.); 2 — диобол; 3, 4 — триоболы; 5 — диобол, найденный при раскопках на о. Березань в 2011 г.; 6–8 — его аналогии (все — серия Па-6, начало второй четверти — первая половина 450-х гг. до н. э., может быть 459/8 г. до н. э.): 6 — диобол, 7, 8 — тетроболы. 2–4, 6–8 — без масштаба

Fig. 1. Silver coins from Panticapaeum: 1 — diobol found in the course of excavations in the southern uptown of Chersonesos in 2021; 2–4 — analogies to 1 (Pa-1 series, the end of the third — the middle of the last quarter of the VI c. BC); 2 — diobol; 3, 4 — triobols; 5 — diobol found in the course of excavations of Berezan' island in 2011 г.; 6–8 — analogies to 5 (Pa-6 series, the beginning of the second quarter — the first half of the 450es BC, perhaps 459/8 BC): 6 — diobol, 7, 8 — tetrobols. 2–4, 6–8 — not to scale

мелких сделок и за пределами Пантикапея. В любом случае можно констатировать, что мелкое пантикапейское серебро, по-видимому, спокойно принималось к оплате на землях Северного Причерноморья за пределами собственно Боспора Киммерийского.

Надеюсь, что дальнейшие исследования смогут подтвердить или уточнить эти предположения.

Литература

- Абрамзон 2018 — *Абрамзон М. Г.* Два перипла из Фанагории в Восточное Средиземноморье (по данным позднеэллинистических кладов) // Кузнецов В. Д., Завойкин А. А. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: ИА РАН, 2018. Т. 7, вып. 4. С. 6–30.
- Виноградов, Золотарев 1999 — *Виноградов Ю. Г., Золотарев М. И.* Херсонес изначальный // Подосинов А. В. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 91–129.
- Завойкина 2013 — *Завойкина Н. В.* Фанагорийское общество (по материалам эпиграфики) // Кузнецов В. Д. (ред.). Фанагория. Результаты археологических исследований. М.: ИА РАН, 2013. Т. 1. С. 240–313.
- Коваленко, Толстиков 2010 — *Коваленко С. А., Толстиков В. П.* II. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 2010. № 4. С. 23–50.
- Кузнецов, Абрамзон 2020 — *Кузнецов В. Д., Абрамзон М. Г.* Клад позднеархаических монет из Фанагории. М.: ИА РАН, 2020. 160 с. (Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 8).
- Терещенко 2012 — *Терещенко А. Е.* Еще раз к вопросу о возникновении пантикапейской чеканки // БИ. 2012. Вып. 26. С. 168–181.
- Терещенко 2020a — *Терещенко А. Е.* Свастичная символика на пантикапейских монетах V в. до н. э. // ПИФК. 2020. № 3. С. 77–88.
- Терещенко 2020b — *Терещенко А. Е.* Свастичный крест на Боспоре. К вопросу об изучении свастичной символики на Боспоре от М. И. Ростовцева до наших дней // Хршановский В. А. (предс. редкол.). Боспорский феномен: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века): ММНК. СПб.: Изд.-полигр. Центр СПбГУ промышленной технологии и дизайна, 2020. Ч. 1. С. 188–194.
- Чистов и др. 2020 — *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е.* Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2020. 436 с. (Археология в Эрмитаже. Т. 1).
- Чурекова 2006 — *Чурекова Н. Б.* К вопросу о времени основания Херсонеса Таврического // Новый век. История глазами молодых. 2006. Вып. 3. С. 51–64.
- Abramzon 2018 — *Abramzon M. G.* Numismatic Evidence for Ancient Seafaring between the Levant, Western and Southern Asia Minor and the Northern Black Sea // *Israel Numismatic Research. Published by the Israel Numismatic Society*, 2018. Vol. 13. S. 55–72.

ON THE FIND OF A DIOBOL IN THE IMMEDIATE ENVIRONS OF TAURIC CHERSONESOS

A. E. TERESHCHENKO

Keywords: *Tauric Chersonesos, Bosporan kingdom, Panticapaeum, diobol, cabotage.*

This short communication is devoted to the 2021 find of a Panticapaeum diobol in the Southern uptown of Tauric Chersonesos. The diobol is dated to the end of the third — the middle of the last quarter of the VI c. BC. This is the first find of the kind beyond the territory of Cimmerian Bosporus. Presumably, the coin may be considered a marker tracing the route of coastal traffic between Panticapaeum and Pontic Olbia.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И СТРАТИГРАФИИ «ЗАПАДНОГО ЗОЛЬНИКА» МИРМЕКИЯ¹

А. М. БУТЯГИН, В. П. КОЛОСОВ, Н. М. МИЛИХИНА²

Ключевые слова: эллинизм, хронология, Боспорское царство, Мирмекий, зольник, методы математического анализа, амфоры, амфорные клейма.

В работе рассматриваются структура и материалы «Западного зольника» Мирмекия, который был исследован экспедицией Государственного Эрмитажа в 2002–2005 гг. Объект представлял собой насыпь из прослоек суглинка, золы и раковин мидий, обильно насыщенными находками IV–III вв. до н. э. В исследовании излагаются результаты статистического анализа, позволяющие составить представление о структуре насыпи и хронологических этапах ее формирования. Систематизированы и сопоставлены данные по датирующему и массовому керамическом материалу с учетом стратиграфии и планиграфии комплекса. В результате выяснено, что насыпь «Западного зольника» формировалась постепенно. Выделены четыре хронологических горизонта, отражавших этапы этого процесса с начала III по первую четверть II в. до н. э. Полученные выводы могут быть использованы для датирования прочих материалов «Западного зольника», исходя из их нахождения в условных горизонтах.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-61-73

На территории городища Мирмекия в разное время были исследованы несколько «зольников» — значительных по площади и толщине напластований искусственных холмов. Также они могут представлять собой и просто слой большой мощности, сброшенный со склона. Состоящие из огромного количества мелких прослоек суглинка, перемежающихся линзами пепла и раковин мидий, насыпи имеют, как правило, довольно запутанную стратиграфию. После фиксации очевидных комплексов (ям, очагов) само тело насыпи обычно раскапывается условными горизонтами. Такая методика связана с тем, что на практике чрезвычайно сложно выделить отдельные напластования и в лучшем случае можно говорить только об общем направлении падения слоев «зольника». В связи с этим отдельные хронологические страты можно выявить только приблизительно, опираясь на распределение датирующего материала в структуре насыпи. Учитывая, что функционирование «зольников» обычно продолжалось длительное время, такой анализ необходим для понимания различий между этапами формирования насыпи. В зависимости от того, в какой период производилось исследование «зольника», а также от личных пристрастий

¹ Н. М. Милихиной работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZ-2022-0013).

² А. М. Бутягин и В. П. Колосов — Отдел Античного мира, Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербург, 190000, Россия. Н. М. Милихина — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Бутягин А. М., Колосов В. П., Милихина Н. М., 2023.

автора раскопок методы фиксации и анализа археологических данных различались. Материалы из раскопок объекта, получившего условное наименование «Западный зольник», дают довольно редкую возможность оценить его структуру на единой методической основе, поскольку эта насыпь была исследована полностью и в довольно короткие сроки. Изучению материалов из раскопок данного комплекса уже было посвящено несколько работ, в которых дано общее описание (Грицик 2013: 126–136), освещены вопросы интерпретации (Бутягин 2005) и распределения остеологических материалов (Бутягин, Каспаров 2007)³. Несмотря на то что в этих работах рассматривалась и хронология комплекса, этого недостаточно для детального понимания длительности и интенсивности его формирования. В первую очередь это касается ограниченной выборки амфорных клейм, которые использовались для общей датировки комплекса (Грицик 2013: 127–132; Чистов 2009а: 55, 56). Для выявления этапов его формирования необходимо привлечение максимального количества определяемых клейм, что и было сделано в ходе подготовки этой статьи.

Целью настоящей работы являлось определение хронологических горизонтов в структуре насыпи. В задачи входило создание базы данных, учитывающей распределение массового археологического материала по условным горизонтам, анализ распределения клейм в структуре напластований и сопоставление выявленных закономерностей с распределением фрагментов амфорной тары и основных групп керамических сосудов.

Методической основой исследования являлся статистический анализ распределения массового археологического материала в структуре насыпи. База данных составлялась в электронном виде на основе наиболее простых в использовании программ: Autodesk 2017 и Excel 2010. Сравнение процентного соотношения фрагментов тарных амфор производилось как по общему количеству, так и на основе подсчета «условно целых сосудов» (У.Ц.С), по методу С. М. Колякова (1975). Источниками для анализа послужили материалы полевых отчетов Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 2002–2005 гг.

В цели работы входило не подробное описание всего спектра археологического материала, а лишь получение обобщенной картины распределения основных групп находок по хронологическим горизонтам, выделенным на основе статистики амфорных клейм. Такой подход определил ряд аспектов при работе с данными. Во-первых, во избежание искажения закономерностей при анализе распределения материала в структуре насыпи учитывались только слои, вскрытые условными горизонтами. Не учитывались локальные комплексы, ямы или отдельно расчищенные конструкции. Во-вторых, в качестве датирующего материала использованы клейменные фрагменты тарных амфор, поскольку эта категория находок отличается массовостью, универсальностью и имеет хорошо разработанную дробную хронологическую классификацию, изложенную в работах И. В. Каца, Г. Финкельштейна и И. Гарлана (Кац 2007; Finkielsztein 2001; Garlan, Kara 2004). В-третьих, статистический анализ массового археологического материала производился на основе процентного распределения основных групп керамических сосудов. Не учитывалось наличие черепицы и индивидуальных находок (керамических, металлических, костяных изделий и категорий керамики в единичных экземплярах, составлявших менее 1 %). Подсчет У.Ц.С тарных амфор сделан по количеству ножек, а также на основании анализа количества фрагментов ручек с прилепами. Кроме того, для некоторого числа профильных фрагментов амфор центры производства не были определены, и в полевых описях значатся в категории «неизвестных центров».

³ Кроме того, материалы «Западного зольника», включая фрагменты терракот и амфорные находки, послужили источником ряда курсовых и дипломных работ, защищенных на кафедре археологии СПбГУ, однако их результаты не были опубликованы.

Рис. 1. Мирмекий, слои «Западного зольника» в ходе раскопок. Вид с В
Fig. 1. Myrmekion, layers of the “Western zolnik” in the course of excavations. East view

В ходе археологических изысканий на западном склоне скалы Карантинного мыса некоторые участки «Западного зольника» были раскрыты в 2000 г. Но целенаправленное исследование этого объекта велось с 2002 по 2005 г. (рис. 1). В результате насыпь была раскопана полностью. Было выяснено, что «Западный зольник» частично располагался на склоне скалы Карантинного мыса, в том месте, где была обнаружена глубокая трещина, забитая культурным слоем, и перекрывал «помещение у основания скалы»⁴ (рис. 2) — прямоугольное в плане сооружение размерами 5,4 × 5,0 м, которое было впущено в ранний слой и материковую скалу и оформлено монументальными блоками высокого качества обработки. Данная постройка погибла, по мнению А. М. Бутягина, не позднее последней четверти IV в. до н. э., после чего вплоть до II в. до н. э. над ее остатками стала формироваться зольная насыпь (Бутягин, Каспаров 2007: 134).

Общая стратиграфическая ситуация объекта довольно проста. У самого пола помещения залегал слой скальной крошки мощностью около 0,1 м (отметки +2,24–2,53)⁵, над которым до уровня +3,95–4,01 возвышался каменный завал, состоявший из блоков разных

⁴ Назначение этого помещения дискуссионно. Высказаны предположения, что оно могло быть частью вырубленного в скале склепа или нижней частью башни, прикрывающей подходы к гавани Мирмекия (Чистов 2009б: 11, 12; Butyagin 2011: 40–44).

⁵ С 2014 г. отсчет высот на городище ведется по Балтийской системе высот. До этого момента измерения опирались на реперы экспедиции ИИМК РАН, работавшей здесь до 1994 г. В данной работе все высотные отметки из полевой документации 2002–2005 гг. пересчитаны с учетом разницы с предыдущей системой, которая составляла –3,16 м.

Рис. 2. Мирмекий, помещение, перекрытое слоями «Западного зольника». Вид с С

Fig. 2. Myrmekion, room covered with layers of the “Western zolnik”. North view

раскопа (рис. 3). В течение сезонов 2002–2005 гг. не было возможности сохранять первоначальное расположение квадратов и стратиграфических разрезов. С этим связаны сложности в построении сводной стратиграфии, которая фиксировалась каждый сезон с учетом особенностей исследуемого участка (рис. 4).

Поскольку схема выборки контекстов отличалась в разные сезоны работ, ниже приводится краткое описание расположения стратиграфических разрезов, наименования секторов и очередности снятия горизонтов. На начальном этапе, в сезоне 2002 г., были сняты отвалы прошлых лет и слои обрушения, составившие восемь условных горизонтов. После этого раскоп был разделен на три сектора (А, Б и В). Далее слой в секторах был снят на глубину более 1 м (от +6,98 до +7,81), что составило следующие пять условных горизонтов (с 9 по 13). Вскрытые напластования представляли собой суглинок с раковинами мидий, то есть являлись верхними сохранившимися для изучения слоями «зольника». В 2003 г. работы продолжались по аналогичной схеме. Напластования зольника были сняты тремя условными горизонтами на глубину около 1 м (от +6,21 до +7,07). В следующем сезоне 2004 г. с понижением слоя конфигурация раскопа существенно изменилась. Снятие напластований на широкой площади сменилось, по сути, выборкой заполнения крупного котлована, образованного стенами из скальных подтесок лежащего ниже помещения. Соответственно изменилось и расположение стратиграфического разреза, который был оставлен по линии ЮВ–СЗ, разделившей участок на два сектора — А и В, южнее и севернее разреза

размеров. Этот завал являлся остатками разрушенной постройки и перекрывался слоем серого суглинка с раковинами мидий (собственно слоем «зольника»), которым был заполнен весь оставшийся объем помещения. В нижних слоях, помимо камней завала и скальной крошки, присутствовала примесь более ранних напластований — результат сползания склоновых отложений. Выше помещения и образующих его подтесанных скальных выходов к западу по склону скалы Карантинного мыса распространялись поздние слои «зольника». Изученная площадь составляла около 60 м², а какую площадь занимала насыпь в древности определить довольно сложно, поскольку этот участок памятника дошел до нашего времени в сильно нарушенном состоянии. Общая мощность (от пола помещения до верхних слоев зольной насыпи) составила 5,6 м (отметки +2,23–7,83).

Построение обобщенной стратиграфической колонки столкнулось с определенными сложностями. Участок, на котором велись работы, представлял собой склон, ограниченный с востока крутым выходом скалы, а с юга и юго-запада — береговым обрывом. При таком сложном рельефе с большим перепадом высот при понижении уровня исследуемых культурных напластований довольно сильно менялась конфигурация

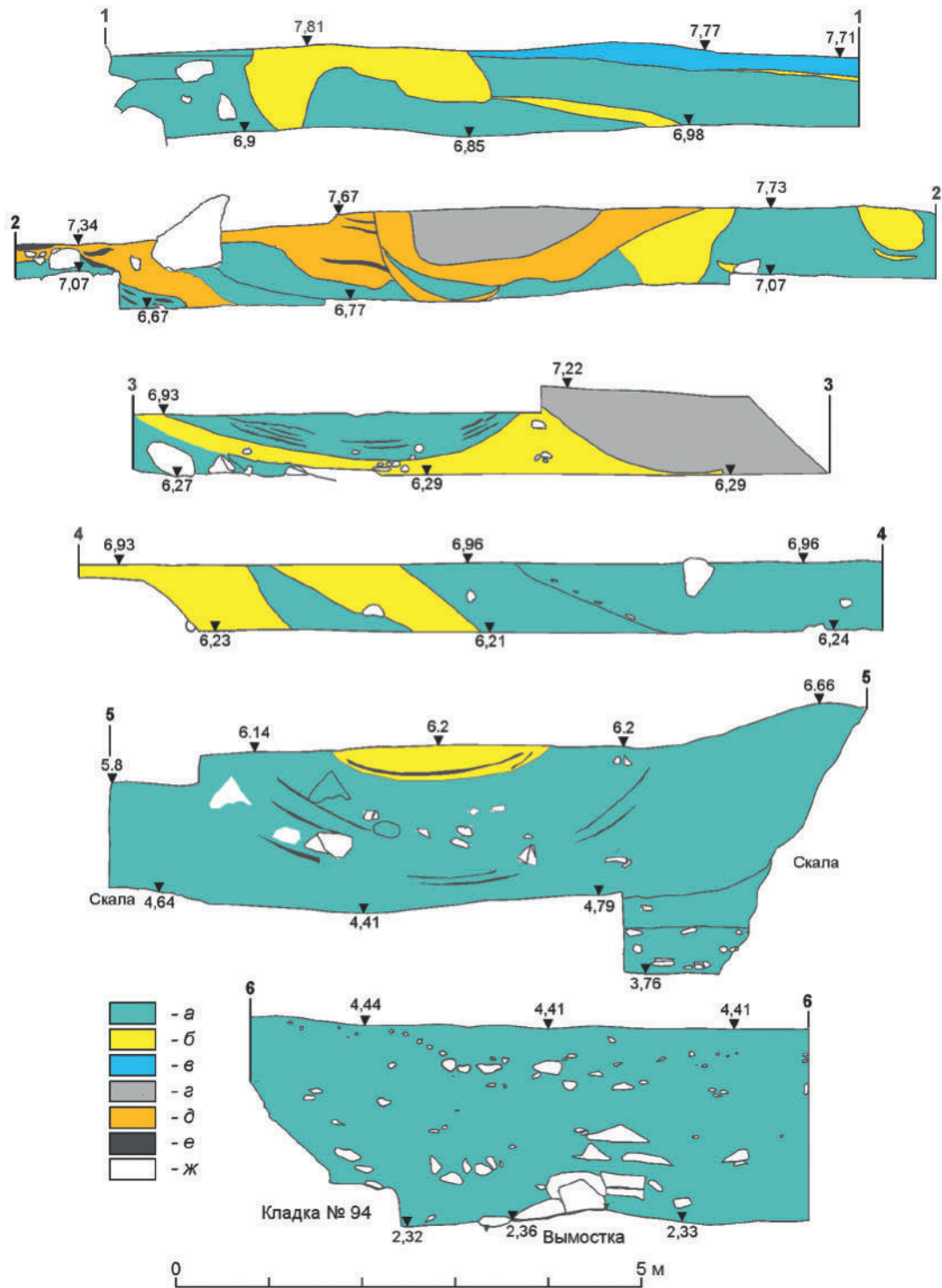

Рис. 3. Мирмекий, стратиграфические разрезы «Западного зольника», 2002–2005 гг.: *a* — серо-коричневый суглинок с раковинами мидий; *б* — желтый суглинок; *в* — желто-коричневый суглинок; *г* — серый золистый суглинок; *д* — смесь серого и желтого суглинков; *е* — прослойки угля и пепла; *ж* — камни, скала

Fig. 3. Myrmekion, stratigraphic sections of the “Western zolnik”, 2002–2005: *a* — gray-brown loam with mussel shells; *б* — yellow loam; *в* — yellow-brown loam; *г* — gray ashy loam; *д* — mixture of gray and yellow loams; *е* — intercalation of coal and ash; *ж* — stones, rock

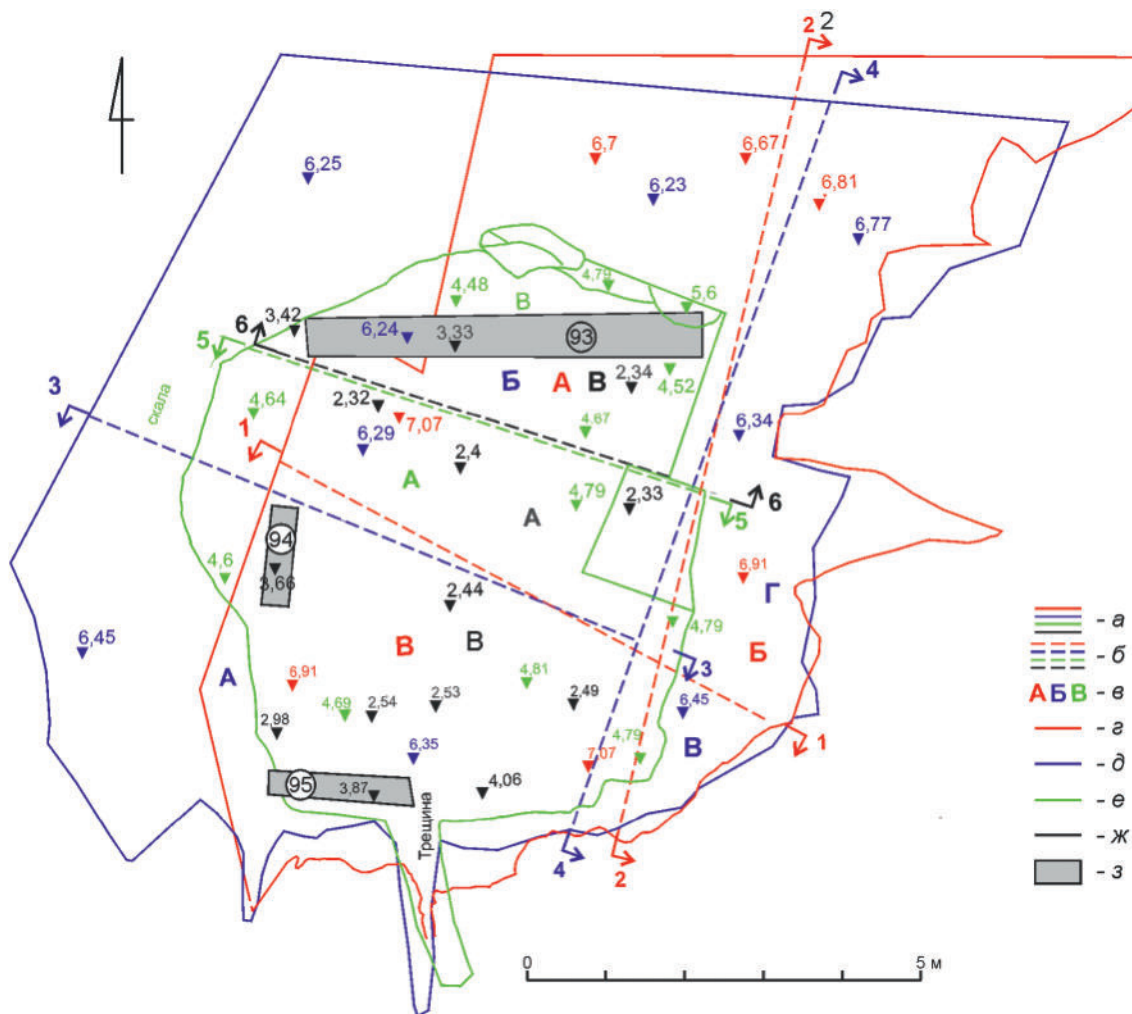

Рис. 4. Мирмекий, схема изменений конфигурации планиграфии слоев «Западного зольника» в ходе раскопок 2002–2005 гг.: *a* — границы раскопок; *б* — границы секторов; *в* — названия секторов; *г–ж* — раскопы: *г* — 2002 г.; *д* — 2003 г.; *е* — 2004 г.; *ж* — 2005 г.; *з* — сохранившиеся стены гробницы

Fig. 4. Myrmekion, scheme showing changes in spatial patterns of the “Western zolnik” layers as revealed by the 2002–2005 excavations: *a* — limits of excavation trenches; *б* — limits of sectors; *в* — names of sectors; *г–ж* — excavation trenches: *г* — 2002; *д* — 2003; *е* — 2004; *ж* — 2005

соответственно. Слои «зольника» были вскрыты на глубину от 2 до 1,7 м (от +4,41 до +6,27), что составило 11 условных горизонтов. Кроме того, в восточной части участка дополнительно был заложен небольшой разведывательный шурф (1,5 × 1,5 м), который показал, что напластования «зольника» продолжают ниже как минимум на 1 м. Наконец, в 2005 г. было полностью раскрыто помещение, пол которого лежал на отметках +2,32–2,54. Так же, как и в 2004 г., стратиграфический разрез располагался по линии ЮВ–СЗ, разделяя участки А и В. Общая мощность напластований — более 2 м (+2,32–4,79) — содержала слои «зольника», крупные камни, примесь склоновой осыпи и скальную крошку у самого пола. Всего в сезоне 2005 г. было снято 13 условных горизонтов в южном секторе (А) и 11 — в северном (В). Помимо заполнения помещения в 2003–2005 гг. было выбрано заполнение в расщелине материковой скалы, расположенной в южной части участка, также составившее три своеобразных условных горизонта.

Напластования зольной насыпи в верхних слоях (выше +6,98) отличались обилием разрушений и перекопов, при которых слои суглинка, насыщенные раковинами мидий, перемежались прослойками серого и желтого суглинка. При этом на уровне от +6,21 до +7,07 в стратиграфии фиксируется падение слоев в южном направлении. Составить представление о нижележащих слоях сложнее, поскольку разрез в меридиональном направлении не отражал в полной мере наклонное расположение напластований, а западным и восточным бортами раскопа на этом уровне являлись скальные выходы.

Предполагаемое падение слоев должно было сказаться на распределении вещевого материала в напластованиях. Всего в них было обнаружено более 42 000 фрагментов различных керамических сосудов, около 2300 обломков черепицы, 54 фрагмента светильников, 6200 костей различных животных, 41 обломок терракотовых статуэток, а также различные предметы из кости и металла. При этом 78,6 % от общего числа керамических сосудов составили обломки тарных амфор, среди которых обнаружено 64 фрагмента с амфорными клеймами: 21 клеймо на амфорах производства Гераклеи, 29 — Синопы, семь — Родоса, четыре клейма Фасоса, одно архаическое клеймо на фрагменте хиосской амфоры и два — на амфорах, центр производства которых не удалось определить. Число клейм достаточной для определения сохранности составило 47 экз.⁶

При анализе распределения клейм по условным горизонтам удалось выявить устойчивую последовательность (табл. 1).

Таблица 1. Мирмекий, распределение клейм по хронологическим горизонтам в «Западном зольнике», экз.

Хронологический горизонт	Амфоры										
	Гераклеийские					Синипские				Родосские	
	II МГ	III МГ	IV МГ	V МГ	ПФГ	III	IV	V	VI	II	III
4	1	–	–	–	1	–	–	2	8	4	3
3	–	–	–	–	–	–	–	2	7	–	–
2	2	2	1	–	–	–	1	4	–	–	–
1	3	1	2	1	–	1	1	–	–	–	–

В нижних напластованиях, где слой имел значительную примесь раннего материала, большая часть условных горизонтов не содержала фрагментов с клеймами. Немногочисленные клейма Гераклеи Понтийской в основном относились ко II–IV эпонимным группам по классификации В. И. Каца. Закономерность в их распределении выражена довольно слабо, что вполне понятно, учитывая смешанный генезис данного напластования. К этому хронологическому горизонту относятся все условные горизонты, вскрытые в 2005 г. (+2,32–4,79⁷), а также горизонты 3–11 сектора В 2004 г. (+2,5–5,74). Можно констатировать, что самые ранние напластования в заполнении помещения, являвшие собой материалы зольной насыпи с примесью ранних разрушений, залегали с сильным падением в южную сторону. Слои, относящиеся к зольной насыпи этого периода, можно датировать последней четвертью или концом IV — началом III в. до н. э. Выше, в южной части (сектор А), в горизонтах 5–11 2004 г. выявлены в основном синопские клейма V группы астиномов.

⁶ Определения клейм приведены соответственно их определениям в полевых отчетах 2002–2005 гг. В настоящее время они готовятся для отдельной специальной публикации.

⁷ Отметки выделенных хронологических и условных горизонтов приведены усредненно.

Нивелировочные отметки этого хронологического горизонта — +4,41–5,6. Над ними залежали горизонты 2004 г., содержавшие синопские клейма V и VI групп. В южной части (сектор А) это горизонты 3–4 (+5,6–5,95), в северной (сектор В) — горизонты 1–2 (+5,95–6,27). Вероятно, вся эта свита напластований зольной насыпи формировалась в течение всего III в. до н. э. на склоне, образованном насыпью предыдущего этапа и скальным выходом. Наконец, верхняя группа напластований, залегающая на отметках +5,95 и выше, где преобладают синопские клейма VI группы и клейма Родоса II и III групп по классификации Г. Филькенштейна, перекрыла выходы скалы и распространилась в западном направлении на более широкую площадь. Судя по клеймам, время формирования этого самого позднего этапа можно отнести к концу III — первой четверти II в. до н. э.

На рисунке 5 горизонтальные ряды отражают условные стратиграфические горизонты; справа обозначены их номера в разные годы и высотные отметки, соответствующие началу и концу исследования зольника в каждом сезоне; длина строк соответствует размеру стратиграфических разрезов зольника, в связи с чем она постепенно уменьшается по мере падения склона скалы, на которой залегал зольник; жирная вертикальная линия обозначает линию стратиграфической бровки, разделявшей квадраты; цветом обозначена выявленная хронология условных стратиграфических горизонтов.

Общее количество фрагментов амфорной тары в горизонтах — более 32 000. Без учета стенок, профильные фрагменты (ножек, венчиков и ручек) составили 2035 экз. (6,1 % от общего числа). По данным полевых описей центры производства были определены у 1648 фрагментов (80,1 % от общего числа профильных частей). Максимальные значения в выборке, как по общему количеству, так и по подсчету по так называемым условно целым сосудам имели фрагменты амфор производства Синопы, Гераклеи, Хиоса, Фасоса и Родоса (табл. 2). Из-за примеси ранних материалов представлена довольно значительная доля амфор, характерных для периода архаики, в частности, амфоры Лесбоса, Клазомен, хиосские амфоры пухлогорлого варианта и так называемые протофасосские амфоры (в сумме более 10 %). Распределение по хронологическим горизонтам в целом довольно закономерное — увеличивается доля синопских и родосских амфор, уменьшается доля амфор производства Гераклеи. Поздние примеси — фрагменты амфор Хиоса и Фасоса — распределены более хаотично, но их суммарная доля в поздних напластованиях ниже, чем в ранних (рис. 6, 1). Распределение условно целых амфор в хронологических горизонтах «зольника» в целом соответствует таковому, подсчитанному по профильным фрагментам амфор (табл. 3; рис. 6, 2).

Без учета амфорной тары в анализируемых слоях «зольника» обнаружено почти 9000 фрагментов керамических сосудов. Доля толстостенной керамики составила 2,5 %, чернолаковой — 7 %, краснолаковой — 2,6 %. Доля фрагментов красноглиняной гончарной керамики — 49,2 %, сероглиняной — 4,8 %, кухонной — 9,2 %, лепной — 13,5 %, окатанных фрагментов разных типов — 9,4 %. Другие виды керамики составили в сумме менее 1 %. Рассматривая распределение основных групп керамического материала по выделенным хронологическим горизонтам, можно видеть увеличение доли краснолаковой и кухонной керамики в позднем хронологическом горизонте и уменьшение доли красноглиняных гончарных и лепных сосудов (табл. 4; рис. 7). Такое распределение археологического материала хорошо согласуется с представленной на стратиграфических разрезах картиной залегания напластований. Полученные четыре хронологических горизонта отражают, с одной стороны, этапы формирования «зольника», а с другой — показывают направление падения слоев в структуре насыпи. Примечательно, что второй и третий этапы, к которым относится небольшое количество условных горизонтов в основном в южном секторе раскопок 2004 г., суммарно содержат около 23 000 находок, то есть около 1/3 всех обнаруженных в «зольнике» материалов (рис. 8). Именно в этой части слои зольника примыкают к скальной расщелине,

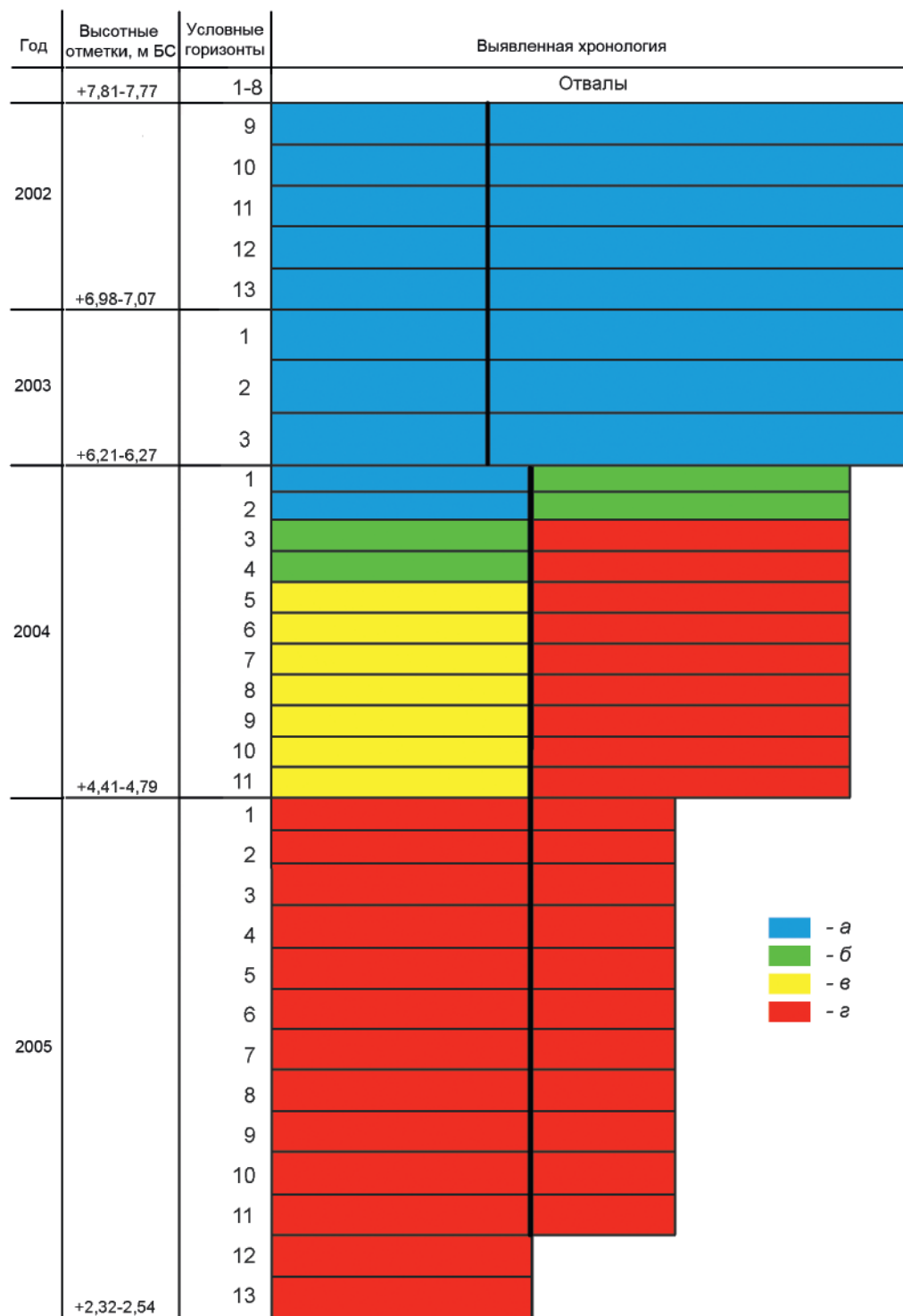

Рис. 5. Мирмекий, схема хронологии условных стратиграфических горизонтов «Западного зольника»: а — конец III — первая четверть II в. до н. э.; б — вторая половина III в. до н. э.; в — первая половина III в. до н. э.; г — последняя четверть IV в. до н. э.

Fig. 5. Myrmekion, scheme showing the chronological distribution conventional stratigraphic horizons of the “Western zolnik”: а — late III — first quarter of the II c. BC; б — second half of the III c. BC; в — first half of the III c. BC; г — last quarter of the IV c. BC

Таблица 2. Мирмекий, распределение профильных фрагментов амфорной гары по хронологическим горизонтам «Западного зольника», экз.

Центр производства	Хронологический горизонт				Всего
	1	2	3	4	
Неизвестные центры	104	130	74	87	395
Синопа	65	186	73	101	425
Гераклея	64	171	38	46	319
Хиос прямогорлый	59	63	23	51	196
Фасос	73	41	22	11	147
Хиос пухлогорлый	34	48	21	11	114
Родос	4	31	20	47	102
Лесбос красноглиняный	59	20	4	6	89
Клазомены	41	15	2	5	63
Протофасос	28	18	5	2	53
Колхида	–	5	–	15	20
Круг Фасоса	5	9	4	2	20
Менде	9	7	2	2	20
Книд	9	2	–	3	14
Кос	4	5	1	1	11
Хиос колпачковый	5	3	–	2	10
Боспор	–	6	–	2	8
Херсонес	6	–	–	–	6
Пепарет	1	3	1	–	5
Южный Понт	1	2	1	1	5
Самос	1	2	–	1	4
Солоха I	1	–	–	1	2
«Муригноль»	–	1	–	–	1
Иония	1	–	–	–	1
Коринф	–	1	–	–	1
Поддон ионийский	–	–	–	1	1
Псевдокос	–	–	1	–	1
Милет	1	–	–	–	1
Хиос с перехватом	–	–	1	–	1
Всего	575	769	293	398	2035

Таблица 3. Мирмекий, распределение условно целых амфор по хронологическим горизонтам «Западного зольника», экз.

Центр производства	Хронологический горизонт				Всего
	1	2	3	4	
Синопа	7	21	5	11	44
Гераклея	6	17	4	5	32
Хиос прямогорлый	7	8	2	7	24
Фасос	6	8	4	2	20
Хиос пухлогорлый	3	7	1	1	12
Родос	1	4	3	4	12

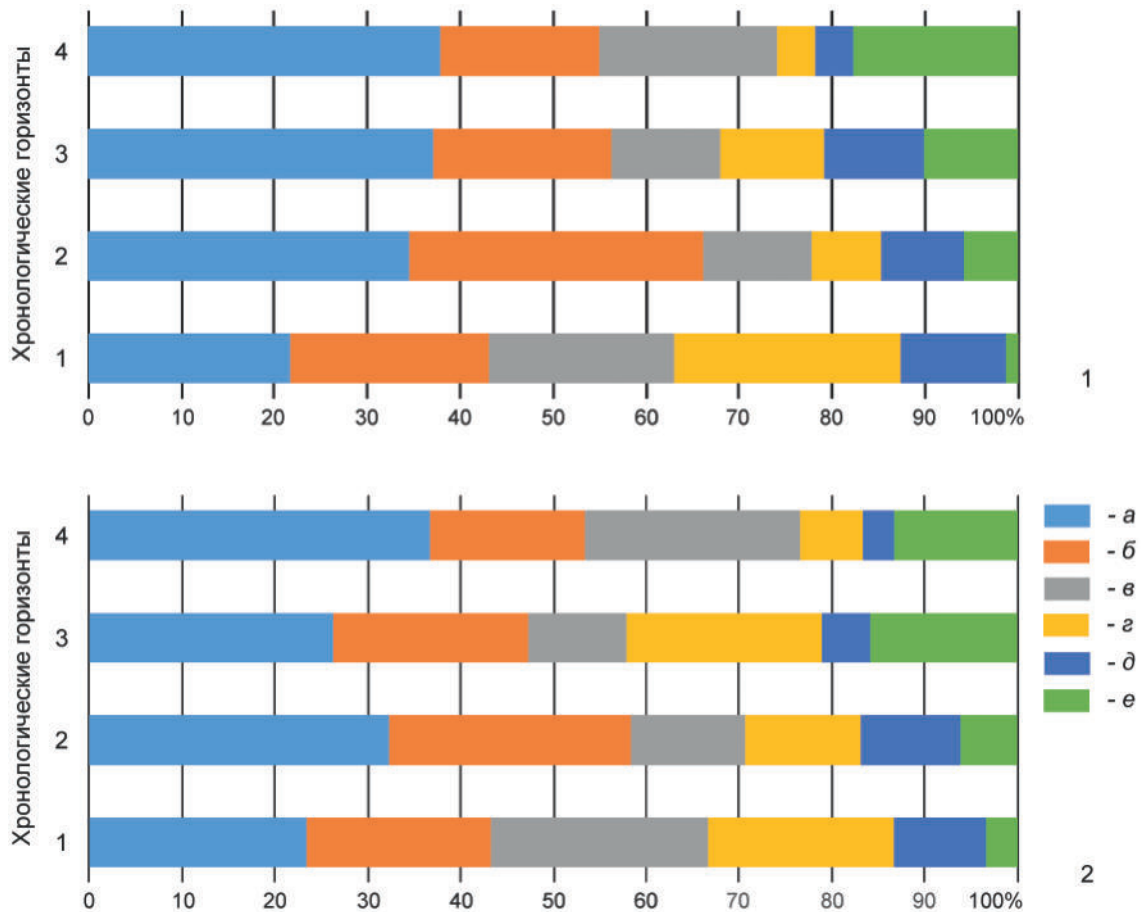

Рис. 6. Мирмекий, диаграмма распределения профильных фрагментов амфорной тары (1) и условно целых амфор (2) по хронологическим горизонтам в «Западном зольнике»: а — Синопа; б — Гераклея; в — Хиос прямогорлые; г — Фасос; д — Хиос пухлогорлые; е — Родос
 Fig. 6. Myrmekion, diagram showing the distribution of amphora profile fragments (1) and relatively intact amphorae (2) by chronological horizons of the “Western zolnik”: а — Synopa; б — Heraclea; в — Chios, straight-necked; г — Thasus; д — Chios, plump-becked; е — Rodos

в которой было обнаружено значительное количество находок, что может косвенно свидетельствовать о сакральной функции этой части насыпи (Бутягин 2005: 104, 105).

Таким образом, в проделанной работе были систематизированы количественные данные из раскопок «Западного зольника» на городище Мирмекий. В результате анализа было получено распределение датирующего и массового материала, которое позволило дифференцировать полученные в ходе раскопок контексты, разделив их на четыре хронологических горизонта. В указанных горизонтах последовательно меняется соотношение профильных фрагментов амфорной тары различных центров производства: уменьшается доля гераклеяских и фасосских амфор и увеличивается доля амфор производства Синопы и Родоса. После разрушения «помещения у основания скалы» насыпь над ним к началу III в. до н. э. образовала склон, поднимающийся в северном направлении. Расположенный южнее скальный выход с широкой трещиной стал заполняться несколько позже и был перекрыт слоями «зольника» только к концу III в. до н. э. Поздние напластования полностью закрыли выходы скалы и распространились в западном направлении в первой четверти II в. до н. э.

Таблица 4. Мирмекий, распределение фрагментов основных групп керамических сосудов по хронологическим горизонтам «Западного зольника», экз.

Керамика	Хронологический горизонт				Всего
	1	2	3	4	
Амфоры	7192	13247	4667	8058	33164
Толстостенная	25	80	30	87	222
Ионийская	41	35	3	2	81
Чернолаковая	111	210	140	173	634
Буролаковая	13	4	–	15	32
Краснолаковая	10	6	40	174	230
Красноглиняная	506	1606	1143	1167	4422
Сероглиняная	86	188	73	85	432
Кухонная	100	151	161	414	826
Лепная	151	473	327	261	1212
Окатанные стенки	194	291	99	265	849
Прочее	16	21	5	12	54
Всего	8445	16312	6688	10713	42158

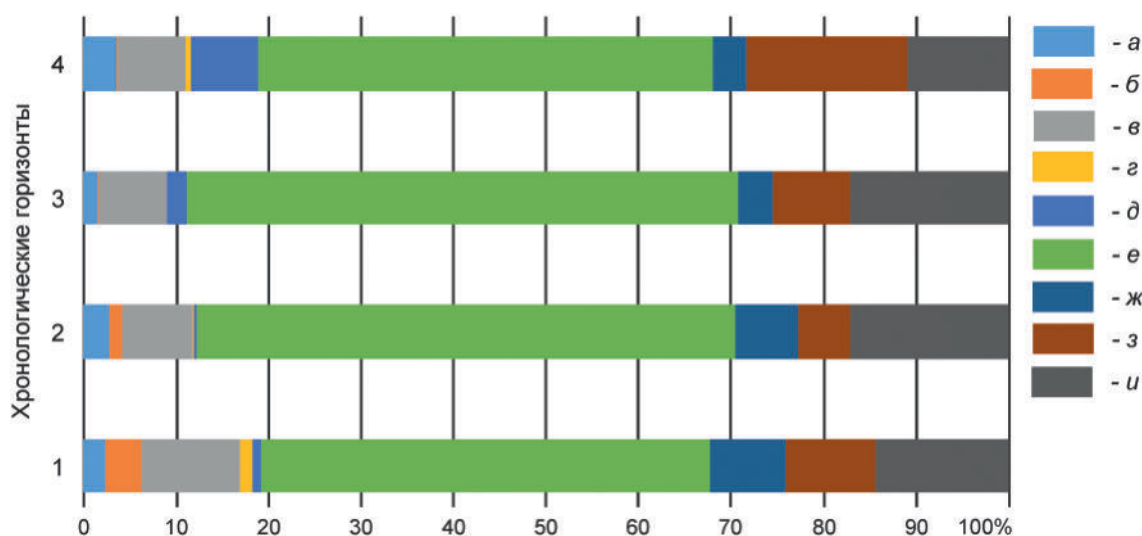

Рис. 7. Мирмекий, диаграмма распределения фрагментов основных групп керамических сосудов по хронологическим горизонтам «Западного зольника»: а — толстостенная; б — ионийская; в — чернолаковая; г — буролаковая; д — краснолаковая; е — красноглиняная; ж — сероглиняная; з — кухонная; и — лепная

Fig. 7. Myrmekion, diagram showing the distribution of fragments of the main groups of ceramic vessels by chronological horizons of the “Western zolnik”: а — thick-walled; б — Ionic; в — black-glazed; г — brown-glazed; д — red-glazed; е — red clay; ж — gray clay; з — kitchen ware; и — hand-shaped

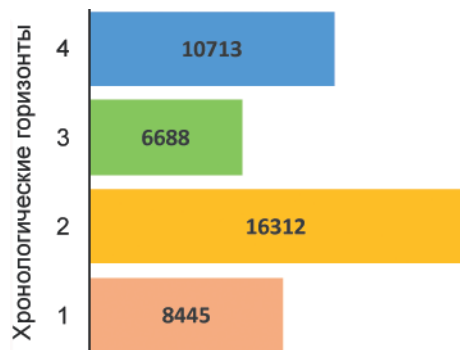

Рис. 8. Мирмекий, диаграмма распределения фрагментов керамических сосудов в хронологических горизонтах «Западного зольника»

Fig. 8. Myrmekion, diagram showing the distribution of ceramic vessel fragments in chronological horizons of the “Western zolnik”

Литература и источники

- Бутягин 2005 — Бутягин А. М. К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Зуев В. Ю. (отв. ред). Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 2005 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2005. С. 101–107.
- Бутягин, Каспаров 2007 — Бутягин А. М., Каспаров А. К. Костные остатки животных из «Западного зольника» Мирмекия // Зуев В. Ю. (отв. ред). Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок: Материалы МНК (Санкт-Петербург, 2007 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2007. Ч. 1. С. 133–141.
- Грицик 2013 — Грицик Е. В. Эллинистический Мирмекий: Дис. ... канд. ист. наук. ИИМК РАН. СПб., 2013. 270 с.
- Кац 2007 — Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). Симферополь; Керчь: б. и., 2007. 480 с. (БИ. Вып. 18).
- Коляков 1975 — Коляков С. М. Амфоры городища «Чайка» (применение метода пересчета в условно-целье сосуды при исследовании керамического комплекса) // Ковальченко И. Д. (ред.). Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории: Сб. ст. М.: Наука, 1975. С. 237–260.
- Чистов 2009а — Чистов Д. Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени (середина V в. до н. э. — начало III в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. ИИМК РАН. СПб., 2009. 26 с.
- Чистов 2009б — Чистов Д. Е. Мирмекий классического и раннеэллинистического времени: середина V в. до н. э. — начало III в. до н. э.: Дис. ... канд. ист. наук. ИИМК РАН. СПб., 2009. 348 с.
- Butyagin 2011 — Butyagin A. New Research in the Environs of the Acropolis of Myrmekion // Papuci-Władyka E., Vickers M., Bodzek J., Braund D. (eds.). PONTICA 2008. Recent Research on the Northern and Eastern Black Sea in Ancient Times. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 37–46 (BAR. 2240).
- Garlan, Kara 2004 — Garlan Y., Kara H. Les timbres céramiques sinpéens sur amphores et tuiles trouvés à Slnope. Présentation et catalogue. Varia Anatolica XVI. Paris: De Boccard, 2004. 378 p.
- Finkielsztejn 2001 — Finkielsztejn G. Chronologie détaillée et révisée des éponymes amphoriques rhodiens de 270 à 108 av. J.-C. environ. Oxford: Archaeopress, 2001. 260 p. (BAR. 990).

QUESTIONS OF CHRONOLOGY AND STRATIGRAPHY OF THE “WESTERN ZOLNIK” OF MYRMEKION

A. M. BUTYAGIN, V. P. KOLOSOV, N. M. MILIKHINA

Keywords: *Hellenism, chronology, Bosporan kingdom, Myrmekion, ashpit, methods of mathematical analysis, amphorae, amphora stamps.*

The paper deals with the layout and materials of the «Western zolnik» of Myrmekion studied by the State Hermitage expedition in 2002–2005. The object in question represented a mound of alternating layers of loam, ash and mussel shells with abundant finds dating from the IV–III cc. BC. The work presents the results of a statistical analysis allowing to make an idea of the mound structure and chronological stages of its formation. The pottery materials are systematized with due consideration to the stratigraphy and spatial pattern of the complex. As a result, it turns out that the mound of the “Western zolnik” formed step by step. The authors identify four chronological horizons corresponding to the main stages of this process from the early III through the first quarter of the II c. BC. The resulting conclusions can be used to date the other materials from the “Western zolnik”.

АМФОРЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ В НЕКРОПОЛЕ АРТЮЩЕНКО-2¹

С. В. КАШАЕВ²

Ключевые слова: *Античность, Северное Причерноморье, Таманский п-ов, грунтовый некрополь, погребения, обряд захоронения, амфоры, погребальный инвентарь, греческая керамика.*

Некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского п-ова, его раскопки проводятся с 2003 г. Тарные амфоры в некрополе присутствуют в двух контекстах. В первом случае амфора является частью погребального инвентаря и поставлена в могилу как «сосуд для вина». Во втором случае амфора предназначалась для размещения тела умершего младенца. В погребениях некрополя найдено 12 тарных амфор (рис. 1), являвшихся частью погребального инвентаря. Датируются они V в. до н. э., а также открыто 14 захоронений младенцев в амфорах (рис. 2). Анализ амфорного материала позволяет утверждать, что традиция ставить амфоры в погребения соответствует периоду максимально активного функционирования могильника, приходящемуся на первую половину V в. до н. э. При этом складывается впечатление, что традиция хоронить детей в амфорах в V в. до н. э. только зарождается. Она получает наибольшее развитие в III–II вв. до н. э.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-74-80

Некрополь Артющенко-2 находится в южной части Таманского полуострова, на обрывистом берегу Черного моря между мысом Железный Рог и оз. Бугазским, в 17 км к юго-востоку от ст. Тамань и в 4 км к юго-востоку от пос. Артющенко. Некрополь был обнаружен в 2002 г., а с 2003 г. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН приступил к спасательным археологическим работам на территории этого разрушающегося памятника (Кашаев 2009; 2010; 2019).

В ходе регулярных раскопок некрополя в 2003–2021 гг. на площади около 5700 м² изучено 223 погребения, из которых 18 доследовано за современными грабителями³, а также 29 комплексов, получивших наименование «тризна». Определена хронология памятника: он функционировал с конца VI, либо с рубежа VI–V вв. до н. э. по II в. до н. э.

Тарные амфоры в исследованных захоронениях присутствовали в двух контекстах. В первом случае амфора являлась частью погребального инвентаря и была помещена в могилу как «сосуд для вина». В качестве такого сосуда ставили амфоры, ойнохои или кувшины. Во втором случае амфора предназначалась для захоронения тела умершего младенца. Для этого использовались, как правило, не целые сосуды, причем иногда просто крупные фрагменты стенок. Рассмотрим подробнее оба варианта.

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZ-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Кашаев С. В., 2023.

³ Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Амфоры как часть погребального инвентаря (рис. 1) всегда помещали в ногах погребенных. Как «сосуды для вина» амфоры (ойнохой, кувшины) являются практически обязательным элементом погребального обряда, так же как «сосуды для пищи» (миски, чаши на ножке, одноручники) и «сосуды для питья» (чернолаковые килики, скифосы, канфары).

Погребения с амфорами обычно содержат довольно богатый и разнообразный погребальный инвентарь — чернолаковые и красноглиняные сосуды, железное оружие, орудия труда, предметы быта и украшения. Амфоры, вероятно, ставили в могилы наиболее состоятельных поселенцев. Дополнительным аргументом в пользу такого предположения может служить и тот факт, что все захоронения с амфорами были совершены в сырцовых склепах или могилах со сложными погребальными сооружениями, что требовало больших финансовых затрат по сравнению с сооружением простых грунтовых могил. В процессе дальнейшей работы с материалом подробный анализ «богатых» комплексов, основанный на хорошо разработанной хронологии тарных амфор, позволит уточнить время бытования других категорий инвентаря.

Всего в погребениях некрополя найдено 12 тарных амфор, 11 — в погр. 3, 24, 32, 40, 45, 47, 64, Г5, Г8, 175, 188, а еще одна была изъята полицией у грабителей. Судя по материалам доследованных за грабителями погребений (Г1–Г18), похищенных амфор было значительно больше.

Большинство погребений с амфорами в некрополе Артющенко-2 датируются первой половиной V в. до н. э., одно погребение относится к концу этого столетия.

В восьми погребениях некрополя (3, 32, 40, 45, 47, Г5, Г8, 175) найдены амфоры на сложнопрофилированной ножке, или так называемые протофасосские. К этому же типу относится амфора из грабительских раскопок (рис. 1, 1–9).

Из погр. Г5 и 175 (рис. 1, 7, 8) происходят амфоры третьей серии, датируемой рубежом VI–V вв. до н. э. (Монахов 2003: 40, 41, табл. 24).

Амфора из грабительских раскопок (рис. 1, 9) может относиться к четвертой серии первой четверти V в. до н. э. (Там же: 41, табл. 25).

В погр. 3, 32, 45, 47 (рис. 1, 1, 2, 4, 5) найдены очень близкие по форме амфоры с коническим туловом, а в погр. 40 и Г8 также с коническим туловом, но более высоким горлом (рис. 1, 3, 6). Все они, скорее всего, относятся к пятой серии и хронологически вписываются в первую половину V в. до н. э. (Там же: 42, табл. 26).

Из погр. 24 происходит хиосская коническая амфора с прямым горлом и протоколпачковой ножкой (рис. 1, 12). Это тип V-A, и датируется он примерно концом V в. до н. э. (Там же: 20).

В погр. 64 и 188 находились амфоры, выполненные из красно-коричневой глины (рис. 1, 10, 11). Их можно отнести к группе лесбосских красноглиняных амфор варианта I-C, которые датируются первой четвертью V в. до н. э. (Там же: 48, табл. 31). В качестве аналогии им также можно привести амфоры эолийских центров — тип 2.31, по А. П. Абрамову; они датируются концом VI — началом V в. до н. э. (Абрамов 1993: 29; 81, рис. 13).

Всего в 205 погребениях (доследованные за грабителями не учитываются) обнаружено 11 амфор. Получается, что одна амфора приходится примерно на 19 захоронений. Это позволяет констатировать, что амфоры являются не частыми, но стабильными и не очень редкими находками. Традиция ставить амфоры в могилы характерна для некрополя лишь в V в. до н. э. Причем большинство находок амфор относится к первой половине столетия, и только одна — ко второй. В погребениях, принадлежавших к другому времени — IV–II вв. до н. э., амфоры не обнаружены. Хотя, возможно, это объясняется тем, что мы пока не нашли участок с большим количеством комплексов IV в. до н. э.

Захоронения младенцев в амфорах (рис. 2) встречаются при раскопках не часто, всего открыто 14 таких погребений (53, 72, 97, 99, 100, 105, 111, 114, 118, 120, 139, 166, 200, Г7).

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2, амфоры из погребений: 1 — погр. 3; 2 — погр. 32; 3 — погр. 40; 4 — погр. 45; 5 — погр. 47; 6 — погр. Г8; 7 — погр. Г5; 8 — погр. 175; 9 — из грабительских раскопок; 10 — погр. 64; 11 — погр. 188; 12 — погр. 24

Fig. 1. Necropolis of Artyushchenko-2, amphorae from burials: 1 — burial 3; 2 — burial 32; 3 — burial 40; 4 — burial 45; 5 — burial 47; 6 — burial Г8; 7 — burial Г5; 8 — burial 175; 9 — robbery excavations; 10 — burial 64; 11 — burial 188; 12 — burial 24

В девяти погребениях (53, 97, 99, 100, 114, 120, 139, 200, Г7) захоронение совершено в крупных по размеру частях тулова. В пяти могилах (72, 105, 111, 118, 166) были использованы массивные стенки амфор без профильных частей.

В погр. 53 находилось тулово хиосской пухлогорлой амфоры без горла и венчика (рис. 2, 10). Скорее всего, эта амфора принадлежит к развитому варианту III-B и датируется второй четвертью V в. до н. э. (Монахов 2003: 17, табл. 5).

В погр. 72 захороненный младенец был уложен между двух крупных фрагментов амфор. Судя по виду и составу глиняного теста, стенки принадлежат разным амфорам, профильных частей нет. Одна из стенок, предположительно от пепаретской пифоидной амфоры, относится к первой половине IV в. до н. э. (Там же: 99, табл. 70, 3). Очень близкий по виду сосуд найден в погр. Г7.

Погр. 97 было совершено в тулове хиосской конической амфоры с колпачковой ножкой (рис. 2, 5). Горло с ручками и ножка амфоры отбиты в древности. Предположительно это амфора варианта V-B (Там же: 21, табл. 11). Из-за отсутствия профильных частей, датировать ее можно IV в. до н. э.

Погр. 99 содержало фрагментированное раздавленное тулово амфоры (рис. 2, 4). Нижняя часть амфоры с ножкой отсутствует, от горла сохранилась лишь нижняя часть. Ручки не уцелели, но по профилям нижних прилепов очевидно, что они были двуствольные. Амфора предположительно косского производства (Абрамов 1993: 44, рис. 47), датируется III–II вв. до н. э. Внутри этой амфоры находились отдельные фрагменты костей ребенка, а также инвентарь — бронзовые браслет и серьги и набор бусин. По этому инвентарю можно предположить, что здесь была погребена девочка.

В погр. 100 сохранилась почти целая амфора — большая часть тулова, горло, ручки и венчик (рис. 2, 3). Отсутствует только ножка. Клейм на ручках нет. Скорее всего, амфора близка родосским амфорам с высоким горлом поздней серии I-E-2 (Монахов 2003: 118, табл. 82, 83). Датируется она в пределах первой половины II в. до н. э.

В погр. 105 были использованы крупные стенки амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской колпачковой амфоры. Ее можно датировать IV в. до н. э.

В погр. 111 также были использованы крупные стенки амфоры (рис. 2, 9). Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской пухлогорлой амфоры. Датировать ее можно серединой — второй половиной V в. до н. э.

Погребение 114 содержало захоронение женщины и ребенка. Женщина 30–40 лет была уложена вытянуто на спине, головой на В с небольшим отклонением к северу. В ногах погребенной в юго-западном углу могилы находилось фрагментированное тулово амфоры с захоронением младенца. Профильные части у амфоры отсутствуют, ножка, ручки и венчик сколоты (рис. 2, 1). Скорее всего, амфора близка маленькой фракции родосских амфор с высоким горлом поздней серии I-E-2 (Монахов 2003: 118, табл. 82, 83). Датировать ее можно первой половиной II в. до н. э.

Погребение 118 было совершено в крупных стенках амфоры, у которых отсутствовали профильные части. Предположительно это стенки амфоры косского производства (Абрамов 1993: 44, рис. 47). Такую находку можно датировать второй половиной III — началом II в. до н. э.

Из погр. 120 происходит амфора необычной формы (рис. 2, 6). У нее сохранилась большая часть тулова с горлом и одной ручкой, нижняя часть с ножкой утрачена. На плечиках процарапано граффито в аббревиатуре «ΛΟΝ» или «ΑΘΝ». Н. А. Павличенко считает, что «Λ с вписанным в нее Ο на амфоре, вероятно, является обозначением цены в оболлах в алфавитной системе — 30 оболлов» (Кашаев, Павличенко 2013: 137, 138). Похожая амфора была обнаружена в погр. 120 в Калос Лимена (Уженцев 2001: 161, рис. 4, 2). Авторы раскопок относят ее к сосудам редкого типа восточно-средиземноморского (косского?) производства

Рис. 2. Некрополь Артющенко-2, амфоры из захоронений детей: 1 — погр. 114; 2 — погр. 139; 3 — погр. 100; 4 — погр. 99; 5 — погр. 97; 6 — погр. 120; 7 — погр. 166; 8 — погр. Г7; 9 — погр. 111; 10 — погр. 53; 11 — погр. 200

Fig. 2. Necropolis of Artyushchenko-2, amphorae from children burials: 1 — burial 114; 2 — burial 139; 3 — burial 100; 4 — burial 99; 5 — burial 97; 6 — burial 120; 7 — burial 166; 8 — burial Г7; 9 — burial 111; 10 — burial 53; 11 — burial 200

и датируют рубежом первой и второй четвертей I в. до н. э. По сравнению с крымской амфора из Артющенко имеет более пологие плечики и слабо выраженные «ребра» на тулове. Возможно, она является более ранним типом амфор этой серии и может относиться к концу II — началу I в. до н. э. или первой четверти I в. до н. э. Румынский исследователь А. Опайт (Dr. Andrei Opait) также относит амфору из погр. 120 к I в. н. э. По его мнению, она имеет эгейское происхождение (Кашаев, Павличенко 2013: 135).

В погр. 139 находилось раздавленное грунтом на множество фрагментов тулово синопской амфоры (рис. 2, 2). Венчик с частью горла и ручки сколоты в древности, ножка отсутствует. Предположительно амфору можно отнести к позднему варианту III-D, датированному второй половиной II в. до н. э. (Монахов 2003: 154, табл. 105).

Погребение 166 содержало захоронение молодой женщины и ребенка. В заполнении северо-восточной части могильной ямы, на 30 см выше основного захоронения, находились крупные фрагменты двух сосудов — тулово родосской амфоры и горло с двумя ручками и частью тулова синопской амфоры. Внутри тулова родосской амфоры сохранились фрагментарно кости младенца — погр. 166 (а). В основном захоронении — погр. 166 (б) расчищен скелет женщины 25–30 лет. Погребенная была уложена вытянуто на спине, головой на СВ, руки были вытянуты вдоль туловища. Тулово родосской амфоры (рис. 2, 7) с нижними прилепами ручек и частью горла было раздавлено грунтом на множество фрагментов, склеено. Эта амфора может относиться к типу II (Бенаки) и датироваться первой третью III в. до н. э. (Там же: 121, табл. 85, 2).

Горло синопской амфоры, скорее всего, было установлено в могиле в качестве алтаря. Эта амфора предположительно пифоидного типа варианта II-C датируется концом IV — третьей четвертью III в. до н. э. (Там же: 150, табл. 102, 3).

Погребение 200 — захоронение новорожденного (или недоношенного) младенца, тело которого было помещено в амфору. При разборке заполнения амфоры обнаружены небольшие фрагменты костей. Тулово амфоры лежало горлом на СЗ. Горло и ручки амфоры были отбиты в древности, ножка сохранилась (рис. 2, 11). Предположительно это тулово хиосской прямогорлой амфоры варианта IV-B (Там же: табл. 9, 3), ее можно датировать второй половиной (рубежом третьей и четвертой четверти) V в. до н. э.

Погребение Г7 уничтожено грабительским шурфом № 15 в 2009 г. В его заполнении обнаружено тулово крупной амфоры, происходившей, предположительно, из погребения младенца. У амфоры отсутствуют горло с ручками и ножка (рис. 2, 8). Фрагменты похожей амфоры были обнаружены в погр. 72. По форме тулова амфора ближе всего к пепаретским пифоидным амфорам жуrowsкого типа, датированным первой половиной IV в. до н. э. (Там же: 99, табл. 70, 3).

К раннему периоду (V–IV вв. до н. э.) относится половина амфор, а вторая половина сосудов датируется поздним периодом (III–II вв. до н. э.). География поступления амфор в Артющенко-2 не очень обширна, для V–IV вв. до н. э. — это амфоры хиосского и пепаретского производства, для III–I вв. до н. э. — косские, родосские и синопские.

На исследованном участке некрополя Артющенко-2 детских погребений в амфорах обнаружено сравнительно немного. Возможно, они сконцентрированы на пока еще не открытом специальном «детском» участке, как это зафиксировано на некрополе у поселения Виноградный-7 (Сударев 2016: 336).

В заключение можно отметить, что раскопки некрополя Артющенко-2 позволяют ввести в научный оборот материалы, свидетельствующие о присутствии в традициях поселенцев характерных устойчивых компонентов погребального обряда. Обычай ставить амфоры в погребение соответствует периоду максимально активного функционирования могильника в первой половине V в. до н. э. Традиция хоронить детей в амфорах в V в. до н. э. только зарождается. Наибольшее ее развитие характерно для некрополя в III–II вв. до н. э.

Литература

- Абрамов 1993 — *Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология. М.: Науч.-исслед. археологический центр «Архэ», 1993. 135 с. (БС. Вып. 3).
- Кашаев 2009 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артюшенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Зинько В. Н. (отв. ред.). Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь: Крымское отд. ИВ НАН Украины; Центр археологических исследований благотворительного фонда «Деметра», 2009. С. 188–267 (БИ. Вып. 22).
- Кашаев 2010 — *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артюшенко-2 в 2007–2008 гг. // Масленников А. А., Гаврилюк Н. А., Завойкин А. А. (ред.). СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья: Новейшие открытия и находки. М.; Киев: ИА РАН; ИА НАН Украины, 2010. Вып. 1. С. 88–96.
- Кашаев 2019 — *Кашаев С. В.* Грунтовый некрополь Артюшенко-2 (V–II вв. до н. э.) // Виноградов Ю. А., Васильев С. А., Степанова К. Н. (ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 230–254.
- Кашаев, Павличенко 2013 — *Кашаев С. В., Павличенко Н. А.* Погребения № 119–120 из некрополя Артюшенко-2 // Синицын А. А. и Холод М. М. (сост. и науч. ред.). KOINON ΔΩΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова. СПб.: Изд-во Филологического факультета СПбГУ, 2013. С. 133–138.
- Монахов 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. М.; Саратов: Киммериды; изд-во Саратовского ГУ, 2003. 352 с.
- Сударев 2016 — *Сударев Н. И.* Погребения некрополя Виноградный-7 (раскопки 2015–2016 гг.) // Зуев В. Ю., Хршановский В. А. (ред.). Элита Боспора и боспорская элитарная культура: Материалы междунар. круглого стола. СПб.: Палаццо, 2016. С. 332–340.
- Уженцев 2001 — *Уженцев В. Б.* Калос Лимен в I в. до н. э. — начале II в. н. э. (общий обзор по материалам раскопок 1988–1998 гг.) // Гущина И. И., Журавлев Д. В. (ред.). Поздние скифы Крыма. М.: ГИМ, 2001. С. 156–166 (Тр. ГИМ. Вып. 118).

AMPHORAE FROM THE NECROPOLIS OF ARTYUSHCHENKO-2

S. V. KASHAEV

Keywords: *classical antiquity, North Black Sea region, Taman peninsula, burial ground, burials, funerary rite, amphorae, burial goods, Greek pottery.*

The necropolis of Artyushchenko-2 is situated in the southern part of the Taman peninsula. It has been under excavation since 2003. The tare amphorae are present in two contexts. In the first situation, an amphora is a part of burial inventory that was placed in the grave as a “container for wine”. In the second situation, amphorae serve as a repositories for corpses of infants. The necropolis yielded 12 tare amphorae (fig. 1) that were a part of burial inventory. They are dated to the V c. BC. In addition, there are 14 infant burials in amphorae (fig. 2). The analysis of the available materials makes it possible to assert that the tradition of placing amphorae in graves corresponds to the period of the most active use of the necropolis, which falls on the first half of the V c. BC. As to the tradition to bury children in amphorae, it appears that in the V c. BC it was still at a nascent stage. This tradition received its maximum development in the III–II cc. BC.

ГРЕЧЕСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ ИМПОРТЫ В РАННЕМЕОТСКИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ В ВОСТОЧНОМ ПРИКУБАНЬЕ И ЗАКУБАНЬЕ¹

А. В. БАТАСОВА²

Ключевые слова: Прикубанье, Закубанье, меотская культура, раннемеотский период, погребальный обряд, греческие керамические импорты, греко-варварские контакты.

Современные исследования свидетельствуют о том, что греческая керамика проникала в Прикубанье и Закубанье уже со второй — третьей четверти VI в. до н. э. Однако ее количество в погребальных памятниках раннемеотского периода невелико (табл.). Из всего спектра импортных вещей, поступавших на варварскую периферию, в погребальный контекст регулярно попадали лишь отдельные категории предметов. Самая многочисленная категория греческих импортных вещей в раннемеотских погребениях — чаши (рис. 2). Также довольно часто встречаются отбитые нижние части чернолаковых сосудов (рис. 3). Тарные амфоры в раннемеотских погребениях сравнительно редки (рис. 1). Находки целых импортных предметов практически всегда сопряжены с высоким социальным статусом погребенного. Части импортных сосудов встречены и в «рядовых» комплексах. Полученная картина свидетельствует о консервативности меотской культуры и погребального обряда в районе среднего течения Кубани.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-81-91

Проблема греко-варварских связей является одной из ключевых тем в отечественном антиковедении. В последние годы появились новые материалы, позволяющие судить о характере и интенсивности отношений, сложившихся между греческими колонистами, освоившими берега Таманского п-ова, и населением внутренних районов Прикубанья и Закубанья на раннем этапе их взаимодействия. Источником этих данных стали раскопки меотских городищ в Прикубанье и Закубанье, в культурных слоях которых систематически встречается греческая керамика VI в. до н. э. При изучении меотского городища Марьянское I был выделен горизонт второй — третьей четвертей VI в. до н. э. Характерной чертой этого периода существования городища является значительное количество фрагментов амфор разных центров производства и столовой, в том числе чернолаковой, импортной керамики (Иванов и др. 2020: 99–103). Греческие импорты несколько более позднего времени (с конца VI в. до н. э.) встречены на II Тенгинском городище. Здесь также найдены фрагменты амфорной тары и столовой посуды (Малышев 1996). На раннемеотском поселении Тарасова Балка фрагменты амфорной тары составляют до 1 % от общего количества керамики (Рябкова 2017: 55).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Батасова А. В., 2023.

Находки столовых сосудов южноионийских центров позволяют отнести время существования этого поселения ко второй половине VII — VI в. до н. э. (Там же). Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что уже на заре греко-варварских контактов греческие импорты систематически поступали в Прикубанье и даже в отдаленные районы Закубанья.

Картина, полученная по итогам изучения меотских городищ, несколько меняется при обращении к материалам некрополей раннемеотского периода, что уже отмечалось исследователями (Иванов 2020: 97). В первую очередь это касается частоты присутствия греческих керамических импортов в погребальном контексте. Находки греческой керамики конца VII — VI в. до н. э. в варварских погребениях Прикубанья и Закубанья крайне редки. Фрагменты античной керамики были обнаружены на поверхности площадки, искусственно сооруженной при постройке 1-го Разменного (Костромского) кургана (Рябкова, Логинова 2013: 370–372). В погр. 8 кург. 11 могильника Лебеди V найдена амфора производства Теоса (рис. 1, 5 — Пьянков и др. 2019: 219–221, рис. 5, 8). Скопление фрагментов верхней части аналогичной амфоры располагалось в насыпи кург. 7 курганного могильника Циплиевский кут 1 (рис. 1, 6 — Пьянков 2006: 27, 28, рис. 3, 1). В погр. 51 кург. 15 раннего некрополя Уляп (далее — могильник Уляп II) был найден килик паросского типа (рис. 2, 1)³.

Все эти находки происходят из разных областей Прикубанья и Закубанья, но встречены исключительно в подкурганых погребальных комплексах, инвентарь которых, помимо прочего, включал в себя всадническо-воинские атрибуты. Это позволяет предположить, что в VI в. до н. э. греческие импорты попадали в варварские погребения sporadически, и их наличие коррелировало с высоким социальным статусом погребенного.

Количество импортной керамики последней четверти VI — V в. до н. э. в меотских погребениях увеличивается, однако остается небольшим. Из меотских могильников Прикубанья и Закубанья происходит около полусотни античных керамических сосудов и их частей, датируемых этим временем (табл.). На фоне большого числа исследованных погребений раннемеотского периода, доля комплексов с греческой керамикой невелика и составляет около 11 %⁴. Для сравнения, из одного могильника у хут. Рассвет происходит 59 импортных предметов, датируемых синхронным временем (Новичихин 2010), а доля погребений с импортами от общего числа исследованных комплексов этого некрополя составляет уже 22 %.

Таблица. Распределение греческих керамических импортов в раннемеотских погребениях по категориям, количество, экз. (доля, %)

Категория								Всего
Чаша	Поддон черно-лакового сосуда	Вазочка	Амфора	Ножка амфоры	Онохоя	Лекиф	Светильник	
21 (40)	14 (26)	5 (9)	5 (9)	4 (8)	2 (4)	1 (2)	1 (2)	53 (100)

Таким образом наблюдается разрыв между временем бытования импортов в повседневной и погребальной культуре населения Прикубанья и Закубанья. Примерно

³ В публикации авторы определяют этот сосуд как восточно-греческий (родосско-ионийский) и датируют его первой половиной VI в. до н. э. (Лесков и др. 2005: 76). Кикладское происхождение чаш этого типа было предложено Дж. Хейсом (Boardman, Hayes 1966: 74, 75, Pl. 54, Nos. 918–920). Подобные сосуды в материалах античных памятников Северного Причерноморья датируются последней третью VI в. до н. э. (Буйских 2013: 184, рис. 180, 181; Чистов и др. 2020: 98, 99, табл. 51, 6, 7).

⁴ В данном случае не учтены единичные случайные находки импортных предметов, обнаруженные в подъемном материале на некоторых меотских некрополях.

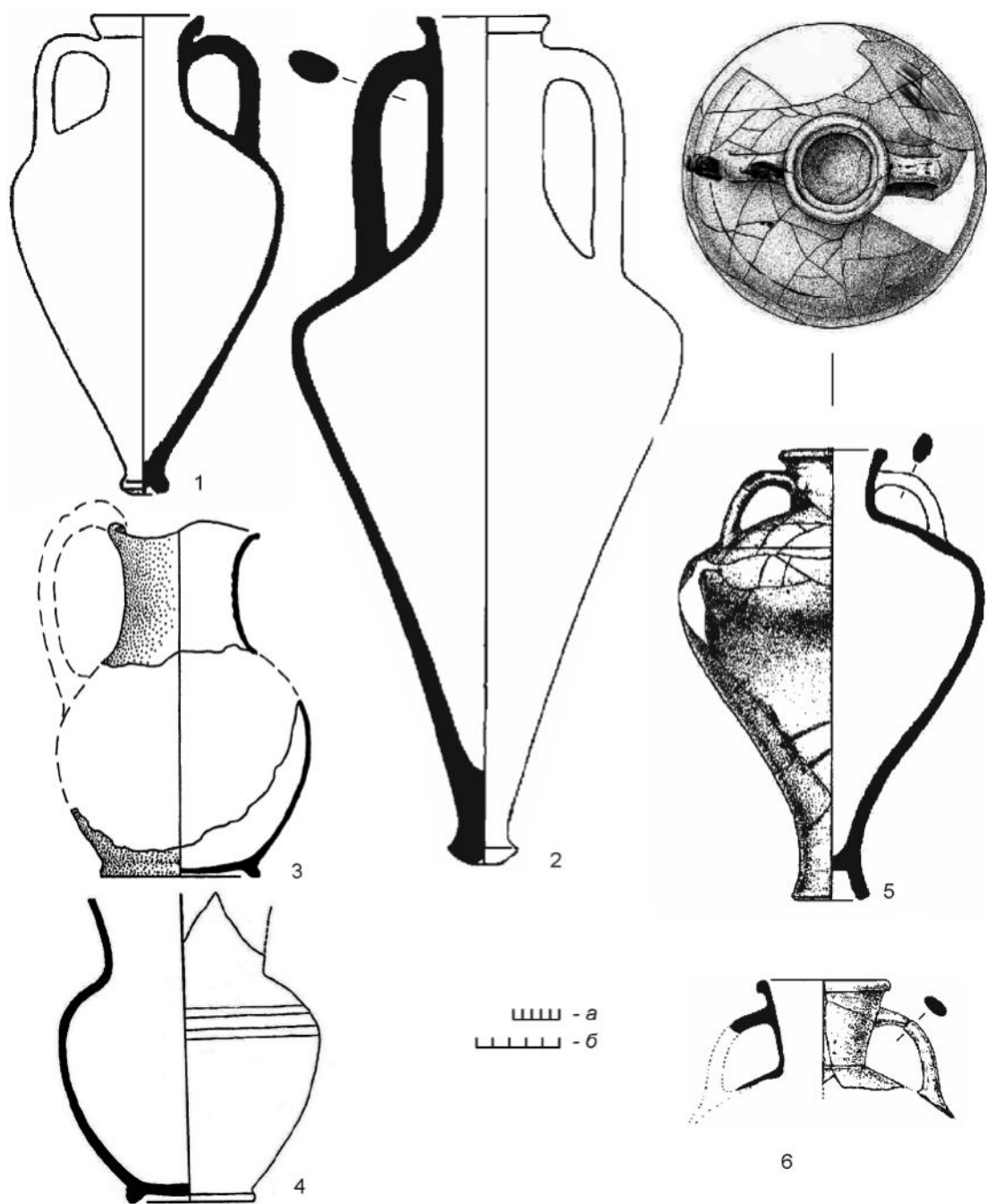

Рис. 1. Тарные амфоры и ойнохои из погребений раннемаеотского периода: 1, 4 — могильник Уляп II: 1 — кург. 15, погр. 66; 4 — кург. 13, погр. 13 (по: Лесков и др. 2005: рис. 215, 3; 152, 2); 2 — ст. Новониколаевская, кург. 56, погр. 2 (по: Лимберис, Марченко 2015а: рис. 2, 3); 3 — могильник Старокорсунского городища № 2, погр. 180в (по: Лимберис, Марченко 2012: рис. 60, 5); 5 — могильник Лебеди V, кург. 11, погр. 8 (по: Пьянков и др. 2019: рис. 5, 8); 6 — могильник Циплиевский кут, кург. 7, объект 2 (по: Пьянков 2006: рис. 3, 1). Масштаб: а — 1, 2, 5, 6; б — 3, 4

Fig. 1. Tare amphorae and oenochoae from the burials of the Early Maeotian period: 1, 4 — Ulyap II cemetery: 1 — barrow 15, burial 66; 4 — barrow 13, burial 13 (after Лесков и др. 2005: fig. 215, 3; 152, 2); 2 — Novonikolaevskaya, barrow 56, burial 2 (after Лимберис, Марченко 2015а: fig. 2, 3); 3 — cemetery of Starokorsunskoe hillfort No. 2, burial 180в (after Лимберис, Марченко 2012: fig. 60, 5); 5 — Lebedi V cemetery, barrow 11, burial 8 (after Пьянков и др. 2019: fig. 5, 8); 6 — Tsiplievsky kut cemetery, barrow 7, object 2 (after Пьянков 2006: fig. 3, 1). Scales: а — 1, 2, 5, 6; б — 3, 4

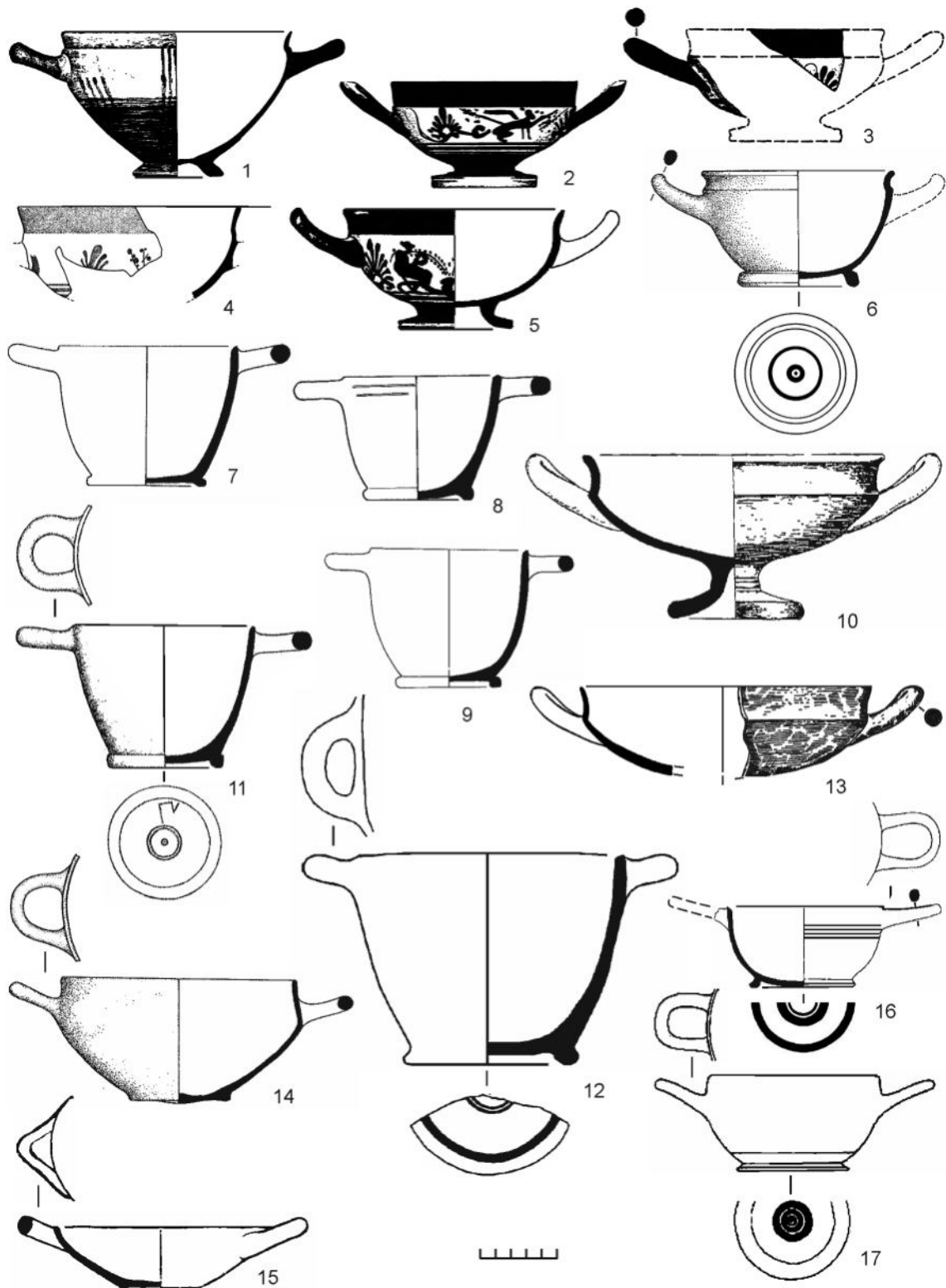

Рис. 2. Чаши для питья и их части из меотских некрополей Восточного Прикубанья и Закубанья: 1, 5, 10, 13 — могильник Уляп II: 1 — кург. 15, погр. 51; 5 — кург. 13, погр. 21; 10 — кург. 15, погр. 8; 13 — кург. 12, погр. 79 (по: Лесков и др. 2005: рис. 203, 11; 160, 8; 172, 5; 124, 5a); 2, 3 — могильник городища № 3 хут. Ленина: 2 — раскоп I, погр. 5; 3 — раскоп III, погр. 13 (по: Лимберис, Марченко 2012: рис. 25, 3, 5); 4, 6, 8, 9, 11, 14 — могильник Старокорсунского городища № 2: 4 — погр. 260в, 6 — погр. 34 (1976 г.), 8 — погр. 450, 9 — погр. 119з, 11 — погр. 270в, 14 — погр. 269в (4, 6, 9, 11, 14 — по: Там же: рис. 25, 7, 9, 1; 72, 9; 71, 7; 8 — по: Лимберис, Марченко 2013: рис. 1, 5); 7 — могильник городища № 2 хут. Ленина, погр. 4 (1980 г.) (по: Лимберис, Марченко 2012: рис. 25, 2); 12, 17 — ст. Новониколаевская, кург. 56, погр. 2 (12 — по: Лимберис, Марченко 2015б: рис. 1, 7a; 17 — по: Лимберис, Марченко 2015а: рис. 2, 1); 15 — Псекупский могильник № 1, погр. 66 (по: Ловпаче 1985: табл. XVI, 6); 16 — могильник третьего Воронежского городища, погр. 3 (1966 г.) (по: Лимберис, Марченко 2015а: рис. 1, 2)

Fig. 2. Drinking cups and heir fragments from the Maeotian necropoli of the East Kuban and Trans-Kuban regions: 1, 5, 10, 13 — Ulyap II cemetery: 1 — barrow 15, burial 51; 5 — barrow 13, burial 21; 10 — barrow 15, burial 8; 13 — barrow 12, burial 79 (after Лесков и др. 2005: fig. 203, 11; 160, 8; 172, 5; 124, 5a); 2, 3 — cemetery of hillfort No. 3, Lenin farmstead: 2 — trench I, burial 5; 3 — trench III, burial 13 (after Лимберис, Марченко 2012: fig. 25, 3, 5); 4, 6, 8, 9, 11, 14 — cemetery of Starokorsunskoe hillfort No. 2: 4 — burial 260в, 6 — burial 34 (1976), 8 — burial 450, 9 — burial 119з, 11 — burial 270в, 14 — burial 269в (4, 6, 9, 11, 14 — after Ibid.: fig. 25, 7, 9, 1; 72, 9; 71, 7; 8 — after Лимберис, Марченко 2013: fig. 1, 5); 7 — cemetery of hillfort No. 2, Lenin farmstead, burial 4 (1980) (after Лимберис, Марченко 2012: fig. 25, 2); 12, 17 — Novonikolaevskaya, barrow 56, burial 2 (12 — after Лимберис, Марченко 2015б: fig. 1, 7a; 17 — after Лимберис, Марченко 2015а: fig. 2, 1); 15 — Psekups cemetery No. 1, burial 66 (after Ловпаче 1985: table XVI, 6); 16 — cemetery of the third Voronezhsky hillfort, burial 3 (1966) (after Лимберис, Марченко 2015а: fig. 1, 2)

со второй четверти VI в. до н. э. греческая керамика поступала в варварскую среду и, вероятно, использовалась в быту, но до определенного момента эти вещи не проникали в сферу погребальной обрядности.

Примерно со второй четверти V в. до н. э. импортная керамика систематически, пусть и нечасто, встречается в погребениях меотов. Самая многочисленная категория греческих импортных вещей в раннемеотских погребениях — чаши для питья. Они составляют до 70 % от всех импортов. При этом обнаруживаются как целые формы, так и их нижние части (поддоны). Среди целых чаш преобладают скифосы и чашевидные скифосы. Такие формы, как килики, болсалы и чаши без ножки известны в единичных экземплярах.

Чашевидные скифосы группы Хаймон-Ланкут происходят из погр. 5 раскопа I и погр. 12 раскопа III могильника городища № 3 хут. Ленина (рис. 2, 2, 3 — Лимберис, Марченко 2013: 428), и из погр. 260в могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 2, 4 — Там же), датируемых первой половиной — серединой V в. до н. э. Еще один экземпляр был обнаружен в погр. 21 кург. 13 могильника Уляп II (рис. 2, 5 — Лесков и др. 2005: 49, 50). Производство этих чаш относится к первой четверти V в. до н. э. (Горбунова 1983: 11. Кат. 147–149, 154).

Чашевидный скифос, который Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко датируют концом VI — началом V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2016: 84), обнаружен в погр. 34 могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 2, 6). Сам комплекс датируется первой половиной V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2013: 425).

Аттические скифосы (тип А) известны в шести экземплярах. Сосуды из погр. 119з и 270в могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 2, 9, 11) датируются концом первой — второй четвертью V в. до н. э. (Там же). Датировка самих комплексов — первая половина — середина V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2015б: 244). Скифосы, найденные в комплексах второй половины V в. до н. э. — из погр. 4 могильника городища № 2 хут. Ленина (рис. 2, 7) и из погр. 450 Старокорсунского городища № 2 (рис. 2, 8), — исследователи датируют серединой — третьей четвертью V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2013: 425).

Еще два одинаковых аттических скифоса происходят из кургана близ ст. Новониколаевская, из комплекса, датируемого концом третьей — второй половиной последней четверти V в. до н. э. (рис. 2, 12 — Лимберис, Марченко 2015б: 227, 229, 245).

Остальные чаши для питья более редки. Килики с вогнутым венчиком типа С (Sparkes, Tallcott 1970: Cat. 398–413) найдены в двух погребениях некрополя Уляп II (рис. 2, 10, 13) и могут быть датированы концом VI — началом V в. до н. э. Чаша без ножки (stemless) была обнаружена в погр. 269в могильника Старокорсунского городища № 2 (рис. 2, 14). Она предположительно датируется началом V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2015: 300, 301). Примечательной ее чертой является практически полная утрата лакового покрытия, что свидетельствует о длительном использовании до попадания в погребальный контекст. По мнению Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко, аналогичная чаша stemless была найдена и в погр. 66 Псекупского могильника (рис. 2, 15 — Там же: 301). Две чаши-болсала происходят из погр. 3 (1966 г.) некрополя третьего Воронежского городища (рис. 2, 16) и из упоминавшегося погр. 2 кург. 56 у ст. Новониколаевской (рис. 2, 17 — Лимберис, Марченко 2015а: 305). Сосуды датируются 430–420 гг. до н. э. (Там же). Помимо описанных экземпляров в четырех погребальных комплексах могильника Уляп II найдены фрагменты чернолаковых чаш, атрибуция которых затруднительна.

Среди рассмотренных находок 11 чаш датируются концом VI — первой половиной V в. до н. э. Все они происходят из комплексов первой половины — середины V в. до н. э. Ко второй половине V в. до н. э. относятся всего четыре комплекса с находками импортных чаш для питья, то есть их количество существенно меньше по сравнению с первой половиной столетия. Отметим также, что почти во всех погребениях, где встречены целые импортные чаши, присутствуют традиционные меотские сосуды для питья — лепные кувшинчики и кружки. Единственным достоверным исключением из этого правила является погр. 269в, открытое на могильнике Старокорсунского городища № 2. Здесь в женском погребении первой половины V в. до н. э. были найдены кувшин, чашечка «stemless» со стертым лаковым покрытием и бронзовый перстень (Лимберис, Марченко 2012: 127).

Все вышесказанное позволяет предположить, что появление греческих чаш для питья в раннемеотском погребальном обряде не является следствием широкого проникновения этих вещей в бытовую культуру и постепенного вытеснения местных форм привозными. В то же время, как правило, находки импортных чаш в раннемеотских погребениях ассоциированы с предметами вооружения и/или конской узды и сбруи, зеркал, украшений. Это выделяет их из разряда рядовых меотских погребений, где зачастую присутствует лишь стандартный набор лепной посуды местного производства. Поэтому греческие чаши для питья, скорее, являлись атрибутом высокого статуса, престижной вещью, владение которой было доступно лишь верхушке меотского общества. В повседневном обиходе представители этой социальной группы могли использовать местную лепную посуду, которую и помещали в погребение в качестве столового сервиза — вместилища для напутственной пищи умершему.

Нижние части чернолаковых сосудов (поддоны, ножки) являются второй по частоте категорией импортов в раннемеотских погребальных комплексах (рис. 3, 1–14). Среди них встречаются как нижние части сосудов, известных по находкам целых предметов, так и экземпляры, тип и датировка которых не определены (Лимберис, Марченко 2013: 425–428). Однозначно можно сказать, что эта категория греческих керамических импортов появляется в раннемеотских погребениях не ранее начала V в. до н. э., что совпадает со временем попадания в комплексы этого времени целых чаш греческого производства. А в двух погребениях могильника Уляп II (кург. 12 погр. 79 и кург. 15 погр. 8) поддоны чернолаковых сосудов встречаются совместно с целыми чашами для питья. Последнее обстоятельство вкупе со следами подработки некоторых поддонов позволяет предположить, что функция целых предметов

и их частей в раннемеотском погребальном обряде различалась. Большая часть поддонов, видимо, использовалась вторично в качестве мелких емкостей и могла соответствовать такой категории меотской лепной керамики, как миниатюрные сосуды (чашечки, вазочки). Последние появляются в меотских погребениях Прикубанья в конце VI — начале V в. до н. э., а в Закубанье — чуть раньше, уже во второй половине VI в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012: 38, 39). Назначение этих предметов в погребальном обряде неясно. По версии исследователей, они могли употребляться в утилитарных или ритуальных действиях (Там же: 38).

В отличие от погребений с целыми чашами для питья, их части во вторичном использовании встречаются не только в элитных комплексах, но и в тех, которые можно охарактеризовать как рядовые, сопроводительный инвентарь которых лишен каких-либо статусных атрибутов и состоит лишь из керамического набора. Это позволяет предположить, что поломанные, вторично использованные предметы могли быть доступны более широкому слою меотского общества, а не только социальной верхушке. Вместе с тем само по себе вторичное использование частей импортных сосудов свидетельствует о том, что привозная вещь обладала определенной ценностью для носителей меотской культуры. Такие предметы могли длительно использоваться, и в случае поломки или намеренно они наделялись новой функцией, свойственной категориям вещей, традиционных для населения Прикубанья и Закубанья в конце VI — V в. до н. э. Таким образом, импортная вещь включалась в сферу местной культуры, становилась «своей».

Следующая категория импортных предметов, встречающаяся в раннемеотских погребениях, — это вазочки (*stemmed dish*). Из могильника Старокорсунского городища № 2 (погр. 260в и 34 (1976 г.)) происходят две вазочки (рис. 3, 19, 20), датируемые последней четвертью VI — первой четвертью V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2013: 429). Оба погребальных комплекса относятся к первой половине V в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2012: 113, 124). Отметим, что вазочка из погр. 34 (1976 г.) характеризуется полностью утраченным лаковым покрытием, что указывает на ее длительное использование до момента попадания в погребение. Похожая по форме вазочка была найдена в погр. 69 Псекупского могильника (рис. 3, 22), однако ввиду отсутствия ее описания в публикации мы не можем сказать, являлась ли она предметом импорта или местного производства. В погр. 306в могильника Старокорсунского городища № 2 (конец VI — начало V в. до н. э.) найдена вазочка, предположительно, неаттического производства, с отпиленной ножкой и заглаженным местом скола (Лимберис, Марченко 2017: 218; рис. 3, 23)⁵. Еще одна вазочка с утраченной ножкой происходит из погр. 93 кург. 12 могильника Уляп II (рис. 3, 21). Судя по следам бурого лака на ее внутренней поверхности (Лесков, Беглов и др. 2005: 44), она может являться импортным сосудом типа *stemmed dish*, использованным вторично.

Как и чаши для питья, импортные вазочки на ножке появляются в раннемеотском погребальном обряде не ранее V в. до н. э. Некоторые из них, вероятно, употреблялись во вторичной функции. Учитывая сопоставимые размеры и формы, можно предположить, что они играли роль миниатюрных сосудов, так же, как и рассмотренные выше поддоны чернолаковых сосудов. Состав погребального инвентаря как минимум двух комплексов, где встречены вазочки, характеризуется наличием статусных предметов. В погр. 260в могильника Старокорсунского городища № 2 присутствуют оружие и конская упряжь, а в погр. 34 (1976 г.) из этого могильника — украшения и бронзовое зеркало.

⁵ Помимо вышеописанных стоит упомянуть и о других находках подобных импортных предметов, отношение которых к погребальному контексту достоверно не установлено. Место находки вазочки неаттического производства, датируемой около 500 г. до н. э. (*chalice shape*), неизвестно (Лимберис, Марченко 2017: 218). Ваза-фруктовница (*fruit-stend*) была найдена случайно на могильнике городища № 2 хут. Ленина. Эта чаша, предположительно производства Родоса, датируется второй четвертью VI в. до н. э. (Лимберис, Марченко 2013: 429, 430).

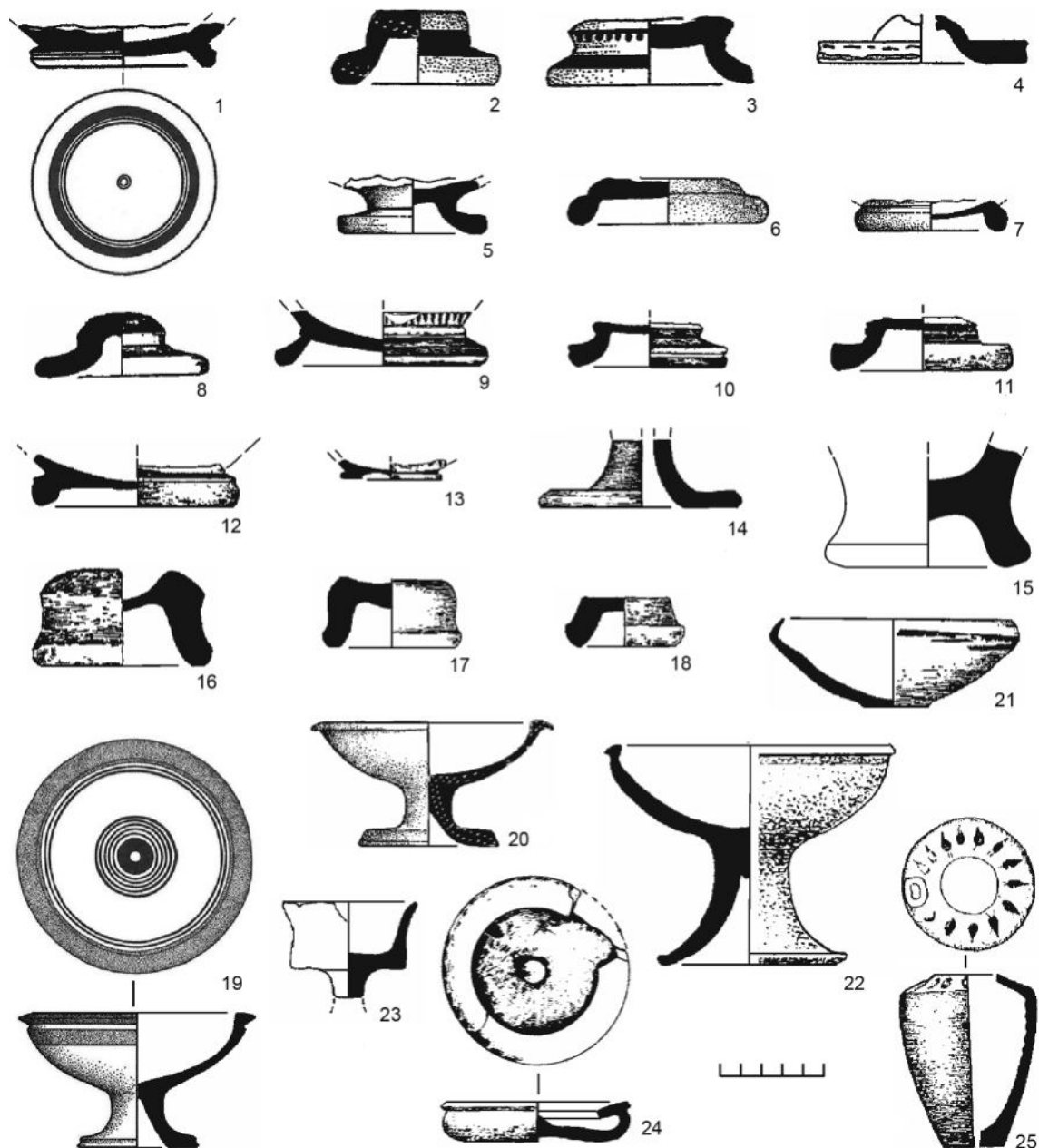

Рис. 3. Греческие керамические импорты из меотских некрополей Восточного Прикубанья и Закубанья: 1–14 — нижние части чернолаковых сосудов, 15–18 — ножки амфор, 19–23 — вазочки, 24 — светильник; 25 — лекиф. 1–3 — могильник городища № 3 хут. Ленина: 1, 2 — раскоп III, погр. 20 и 10, 3 — раскоп I, погр. 2 (по: Лимберис, Марченко 2012: рис. 26, 2, 6, 5); 4 — могильник городища № 2 хут. Ленина, погр. 2 (1983 г.) (Там же: рис. 26, 7); 5–7, 19, 20, 23 — могильник Старокорсунского городища № 2: 5 — погр. 271в, 6 — погр. 199в, 7 — погр. 261в, 19 — погр. 260в, 20 — погр. 34 (1976 г.) (Там же: рис. 26, 3, 1, 4, 9, 8), 23 — погр. 306в (по: Лимберис, Марченко 2017: рис. 4, 21); 8–14, 16–18, 21, 24, 25 — могильник Уляп II: 8, 11–13, 17 — кург. 15, погр. 8, 23, 63, 40, 19 (по: Лесков и др. 2005: рис. 172, 14; 185, 1; 213, 7; 196, 2; 181, 1); 9, 10, 14, 16, 18, 21, 24, 25 — кург. 12, погр. 79, 95, 30, 85, 96, 93, 82, 100 (Там же: рис. 124, 5б; 134, 2; 92, 3; 128, 9; 135, 4; 133, 8; 127, 2; 138, 7); 15 — Большой Петропавловский могильник, кург. 8, погр. 5 (по: Гей, Клещенко 2018: рис. 43, I, 2); 22 — Псекупский могильник № 1, погр. 69 (по: Ловпаче 1985: табл. XVII, 7)

Находки тарных амфор в раннемеотских погребениях, открытых во внутренних районах Прикубанья и в Закубанье, сравнительно редки, что контрастирует с материалами меотских городищ, где именно фрагменты амфорной тары составляют большую долю от греческих импортов. В большинстве случаев в раннемеотских погребальных комплексах зафиксированы отбитые ножки амфор (рис. 3, 15–18). Некоторые из них несут на себе следы подработки, что позволяет предположить их вторичное использование в качестве мелких сосудов. Они встречаются как в воинских погребениях, так и в рядовых, лишенных каких-либо статусных атрибутов.

Среди находок целых амфор из погребений этого времени — амфора производства Тесоса из могильника Лебеди V (рис. 1, 5), рассматривавшаяся ранее, протофасосская амфора из погр. 66 кург. 15 некрополя Уляп II (рис. 1, 1), две фасосские амфоры из погр. 2 кург. 56 у ст. Новониколаевская (рис. 1, 2 — Лимберис, Марченко 2015а: 305, рис. 2, 3). В отличие от комплексов с отбитыми ножками амфор, погребения с находками целых амфор демонстрируют элитарный облик и сопровождаются вооружением, конской уздой, набором импортной керамики.

Две находки амфор не имеют достоверной привязки к погребальным комплексам. Нижняя часть гераклейской амфоры из погр. 2 (1983 г.) могильника городища № 2 хут. Ленина происходит из засыпки погребения (Лимберис, Марченко 2012: 154), а в погр. 17 кург. 8 Большого Петропавловского могильника был найден лишь фрагмент стенки амфоры (Гей, Клещенко 2018: 83, 84), который мог попасть в данный контекст случайно.

Все прочие категории греческих керамических импортов встречены в меотских погребениях V в. до н. э. единично и исключительно в комплексах, сопровождавшихся воинско-всадническими атрибутами. Из погр. 180в могильника Старокорсунского городища № 2, датируемого концом V в. до н. э., происходит ойнохоя (Лимберис, Марченко 2012: 119) (рис. 1, 3). Предположительно еще одна ойнохоя с отбитым горлом происходит из погр. 13 кург. 13 могильника Уляп II (рис. 1, 4). В двух погребениях этого же некрополя были найдены чернолаковый светильник (рис. 3, 24) и лекиф во вторичном использовании (рис. 3, 25)⁶. Наиболее интересна находка лекифа, у которого было отбито горло, сколы подтесаны, а на месте подставки просверлено отверстие (Лесков и др. 2005: 46).

Спектр импортных вещей, встречающихся в раннемеотских погребениях, практически исчерпывается вышеперечисленными категориями. Отметим, что в этих комплексах отсутствуют такие категории керамики, как столовые амфоры, чаши с петлевидной ручкой, чернолаковые солонки, а также подражания греческим импортам в лепной керамике, ко-

⁶ Случайные находки лекифов известны и на некрополях городищ Кубанской группы (Лимберис, Марченко 2013: 429), однако характер находок не позволяет достоверно относить их к интересующим нас контексту и периоду.

Fig. 3. Greek ceramic imports from the Early Maeotian necropoli of the East Kuban and Trans-Kuban regions: 1–14 — bottom parts of black-glazed vessels, 15–18 — amphora legs, 19–23 — small vases, 24 — lamp; 25 — lekythos. 1–3 — cemetery of Lenin farmstead hillforts No. 3: 1 and 2 — trench III, burials 20 and 10, 3 — trench I, burial 2 (after Лимберис, Марченко 2012: fig. 26, 2, 6, 5); 4 — cemetery of Lenin farmstead hillforts No. 2, burial 2 (1983) (Ibid.: fig. 26, 7); 5–7, 19, 20, 23 — cemetery of Starokorsunskoe hillfort No. 2: 5 — burial 271в, 6 — burial 199в, 7 — burial 261в, 19 — burial 260в, 20 — burial 34 (1976) (Ibid.: fig. 26, 3, 1, 4, 9, 8), 23 — burial 306в (after Лимберис, Марченко 2017: fig. 4, 21); 8–14, 16–18, 21, 24, 25 — Ulyap II cemetery: 8, 11–13, 17 — barrow 15, burial 8, 23, 63, 40, 19 (after Лесков и др. 2005: fig. 172, 14; 185, 1; 213, 7; 196, 2; 181, 1); 9, 10, 14, 16, 18, 21, 24, 25 — barrow 12, burial 79, 95, 30, 85, 96, 93, 82, 100 (Ibid.: fig. 124, 56; 134, 2; 92, 3; 128, 9; 135, 4; 133, 8; 127, 2; 138, 7); 15 — Bolshoy Petropavlovsky cemetery, barrow 8, burial 5 (after Гей, Клещенко 2018: fig. 43, 1, 2); 22 — Psekups cemetery No. 1, burial 69 (after Ловпаче 1985: table XVII, 7)

торые систематически встречаются в погребениях второй половины VI — V в. до н. э. в некрополе у хут. Рассвет (Новичихин 2010).

Подводя итог обзору находок греческих керамических сосудов в погребальных комплексах раннемеотского периода, можно отметить следующее.

1. Греческие керамические импорты появляются в меотском погребальном контексте не ранее V в. до н. э., несмотря на то что в материалах городищ они фиксируются уже со второй четверти VI в. до н. э.

2. Из всего спектра импортных вещей, поступавших на варварскую периферию, в погребальный контекст систематически попадали лишь отдельные категории: чаши для питья, вазочки, тарные амфоры, а также части этих предметов. В материалах погребений и материалах городищ категории греческих импортов представлены в обратной пропорции, что свидетельствует об избирательности погребального обряда.

3. Находки целых импортных предметов (чаш для питья, амфор) практически всегда сопряжены с высоким социальным статусом погребенного, что отражается в составе погребального инвентаря.

4. Части импортных сосудов (поддоны чаш для питья, ножки амфор) во вторичном использовании (в качестве миниатюрных емкостей) встречены, помимо прочего, в «рядовых» комплексах. Это обстоятельство позволяет предположить их проникновение в более широкие слои населения.

Полученная картина в определенной степени свидетельствует о консервативности меотской культуры в районе среднего течения Кубани. Проникновение керамических импортов в сферу погребальной обрядности происходило постепенно и, вероятно, через представителей социальной верхушки меотского общества, в погребальной практике которых отдельные импортные вещи встречаются уже в VI в. до н. э. В обряде рядового населения греческие импорты появляются не ранее V в. до н. э. и очень ограниченно (преимущественно это поломанные или отбитые части импортных сосудов во вторичном использовании).

Однако наблюдаемая картина не является универсальной. Очевидно, она трансформировалась с течением времени, а на других территориях (например, в Синдике) могла с самого начала иметь отличные черты. Все это указывает на региональную специфику и своеобразие греко-варварского взаимодействия на разных его этапах.

Литература

- Буйских 2013 — *Буйских А. В.* Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній Світ, 2013. 456 с.
- Гей, Клещенко 2018 — *Гей А. Н., Клещенко А. А.* Большой Петропавловский могильник: публикация и интерпретация материалов раскопок. М.: ИА РАН, 2018. 220 с. (Тр. Северо-Кавказской (Донской) археологической экспедиции. Т. 1).
- Горбунова 1983 — *Горбунова К. С.* Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.: Искусство, 1983. 224 с.
- Иванов и др. 2020 — *Иванов А. В., Ларенок П. А., Подорожный А. А.* О горизонте второй — третьей четверти VI в. до н. э. поселения Марьянское I в Нижнем Прикубанье // *АВ. 2020. Вып. 30. С. 97–115.*
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э.: некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис, Марченко 2012 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар: Кубанский ГУ, 2012. 316 с.
- Лимберис, Марченко 2013 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Импортная парадная керамика VI–IV вв. до н. э. из могильников меотских городищ Краснодарской группы // *Вахтина М. Ю. и др. (редкол.). Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: ММНК (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 424–434.*

- Лимберис, Марченко 2015а — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Два типа чернолаковых чаш из меотских погребений правобережья Кубани // *Античный мир и археология*. 2015. № 17. С. 299–317.
- Лимберис, Марченко 2015б — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Чернолаковые скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // *Древности Боспора*. 2015. Вып. 19. С. 226–255.
- Лимберис, Марченко 2016 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Аттические чашевидные скифосы из меотских памятников правобережья Кубани // *ЗИИМК*. 2016. № 14. С. 77–92.
- Лимберис, Марченко 2017 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Миниатюрные чернолаковые сосуды для сервировки стола из меотских могильников правобережья Кубани // *Античный мир и археология*. 2017. Вып. 18. С. 228–245.
- Ловпаче 1985 — *Ловпаче Н. Г.* Могильники в устье реки Псекупса // *Анфимов Н. В. (отв. ред.). Вопросы археологии Адыгеи: Сб. ст. Майкоп: б. и., 1985. С. 16–64.*
- Мальшев 1996 — *Мальшев А. А.* Античный импорт (VI–IV вв. до н. э.) в Закубанье. По материалам раскопок Тенгинского II городища // *Афанасьев Г. Е. (отв. ред.). Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX Крупновские чтения (Москва, апрель 1996 г.): ТД, М.: ИА РАН, 1996. С. 110–111.*
- Новичихин 2010 — *Новичихин А. М.* Население архаической Синдики: по материалам некрополя у хутора Рассвет. М.: Гриф и К, 2010. 268 с. (Некрополи Черноморья. Т. 3).
- Пьянков 2006 — *Пьянков А. В.* Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // *Копылов В. П. (отв. ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по материалам XI МНК. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 2006. С. 27–33.*
- Пьянков и др. 2019 — *Пьянков А. В., Рябкова Т. В., Зеленский Ю. В.* Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // *АВ*. 2019. Вып. 25. С. 206–228.
- Рябкова 2017 — *Рябкова Т. В.* Взаимодействие кочевого и оседлого населения Закубанья по материалам Разменных курганов и поселения Тарасова Балка // *Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). Тр. V (XXI) ВАС в Барнауле — Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. Т. 2. С. 52–56.*
- Рябкова, Логинова 2013 — *Рябкова Т. В., Логинова Е. Ю.* Керамический комплекс Костромского кургана (предварительная публикация) // *Марченко И. И. (отв. ред.) и др. Шестая междунар. Кубанская археологическая конф. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 370–374.*
- Чистов и др. 2020 — *Чистов Д. Е., Ильина Ю. И., Еремеева А. А., Щербакова О. Е.* Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 3: Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов. СПб.: Изд-во ГЭ, 2020. 436 с. (Археология в Эрмитаже. Т. 1).
- Boardman, Hayes 1966 — *Boardman J., Hayes J.* Excavations at Tocra 1963–1965: The archaic deposits I. The British School at Athens, 1966. 170 p. (Supplementary Volumes. No. 4).
- Sparkes, Tallcott 1970 — *Sparkes B. A., Tallcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. Princeton, 1970. 472 p. (The Athenian Agora. Results of excavations. Vol. 12).

GREEK CERAMIC IMPORTS IN THE EARLY MAEOTIAN BURIAL ASSEMBLAGES OF THE EAST KUBAN AND TRANS-KUBAN REGIONS

A. V. BATASOVA

Keywords: *Kuban region, Trans-Kuban region, Maeotian culture, Early Maeotian period, burial rite, Greek ceramic imports, Greek-Barbarian contacts.*

Contemporary research suggests that Greek ceramics penetrated into the Kuban and Trans-Kuban regions as early as the second — third quarter of the VI c. BC. However, its quantity in the Early Maeotian burial sites is not big (table). Only certain categories of imported things are regularly found in burial contexts, with cups being the most numerous among them (fig. 2). Bottom parts of black-glazed vessels are frequently found, too (fig. 3). Tare amphorae are relatively rare in the Early Maeotian burials (fig. 1). The finds of intact imported objects almost invariably correlate with a high social status of the buried person. Fragments of imported vessels are also found in “ordinary” complexes. The available data testifies to the conservatism of the Maeotian culture and burial rites in the middle reaches of the Kuban river.

НАКОНЕЧНИКИ И ВТОКИ КОПИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА ВОЛНА-1

И. А. ГАРАЕВ¹

Ключевые слова: Таманский п-ов, могильник Волна-1, грунтовые погребения, наконечники и втоки копий, классификация.

В статье публикуется серия железных наконечников и втоков копий V–III вв. до н. э. из грунтового могильника Волна-1 (Таманский п-ов) и дается их классификация (рис. 1, 2). Выделение типов и вариантов в рамках отдельных хронологических периодов позволило проследить не только эволюцию этого вида вооружения, но и возможные территориальные связи. Анализ размеров наконечников и втоков (табл. 1, 2) и их расположения в погребениях дает представление о функциональном назначении и длине копий. Для раннего хронологического этапа характерны длинные, тяжелые ударные копья, а для более позднего — легкие метательные, что говорит о произошедшей смене боевых приемов и тактики. Отсутствие похожих наконечников хотя бы в двух разных погребениях, а также следов их местного производства может говорить как об их импорте, так и о проникновении на территорию Азиатского Боспора этнических элементов с уже сложившимся комплексом вооружения. Публикация находок из погребений полностью исследованного могильника приобретает особую актуальность на фоне скудости и плохой сохранности археологических материалов, относящихся к военной истории Боспора Киммерийского.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-92-101

Грунтовый могильник Волна-1 является полностью исследованным памятником, расположенным в юго-западной части Таманского п-ова. Из 1318 погребений, открытых на нем, 782 были исследованы экспедицией ООО «Ирида» под руководством И. В. Цокур². При этом 88 погребений содержали различные предметы вооружения, в том числе 64 экз. наконечников и втоков копий, которые и стали предметом анализа в настоящей работе. Они были найдены в 45 погребениях (51 % от общего числа захоронений с оружием). Это свидетельствует о важной роли копий как оружия ближнего боя для населения, связанного с функционированием могильника Волна-1 на протяжении второй половины VI — II в. до н. э.

Благодаря импортной греческой керамике удалось выделить для погребений с оружием несколько хронологических периодов: 1) первая половина V в. до н. э.; 2) последняя четверть V — первая четверть IV в. до н. э.; 3) последняя четверть IV в. до н. э.; 4) конец IV — первая половина III в. до н. э. Большинство захоронений с копьями совершали на протяжении всех четырех периодов в простых грунтовых ямах прямоугольной (32)

¹ ООО «Ирида»; Краснодарский край, Темрюкский р-н, пос. Волна, 353556, Россия.

© Гараев И. А., 2023.

² Автор выражает благодарность И. В. Цокур за возможность работать с таким интересным материалом.

и овальной (8) формы. Кроме того, в четырех случаях были использованы ящики, сложенные из сырцовых кирпичей, а одно погребение совершено в подбое. Три сырцовых ящика и подбой относятся к третьему и четвертому периодам.

Антропологическая характеристика погребений с копьями затруднена ввиду плохой сохранности костных останков. Однако в тех случаях, когда удалось определить пол и возраст умерших, копья лежали со скелетами мужчин (23 случая). В пяти погребениях с исключительно полным набором наступательного вооружения (стрелы, мечи, копья) копья сопровождали скелеты женщин, причем это отмечено только для захоронений первых двух периодов. Наконечники копий присутствовали и в 17 коллективных погребениях³, где наряду с мужскими и женскими встречаются детские скелеты. Усопших помещали в захоронения не одновременно, поэтому кости из предшествующих захоронений сдвигали к стенкам могильной ямы, порой вместе с сопровождавшим их инвентарем. Таким образом нельзя уверенно утверждать, что наконечники копий являлись принадлежностью только мужских погребений.

За исключением одного погребения, все захоронения ориентированы на В с отклонениями к СВ. Наконечники копий, как правило, размещали у правого плеча, острием к восточной стенке. По крайней мере, такое положение зафиксировано в 24 погребениях. В некоторых из них, помимо наконечника копья (а иногда и вместо него), были обнаружены втоки. В большинстве случаев (9 из 14 погребений) втоки располагались также справа от скелета, только напротив берцовых костей или стоп. Интересен вток из погр. 622, который был воткнут в дно ямы у правой берцовой кости умершего. В погр. 121 вток лежал у черепа справа. В пяти случаях удалось зафиксировать расположение наконечника и втока на одной оси, что позволило установить длину этих копий — от 1,60 до 2,01 м.

Отклонения от размещения копий справа от погребенного связаны, прежде всего, с тем, что невозможно было поместить рядом с умершим слишком длинное копьё целиком. В таких случаях древко копья ломали, и в могилу клали его половинки. Например, в погр. 140-20 сломанное копьё было положено традиционно справа, но у черепа находились и наконечник, и вток. В погр. 104, напротив, сознательно отошли от этой традиции. Здесь в парном захоронении наконечник копья лежал у правой кисти женского скелета, а вток — у левой берцовой кости мужского. Наконечник был массивным, а расстояние между ним и втоком не превышало 1 м, поэтому копьё определено было сломано и уложено поперек обоих скелетов. Его длина должна была превышать 2,15 м, поскольку яма была именно такой длины.

Расположение копья справа от погребенного настолько стандартно, что встречается практически в каждом погребении с копьями V–III вв. до н. э. как в курганных (Янгулов 2008: 51), так и в грунтовых могильниках Северо-Восточного Причерноморья (Гайдукевич 1959: 159–162, 173, 180, 181; Глебов и др. 2004: 296; Кашаев 2009: 197, 198, 202, 203, 210, 211; Коровина 1987: 14–16; Шкорпил 1904: 99; 1905: 73, 74; 1909: 15). Однако обращает на себя внимание тот факт, что положение копья слева чаще фиксируется в некрополях Европейского Боспора.

Итак, из 64 наконечников копий удалось классифицировать 45 экз. из 33 погребений. Эти наконечники хронологически распределяются следующим образом: 5 экз. приходятся на первую половину V в. до н. э.; 16 экз. — на последнюю четверть V — первую четверть IV в. до н. э.; 17 экз. — на последнюю четверть IV в. до н. э.; 7 экз. датируются концом IV — первой половиной III в. до н. э. (рис. 1). В 19 погребениях наконечники копий найдены в одном экземпляре. В остальных случаях вместе могли находиться от двух до четырех

³ Такие погребения появляются уже в первой половине V в. до н. э., но основная их масса относится к третьему и четвертому периодам.

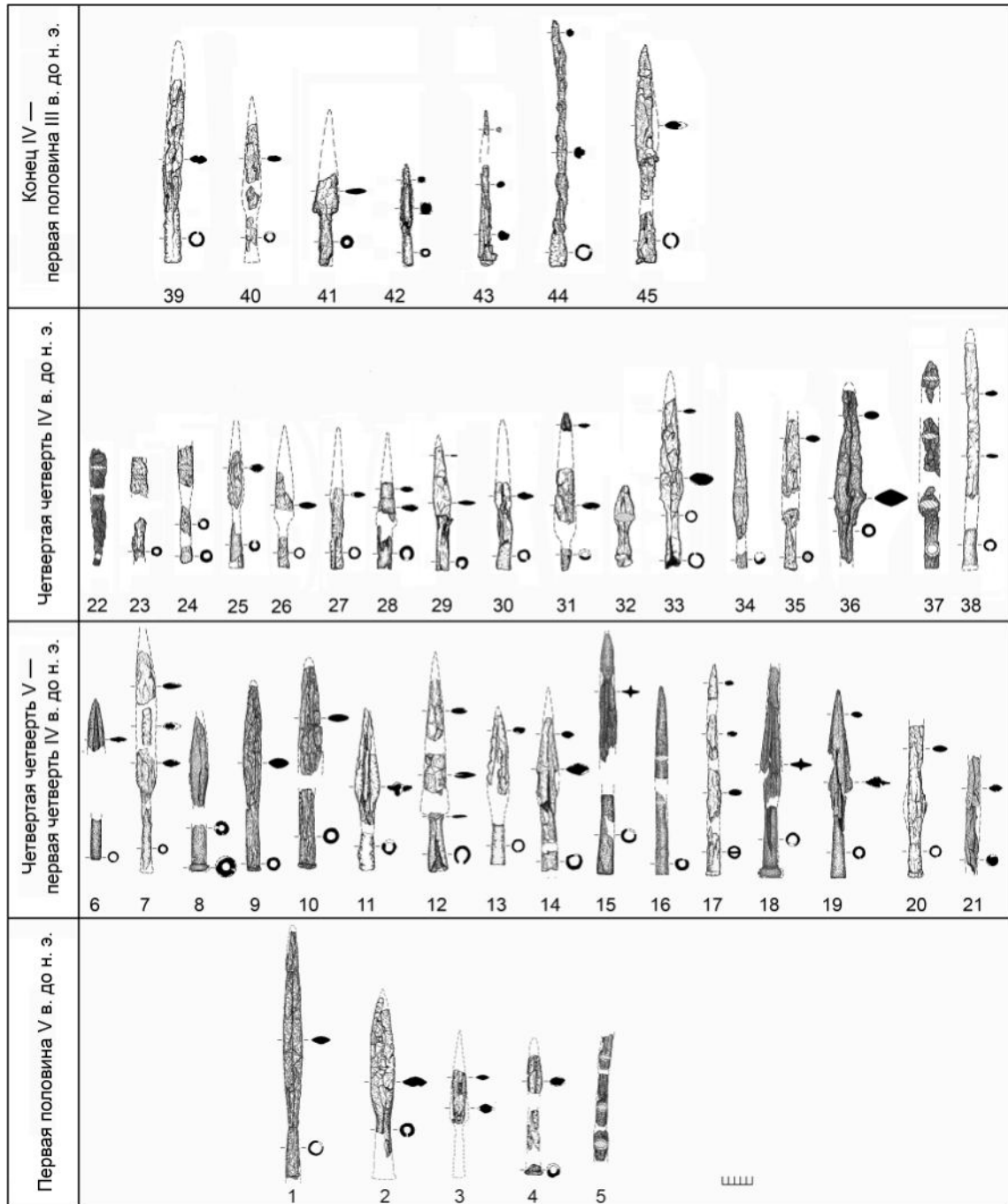

Рис. 1. Могильник Волна-1, наконечники копий. Железо

Fig. 1. Volna-1 cemetery, spear heads. Iron

наконечников. Принято считать, что несколько копий в погребении — это признак легкого пехотинца, пельгаста, вооруженного мечом, легким щитом и двумя копьями, одно из которых могло быть метательным (Нефёдкин 2003: 32; Сокольский 1954: 142). Исходя из такой точки зрения, делаются выводы о влиянии представителей меотского населения, в погребениях которых обычно присутствуют несколько наконечников копий (Лесков и др. 2005; Лимберис, Марченко 2001). Однако из 12 таких погребений могильника Волна-1 только четыре — одиночные, остальные — это коллективные захоронения от двух до семи

человек. Поэтому уверенно утверждать о принадлежности таких погребений легким пешотинцам нельзя. Но вернемся к классификации наконечников копий, которая в будущем может быть дополнена в ходе исследования аналогичных памятников этого региона.

Все наконечники копий из погребений могильника Волна-1 железные, втульчатые. Втулки конические или цилиндрические, сформированные путем сгибания железной пластины. Чтобы втулка не расходилась на древке, на ее нижний конец надевалось кольцо, которое могло быть бронзовым или железным. 41 двухлопастной наконечник объединен в класс I, а четыре четырехгранных — в класс II. Двухлопастные делятся по форме пера на три отдела⁴: I — лавролистные; II — остролистные и III — ланцетовидные. Каждый из отделов делится на типы по поперечному сечению пера: 1 — наконечники с ребром и 2 — без ребра. В отделе II выделен особый тип, у которого нет ребра, но переход от втулки в перо осуществляется не под тупым углом или плавно, как у других наконечников, а под прямым углом. Варианты типов выделяются по размерам пера: 1 — с длинным пером; 2 — с коротким. Размерные характеристики наконечников сведены в отдельную таблицу, однако и в этом случае плохая сохранность большинства экземпляров делает наши измерения приблизительными (табл. 1).

Таблица 1. Основные размеры наконечников копий из погребений грунтового могильника Волна-1, мм

Класс	Отдел	Тип	Вариант	Перо		Втулка	
				Длина	Ширина	Длина сохранившейся части	Диаметр
I	I	1	–	96	40	72	18
		2	1	216–334	33	78–102	18–24
	2		78–204	30–42	36–138	12–30	
	II	1	–	165–240	36–48	66–126	48
		2	1	180–240	30–54	66–90	18–30
			2	75–150	24–36	36–102	18–27
	III	3	–	72	42	84	24
		1	1	222	27	138	27
	II	2	1	156–264	24–36	60–90	16–24
		I	2	–	120	18	54
	III	2	–	204–264	24–30	–	–

Класс I. Копья с двухлопастным пером

Отдел I. Лавролистная форма пера

Тип 1. Перо с ребром. 1 экз. (рис. 1, б)

Наконечник найден в погр. 104. Сохранилась только часть пера и часть втулки. На сохранившейся части пера имеется ребро, которое дополнительно выделено двумя нервюрами, что и помогло определить отдел. Этот тип наконечника является архаичным для конца V в. до н. э., поскольку в скифских памятниках он встречается в VII — конце VI в. до н. э. (Мелюкова 1964: 36).

Тип 2. Перо без ребра

Вариант 1. 4 экз. (рис. 1, 1, 7, 39, 45)

Наконечники найдены в четырех погребениях — погр. 140-29, 554, 665, 634. Они отличаются сильно вытянутым пером и относительно короткой втулкой. Перо имеет наи-

⁴ Названия отделов в данной классификации носят универсальный характер относительно двух выделенных классов наконечников копий.

большую ширину примерно в середине и равномерно сужается к острию и втулке. Сечение линзовидное. В скифском мире копья этого типа найдены в основном в Среднем Приднепровье, например, в кург. 493 в с. Ильинцы (Там же: 38). Копья такой длины считаются поздними, поскольку в скифских памятниках они датируются IV–III вв. до н. э. Однако материалы Волны-1 (погр. 140-29) и Артющенко-2 (Кашаев 2019: 86, рис. 7, 2) показывают, что они встречаются уже в первой половине V в. до н. э. Возможно, своим происхождением этот вариант копья связан с Прикубаньем, так как в меотских погребениях, начиная уже с середины VI в. до н. э., он представлен значительным числом находок (Лесков и др. 2005: рис. 4, 4, 5; 32, 8а; 46, 3; 65, 2; 172, 9).

Вариант 2. 10 экз. Лучше сохранились наконечники копий из погр. 67, 615, 140-2 (рис. 1, 2, 8–10) (первая группа). Они имеют относительно короткое линзовидное в сечении перо при почти сравнимой длине втулки. Остальные шесть наконечников происходят из погр. 391, 426, 425, 556, 526, 140-41 (рис. 1, 3, 4, 22–25) (вторая группа). От этих образцов сохранились только фрагменты, позволяющие тем не менее судить о форме пера, а следовательно, и о типе. Примечательно, что эти наконечники при сохранении основных пропорций все же более миниатюрны, чем относящиеся к первой группе. У них меньше общая длина (даже если реконструировать отсутствующие части), уже перо. По-видимому, это наконечники финала развития этого варианта. По мнению А. И. Мелюковой, такие наконечники открыты в погребениях, главным образом, VII — начала VI в. до н. э., но иногда они встречаются и в IV в. до н. э. (Мелюкова 1964: 38). Возможно, вторая группа наконечников как раз и аналогична этим поздним находкам.

Отдел II. Остролиственная форма пера

Тип 1. Перо с ребром. 3 экз. (рис. 1, 11, 18, 19)

Наконечники найдены в погр. 703, 113, 94. Наибольшую ширину перо имеет почти у самой втулки. Практически от острия вдоль пера проходит ребро, переходящее во втулку. Само перо по длине равно втулке или слегка превышает ее. Погребения с этими наконечниками относятся ко второму и третьему хронологическим периодам, хотя их появление в степной зоне Северного Причерноморья датируется первой половиной V в. до н. э. (Мелюкова 1964: 30), а в меотских погребениях они известны уже с VI в. до н. э. (Лесков и др. 2005: рис. 203, 3а, 3б; 219, 15а).

Тип 2. Перо без ребра

Вариант 1. 5 экз. (рис. 1, 12, 33–36). Эти наконечники найдены в погр. 809, 422, 473, 738, 140-27. Все они датируются последней четвертью IV в. до н. э., за единственным исключением (погр. 738 — V–IV вв. до н. э.). Перо у этих наконечников линзовидное или ромбовидное в сечении. Наибольшая ширина его приходится на нижнюю часть у втулки, которая меньше по длине. Это самый распространенный тип наконечника копья. Кроме степных памятников (Мелюкова 1964: 40–42), они известны в меотских могильниках Прикубанья (Лимберис, Марченко 2001; 2005: 219, 324; Мелюкова 1964: 42) и на Нижнем Дону (Янгулов 2008: 65, рис. 2). Найдены такие наконечники и на некрополе Артющенко-2, где они датируются первой половиной V в. до н. э. (Кашаев 2014: 368, 369, рис. 7, 2).

Вариант 2. 10 экз. (рис. 1, 13, 14, 26–32, 40). Эти наконечники найдены в погр. 703, 473, 773, 809, 632, 634, 738, 756, 576. Кроме двух наконечников из погр. 703 и 738 второго хронологического периода, остальные датируются последней четвертью IV — III в. до н. э. Как можно заметить, этот вариант с предыдущим сближает не только датировка, но и встречаемость в одних и тех же комплексах. Скорее всего, более короткие наконечники относятся к метательным копьям (дротикам). Ярким образцом такого рода оружия является наконечник из погр. 576 (рис. 1, 29).

Тип 3. Перо переходит во втулку почти под прямым углом (рис. 1, 41)

Единственный наконечник этого типа найден в погр. 825, датированном концом IV — первой половиной III в. до н. э. А. И. Мелюкова выделила такие наконечники в особый отдел (Мелюкова 1964: 42), хотя, на наш взгляд, остролистная форма пера не дает для этого оснований. Исследовательница связывала их происхождение с Закавказьем, а аналогии проследила вплоть до погребений IV–III вв. до н. э. Елизаветовского могильника и меотских могильников Прикубанья (Там же: 42). В связи с этим отметим, что в этом же погребении найден очень редкий для Таманского п-ова железный боевой топор. Ранее такие находки были сделаны в двух погребениях: конца VI в. до н. э. из некрополя Тирамбы и первой половины V в. до н. э. из некрополя Гермонассы (Коровина 1987: 15; Паромов 2019: 54; Сорокина 1961: 49, 50). Значительно чаще наконечники этого типа встречаются в погребениях возле г. Анапа, которые некоторые исследователи связывали с синдами (Зуйков 1994). По-видимому, именно Северо-Западный Кавказ послужил источником как появления такого типа наконечника копья на Таманском п-ове, так и самого погребального обряда, с ним связанного.

Отдел III. Ланцетовидная форма пера**Тип 1. Перо с ребром**

Вариант 1. 1 экз. (рис. 1, 15)

Найден в погр. 44. Отличается длинным пером с параллельными лезвиями, сходящимися к острию в последней трети. Вдоль полотна от втулки имеется ребро, которое не доходит до острия.

Тип 2. Перо без ребра

Вариант 1. 6 экз. (рис. 1, 5, 16, 17, 20, 37, 38)

Такие наконечники найдены в погр. 140-24, 140-4, 703, 628, 140-11, 632. Представлены в первых трех хронологических периодах. Аналогии наконечникам этого отдела проследить непросто. Для степных памятников они нехарактерны. Немногочисленные такие наконечники известны в меотских погребениях (Лесков и др. 2005: рис. 49, 2а) и некрополе Артющенко-2 (Кашаев 2009: 262, рис. 37; 2020: 125, рис. 4, 10). Для меотских памятников в целом характерно большое разнообразие наконечников копий, в том числе и ланцетовидных. Вероятно, источником появления наконечников этого отдела на Таманском п-ове стало все же Прикубанье.

Класс II. Копья с четырехгранным пером**Отдел I. Лавролистная форма пера**

Тип 2. Перо без ребра. 2 экз. (рис. 1, 42, 44)

Наконечники найдены в погр. 634, 825. Имеют стандартную форму пера, только сечение не линзовидное, а в виде неправильного квадрата. Небольшие размеры наконечника из погр. 825 (рис. 1, 42) указывают на его возможное использование как части метательного оружия.

Отдел III. Ланцетовидная форма пера

Тип 2. Перо без ребра. 2 экз. (рис. 1, 21, 43)

Наконечники найдены в погр. 665 и 132. Судить о форме насада у этих наконечников сложно, но так как для этого региона в это время черешковые копья неизвестны, можно с уверенностью предполагать, что они были втульчатými. А. И. Мелюковой был известен только один такой наконечник, и она считала четырехгранное сечение пера греческим по происхождению, ссылаясь при этом только на изобразительные источники (Мелюкова 1964: 42). Возможно, таковым является наконечник копья из погр. 13 некрополя Артющенко-2 (Кашаев 2009: 262, рис. 21).

* * *

Как упоминалось выше, в 14 погребениях вместе с наконечниками копий найдено 15 втоков. Принято считать, что втоки предохраняли нижнюю часть древка копья от расщепления и придавали копью лучший баланс (Ворошилов 2004: 207; Соколов 2009: 70).

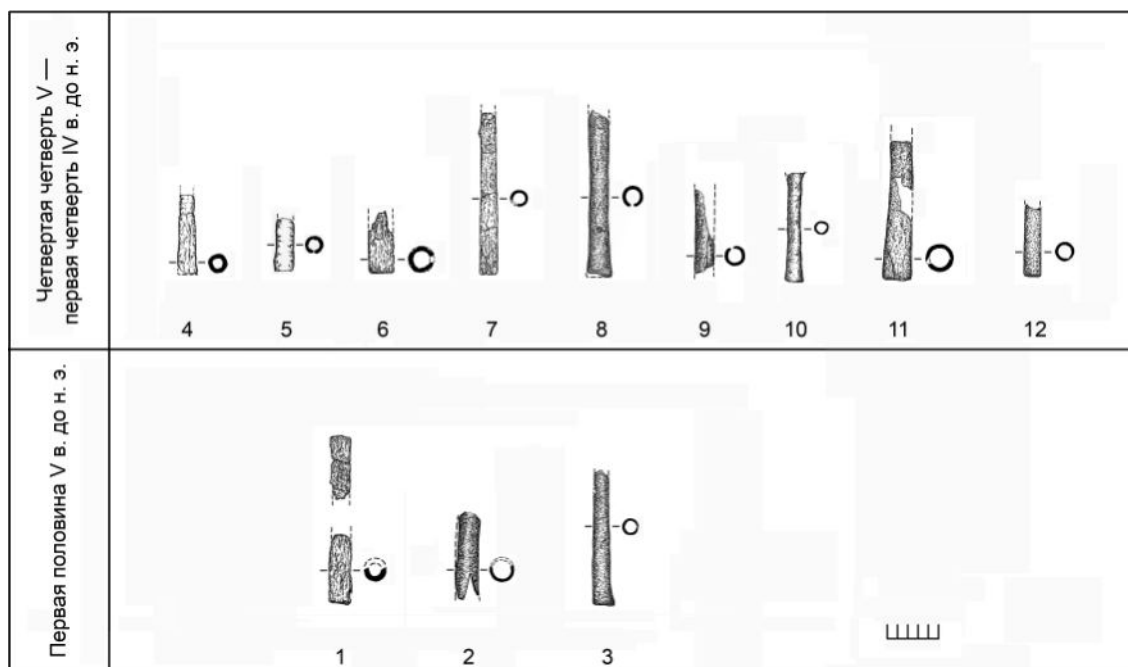

Рис. 2. Могильник Волна-1, втоки копий. Железо

Fig. 2. Volna-1 cemetery, spear counter-weights. Iron

Только 12 втоков имели удовлетворительную сохранность, что позволило выделить среди них два типа.

Тип 1. Втоки цилиндрической формы. 6 экз. (рис. 2, 1, 2, 5–7, 12)

Найдены в погр. 140-40, 140-24, 703, 121, 140-34, 104. Представляют собой цилиндрическую трубку, свернутую из железной пластины. Наиболее сохранившиеся экземпляры имеют вертикальный незамкнутый шов.

Тип 2. Втоки рюмкообразной формы. 6 экз. (рис. 2, 3, 4, 8–11).

Найдены в погр. 140-29, 622, 113, 140-4, 527, 44. Этот тип имеет тот же способ изготовления, что и предыдущий, выделяясь оформлением нижнего края в виде расширения, напоминающего ножку рюмки. Строго говоря, форма этого типа несколько отличается от «классических» образцов (Мелюкова 1964: табл. 13, 12, 13; Ворошилов 2004: рис. 3, 17–26) меньшей выраженностью «ножки», что, возможно, указывает на подражание степным образцам. Верхний диаметр всех втоков меньше диаметра концов втулок наконечников копий (табл. 1, 2), а это означает, что древко копья сужалось книзу.

Втоки копий довольно часто находят в воинских погребениях ареала скифоидных культур. Интересно отметить географическую привязку типов втоков. В частности, цилиндрическая форма характерна для памятников Нижнего и Среднего Поднепровья (Мелюкова 1964: 45; Ворошилов 2004: 207–209), а также Нижнего Поволжья (Соколов 2009: 70), а рюмкообразная — для курганов Среднего Дона.

Подводя итог обзору наконечников копий из могильника Волна-1, отметим их большое типологическое разнообразие. Нет ни одного типа или варианта, который мы могли бы назвать господствующим (рис. 1). Наиболее многочисленными являются наконечники отделов I и II класса I, они представлены практически равным количеством (15 и 19 экз. соответственно). Кроме того, наблюдается общая для Северного Причерноморья тенденция смены наконечников лавролистной формы остролистными, на что исследователями уже обращалось внимание (Ворошилов 2004: 207; Мелюкова 1964: 42). При этом в погребениях

Таблица 2. Основные размеры втоков копий из погребений грунтового могильника Волна-1, мм

Тип по форме	Длина	Диаметр	
		Верхний	Нижний
1 (цилиндрическая)	124,0	19,0	22,0
	86,0	21,0	24,0
	52,0	16,5	18,0
	61,0	24,0	25,0
	158,0	14,0	18,0
	83,0	20,0	20,0
	71,0	17,0	18,0
2 (рюмкообразная)	132,0	14,0	21,5
	77,0	14,0	19,0
	164,0	20,0	25,0
	107,0	16,5	18,0
	136,0	21,0	28,0

первой половины V в. до н. э. представлены наконечники почти исключительно I отдела. Встречаются они и позднее, но в значительно меньшем количестве. Наконечники отдела II появляются в последней четверти V в. до н. э., господствуют практически весь IV в. до н. э. и продолжают существовать в первой половине III в. до н. э. Наконечники отдела III появляются в первой половине V в. до н. э., но не выходят за пределы последней четверти IV в. до н. э.

Определенной тенденцией в использовании такого вида вооружения, как копья, является изменение соотношения длинных и коротких наконечников. Для погребений первой половины V в. до н. э. оно составляет 3 : 2; для последней четверти V — первой четверти IV в. до н. э. — 11 : 5; в последней четверти IV в. до н. э. — уже 4 : 13; а в конце IV — первой половине III в. до н. э. — 4 : 3. Если вплоть до первой четверти IV в. до н. э. преобладают копья с длинными наконечниками, то с конца того же столетия — уже с короткими. Эволюция размеров наконечников копий в сторону их уменьшения свидетельствует о смене техники боя, когда вместо таранного удара тяжелым копьем-пикой стали использоваться легкие копья, более пригодные для метания или нанесения удара рукой сверху вниз, как это показано на знаменитом гребне из кургана Солоха. Существование обоих способов ведения боя известно в Северном Причерноморье и подтверждается археологически (Ворошилов 2004: 209–212; Мелюкова 1964: 43; Копылов, Янгулов 2018: 62–66; Соколов 2009: 69).

Смена техники боя, а значит и тактики, могла быть обусловлена изменением этнокультурной ситуации в регионе. Выше уже отмечалось, что для могильника Волна-1 характерно типовое разнообразие наконечников копий, при котором нельзя выделить два похожих экземпляра. А ведь этот вид вооружения относительно прост в производстве, и его «серийное» изготовление не могло вызвать затруднений. В настоящее время какие-либо данные о центрах кузнечного производства в районе могильника Волна-1 отсутствуют. Это обстоятельство, а также упомянутые ранее аналогии в виде наконечников копий, найденных на территории северопричерноморских степей, Северо-Западного Кавказа и Прикубанья, позволяют поставить вопрос о характере и степени влияния этих регионов на этнический состав, социальную структуру и военное дело населения Таманского п-ова в античную эпоху. Однако это уже тема отдельного исследования.

Литература

- Ворошилов 2004 — *Ворошилов А. Н.* Копья населения среднедонской культуры скифского времени // Синюк А. Т. (отв. ред.). Археологические памятники бассейна Дона: Межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж: Изд-во Воронежского ГПУ, 2004. С. 202–213.
- Гайдукевич 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (По материалам раскопок 1930-х годов) // Гайдукевич В. Ф. (ред.). Некрополи Боспорских городов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 154–238 (МИА. № 69).
- Глебов и др. 2004 — *Глебов В. П., Ильяхенко С. М., Толочко И. В.* Оружие из некрополя Танаиса эллинистического времени // Зуев В. Ю. (отв. ред.). Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: ММНК. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. Ч. 1. С. 292–307.
- Зуйков 1994 — *Зуйков Ю. В.* Раскопки некрополя на территории опытного хозяйства «Анапа» // БС. 1994. № 4. С. 164–168.
- Кашаев 2009 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2 (общая характеристика, результаты раскопок 2003–2005 гг., погребения № 1–23) // Зинько В. Н. (отв. ред.). Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Симферополь; Керчь: Крымское отд. ИВ НАН Украины; ЦАИ БФ «Деметра», 2009. С. 188–267 (БИ. Вып. 22).
- Кашаев 2014 — *Кашаев С. В.* Анализ некоторых групп инвентаря из некрополя Артющенко-2 // БИ. 2014. Вып. 30. С. 363–381.
- Кашаев 2019 — *Кашаев С. В.* Исследования некрополя Артющенко-2 в 2015–2016 гг. // ХС. 2019. Вып. 20. С. 71–92.
- Кашаев 2020 — *Кашаев С. В.* Некрополь Артющенко-2. Результаты работ 2003–2019 гг. // Зинько В. Н. (отв. ред.). Степи Евразии и история Боспора Киммерийского. Керчь: НИЦ ИА Крымского фед. ун-та; ЦАИ БФ «Деметра», 2020. С. 112–132 (БИ. Вып. 41).
- Коровина 1987 — *Коровина А. К.* Раскопки некрополя Тирамбы (1966–1970) // СГМИИ. 1987. Вып. 8. С. 3–70.
- Копылов, Янгулов 2018 — *Копылов В. П., Янгулов С. Ю.* Тяжеловооруженная конница в войске восточной Скифии // РА. 2018. № 1. С. 61–68.
- Лесков и др. 2005 — *Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2005. 192 с.
- Лимберис, Марченко 2001 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1. С. 32–124.
- Лимберис, Марченко 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5. С. 219–324.
- Мелюкова 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. 1964. 113 с. (САИ. Вып. Д 1-4).
- Нефёдкин 2003 — *Нефёдкин А. К.* Пельтаст или гоплит? (к вопросу о влиянии в области вооружения) // Копылов В. П. (отв. ред.). Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Резюме докл. XI МНК (31 мая — 5 июня 2003 г.). Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ГПУ, 2003. С. 32–33.
- Паромов 2019 — *Паромов Я. М.* Обряд парных погребений на Таманском полуострове и отражение его идеала в могилах Артюховского кургана // БИ. 2019. Вып. 38. С. 39–92.
- Соколов 2009 — *Соколов П. М.* Наконечники копий Нижнего Поволжья скифского времени // РА. 2009. № 3. С. 68–71.
- Сокольский 1954 — *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи // Кобылина М. И. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. С. 123–197 (МИА. № 33).
- Сорокина 1961 — *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Гермонассы в 1956–1957 годах // КСИА. 1961. Вып. 83. С. 46–52.
- Шкорпил 1904 — *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г. // Известия ИАК. 1904. Вып. 9. С. 73–177.

- Шкорпил 1905 — Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1–76.
- Шкорпил 1909 — Шкорпил В. В. Отчет об раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // Известия ИАК. 1909. Вып. 30. С. 1–50.
- Янгулов 2008 — Янгулов С. Ю. Вооружение и военное дело скифов Нижнего Дона (по материалам Елизаветовского могильника): Дис. ... канд. ист. наук // Российская государственная библиотека. ОД 61 09-7/188.

SPEAR HEADS AND COUNTER-WEIGHS FROM THE FLAT BURIAL GROUND OF VOLNA-1

I. A. GARAEV

Keywords: *Taman peninsula, Volna-1 cemetery, flat graves, spear heads and counter-weights, classification.*

The paper publishes a series of iron spear heads and counter-weights of the V–III cc. BC from the flat burial ground of Volna-1 (Taman peninsula). Their classification is provided (fig. 1, 2). The identification of types and variants within individual chronological periods allowed to trace both the evolution of this kind of weaponry and possible territorial connections. The analysis of the spear head and counter-weight dimensions (table 1, 2) and their positions in the graves gives an idea of the lengths and functions of the spears. Typical of the early chronological stage are long and heavy thrusting spears, while the later stage is characterized by light projectile javelins, which testifies to changes in fighting methods and tactics. The absence of identical spear heads in at least a pair of burials, as well as the absence of signs of their local production, suggest that they were either importer or came to the territory of Asian Bosphorus with foreign ethnic elements, or both. The publication of finds from the burials of a completely studied cemetery gains a special significance, since the materials shedding light on the military history of Cimmerian Bosphorus still are scarce and of poor preservation.

АШЕЛЬСКОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ МЫС КАМЕННЫЙ НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ²

Ключевые слова: нижний палеолит, ашель, первая половина среднего плейстоцена, Таманский полуостров, местонахождение Мыс Каменный.

Наши знания о нижнем палеолите Кавказского региона в настоящее время основываются на результатах изучения местонахождений, датированных ранним плейстоценом и второй половиной среднего плейстоцена. При этом сведения о нижнепалеолитических местонахождениях первой половины среднего плейстоцена в этом регионе практически отсутствуют. В статье приводятся данные о новом открытом на Азовском побережье Таманского полуострова нижнепалеолитическом местонахождении Мыс Каменный, датированном предположительно первой половиной среднего плейстоцена, временем позднечаудинской трансгрессии Понта (Черного моря), MIS 15-13, интервалом $\approx 610-490$ тыс. л. н. Небольшой, но достаточно информативный каменный инвентарь местонахождения, включающий рубила, пики, ножи с обушком и другие хорошо выраженные орудия, относится к ашелю. При этом прослеживается преемственность технологических традиций этого местонахождения и раннеплейстоценовых раннеашельских каменных индустрий Таманского полуострова.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-102-118

Введение

Западное Предкавказье является самой северной частью Кавказского региона. Однако, как и весь этот регион, оно было заселено древнейшими людьми уже в раннем плейстоцене около 2 млн л. н. Об этом свидетельствуют многочисленные нижнепалеолитические стоянки этого времени, расположенные в Южном Приазовье. Они надежно датированы по палеомагнитным и биостратиграфическим данным и относятся к двум интервалам: $\approx 2,1-2,0$ млн л. н. (стоянка Кермек) и $\approx 1,4-1,0$ млн л. н. (стоянки Родники 1-4, Богатыри/Синяя Балка и Пересыпь) (Тесаков и др. 2019; Щелинский 2014; 2019; 2021б; 2022; Shchelinisky 2019). Наличие этих стоянок ясно показывает, что первобытные люди, впервые заселившие Западное Предкавказье в начале раннего плейстоцена, практически в одно время с первым выходом людей за пределы Африки и появлением их на территории Евразии,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшие обитатели Севера Евразии: расселение человека в каменном веке, технологии производства» (FMZ-2022-0012).

² Экспериментально-трассологическая лаборатория, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Щелинский В. Е., 2023.

продолжали жить на этой территории до конца этого периода. Этому способствовали сохранявшиеся здесь на протяжении всего раннего плейстоцена благоприятные для жизни людей природные и экологические условия — теплый, без резких сезонных изменений климат, изобилие мясных пищевых ресурсов в виде разнообразных наземных и морских животных, доступное и качественное каменное сырье для изготовления орудий труда. Важное адаптивное значение имели также владение древнейшими обитателями Западного Предкавказья ашельской технологией изготовления орудий труда и сырьевые возможности для реализации и совершенствования этой технологии.

В последующее время среднего плейстоцена (интервал 780–130 тыс. л. н.) Западное Предкавказье также было заселено первобытными людьми. Однако не вполне ясно, каким был нижний палеолит в указанное время на этой территории, поскольку здесь пока не известны среднеплейстоценовые стоянки с сохранившимся культурным слоем. Обнаружены лишь единичные разрозненные изделия нижнепалеолитического облика, в том числе ашельское рубило. Они найдены на поверхности, но в условиях, свидетельствующих об их среднеплейстоценовом возрасте (Щелинский, Гайдаленок 2022).

Для получения новых данных о среднеплейстоценовом палеолите на рассматриваемой территории необходимы целенаправленные поиски археологических местонахождений этого времени. При этом важно учитывать геологический аспект — распространение и степень обнаженности отложений, могущих содержать культурные остатки нижнего палеолита.

В этом отношении перспективным для археологических работ является Азовское побережье Таманского полуострова, где наблюдается довольно полная последовательность разновременных плейстоценовых морских и субаэральных отложений. Неслучайно, что именно здесь в начале 2000-х гг. нами были открыты нижнепалеолитические стоянки первобытных людей — одни из древнейших на территории России (Щелинский 2014; 2021б).

В этом же районе в результате разведок в 2021 г. было выявлено и впоследствии предварительно изучено новое нижнепалеолитическое местонахождение предположительно среднеплейстоценового возраста, получившее название «местонахождение Мыс Каменный» (Щелинский 2021а). В статье приводятся и анализируются сведения о нем, имеющиеся на сегодняшний день.

Геологический контекст и возраст местонахождения

Азовское побережье Таманского полуострова имеет протяженность около 50 км и в основном представляет собой сильно абрадированный берег с активными оползнями. Разведки проводились на его западном, наиболее приподнятом участке длиной около 12 км между мысом Ахиллеон, примыкающим к Керченскому проливу, и мысом Пекла, расположенным к востоку от него (рис. 1). В тектоническом отношении этот участок берега Азовского моря является срезанным абразией краем брахиантиклинальной гряды мыса Каменного, протянувшейся с СЗ на ЮВ (Благоволин 1962).

Этот участок Азовского побережья давно исследуется геологами, так как здесь имеются хорошие разрезы чаудинских (бакинских) морских отложений среднего плейстоцена с перекрывающей их многометровой толщей суглинков с серией палеопочв (Губкин 1914; 1933; Губкин, Варенцов 1934; Варенцов 1933; Эберзин 1935; Архангельский, Страхов 1938; Федоров 1963; 1978; Лебедева 1972; Попов 1983).

Чаудинские отложения на рассматриваемом участке вместе с покровными отложениями образуют эрозионно-аккумулятивную террасу, высота которой плавно снижается в направлении с СЗ на ЮВ (от мыса Ахиллеон к мысу Пекла) от 80–85 до 30–35 м. Цоколем ее являются сильно дислоцированные миоценовые темно-серые глины, кое-где с прослоями известняков, мергелей и песчаников. Полнота последовательности отложений террасы

Рис. 1. Расположение мыса Каменный с одноименным нижнепалеолитическим местонахождением на Таманском полуострове

Fig. 1. Situation of Kamennyi promontory with the Lower Paleolithic site of the same name of the Taman peninsula

pseudoachatinoidea Pavl., *Viviparus* aff. *turgidus*, *Unio* aff. *maslakovetzi* Bog., *Margaritifera* cf. *moldavica* Tsher., *Fagotia esperi* Sabba, *Bithynia* cf. *vicotinovici* Brus. В линзах брекчированных конгломератов и в песках встречены костные остатки млекопитающих. Это преимущественно фрагменты конечностей и рогов благородных оленей, среди которых имеется *Cervus* cf. *acoronatus* (определение Г. Д. Кальке). В самых верхах песков (разрез мыса Ахиллеон) найдены также кость передней конечности косули (определение Л. И. Алексеевой), а выше, в брекчированном конгломерате, — часть бивня слона, возможно, *Archidiscodon wüsti* Pavl. (мнение В. И. Громова) или *A. meridionalis* (мнение В. Е. Гарутта).

2. Глины, постепенно замещающие нижележащие пески, тонкослоистые, лиманного типа, палевого, светло-коричневого и серого оттенков, с тонкими пропластками песков — 1–2 м.

Выше глин следует континентальный покров с палеопочвами.

3. Суглинки с обильными карбонатными стяжениями — 1 м.

4. Суглинки бурые, комковатые, с крупными известковистыми конкрециями (погребенная почва) — 1,5 м.

5. Суглинки светло-серые, лессовидные — 6–8 м.

6. Суглинки красновато-бурые, комковатые, с обильными комковатыми стяжениями (сдвоенная погребенная почва) — 2 м.

7. Суглинки лессовидные с двумя-тремя почвенными прослоями — 4–5 м.

8. Современная почва — 1,0–1,5 м.

В настоящее время твердо установлено, что чаудинская трансгрессия имела две фазы развития, разделенные стратиграфическим перерывом. По мнению Федорова, описанные им морские отложения террасы едины и по наличию в них таких руководящих форм моллюсков, как *Didacna baericrassa* Pavl., *D. parvula* Nal., *Viviparus*

увеличивается в юго-восточном направлении за счет покровных отложений. Соответственно, уменьшается в этом направлении высота цоколя террасы. Максимальная высота его (около 80 м) наблюдается на участке между мысами Ахиллеон и Каменный. Отложения этой террасы в обобщенном виде были описаны П. В. Федоровым (1978: 39–41). По его данным, на абрадированной поверхности цоколя трансгрессивно залегают (снизу вверх) (приводится с сокращением) следующие слои.

1. Пески кварцевые, светло-желтые, косослоистые и мелковолнисто-слоистые, с прослоями и линзами галечников и брекчированных конгломератов — 3–6 м.

В песках содержится фауна моллюсков (разрезы мыса Ахиллеон и участка между мысами Каменный и Пекла): *Didacna parvula* Nal., *D. Baericrassa* Pavl., *D. catillus* Eichw., *D. pseudocrassa* Pavl., *D. rudis* var. *catillus-rudis* Nal., *Dreissena caspia* Eichw., *Dreissena polymorpha* Pall. Здесь же присутствуют раковины пресноводных моллюсков (определение А. Л. Чепалыги): *Viviparus*

pseudoachatinoidea Pavl., *Fagotia esperi* Sabba, относятся к ранней фазе чаудинской трансгрессии (Федоров 1978: 154, табл. 4). Однако это было, вероятно, ошибочное заключение.

Эти же чаудинские отложения позже исследовал Г. И. Попов. Им был описан разрез, расположенный в 500–600 м к В от мыса Ахиллеон в том месте, где чаудинская терраса имеет максимальную высоту. Здесь практически отсутствуют покровные отложения, и морские чаудинские отложения залегают совсем близко от современной поверхности. В разрезе сверху вниз наблюдались (Попов 1983: 95):

- 1) суглинки бурые, бесструктурные — мощность до 1,5 м;
- 2) супеси коричневато-бурые, неслоистые — 1,5–2,0 м;
- 3) пески светло-серые, зеленоватого- и буровато-серые, вверху глинистые, ниже мелко- и среднезернистые, диагонально-слоистые, с гравием и мелкой галькой, внизу с прослоем сцементированного ракушечника — 4,0 м.

Пески (слой 3) содержат раковины *Didacna rudis euxinica* Ppv., *D. parvula* Nal., *D. catillus* Eichw., *D. baericrassa* Pavl., *Monodacna* sp., *Adacna* sp., *Dreissena polymorpha* Pall., *Viviparus diluvianus* Kunth., *V. sinzovi* Pavl., *V. kagarliticus* Lung., *V. tortus* Ppv., *V. tiraspolitanus conoidangustus* Pavl., *Unio* sp. и других пресноводных моллюсков. Присутствие бакинской формы *Didacna rudis*, по мнению Попова, сближает эти отложения с верхнебакинскими осадками Манычского пролива и Каспийского бассейна, и он уверенно относит их к поздней фазе чаудинской трансгрессии, во время которой через долину Маныча существовала связь между позднебакинским и позднечаудинским бассейнами (Там же: 96, 127). Позднечаудинский возраст рассматриваемых отложений и наличие Манычского пролива, соединявшего бакинский и позднечаудинский бассейны, подтверждается и другими исследователями (Свиточ, Соболев 2011; Янина 2011; 2012; 2018).

Возраст и хроностратиграфическое положение позднечаудинских отложений в настоящее время достаточно хорошо известны. Эти отложения соответствуют максимуму чаудинской трансгрессии, совпадавшему по времени с продолжительным межледниковьем первой половины среднего плейстоцена (мучкапским), и большинством исследователей коррелируются с MIS 15-13 (≈ 610 –490 тыс. л. н., по: Railsback et al. 2015) (Болиховская, Молодьков 2000; Янина 2011; 2012; 2018; Krijgsman et al. 2019).

Покровные отложения на чаудинской террасе в пределах рассматриваемого района Азовского побережья представлены неравномерно. Как отмечалось, в его западной высокой части (между мысами Ахиллеон и Каменный) они практически отсутствуют. Наиболее полная их последовательность с серией палеопочв имеется на пониженном восточном участке террасы у мыса Пекла.

В этом месте покровные отложения террасы, согласно последним исследованиям (Timireva et al. 2022), залегают на песках аллювиально-морского происхождения и имеют мощность около 11 м. Они представлены в основном лессовидными отложениями или суглинками с признаками активного почвообразования и состоят из двух частей, разделенных слоем песка, вероятно, морского происхождения (пляжевая фация). Нижняя часть покровной толщи включает в себя две палеопочвы. Самая нижняя из них (палеопочва 5) красно-коричневого цвета. Несколько выше располагается темно-желтая палеопочва 4, на которой с размывом залегают толстый слой темно-желтого песка. В верхней части покровной толщи (выше слоя песка) выделяются три палеопочвы: самая нижняя (палеопочва 3) — светло-коричневая, средняя (палеопочва 2) — серо-коричневая, верхняя (палеопочва 1) — коричневая с красноватым оттенком. Верхнюю палеопочву перекрывают лесс и лессовидные суглинки с современным почвообразованием. Для некоторых подразделений этой толщи получены OSL даты. Так, слой прибрежного песка, разделяющий ее верхнюю и нижнюю части, имеет дату 279 ± 35 тыс. л. н. и сопоставляется с начальной фазой узунларской трансгрессии Черного моря. Для палеопочвы 4, залегающей под слоем песка,

приводится дата >285 тыс. л. н., и предполагается, что две нижние палеопочвы (4 и 5) сформировались в интервале ≈300–600 тыс. л. н. (Там же: 4–7).

Местонахождение Мыс Каменный располагается у восточного края одноименного мыса, в 800 м к СВ от пос. Приазовский и в 6 км к В от Керченского пролива (рис. 1; 2, 1).

Высокий берег моря на участке местонахождения (около 85 м), образованный отложениями чаудинской террасы и дислоцированными миоценовыми глинами, формирующими ее цоколь, сильно разрушается морской абразией, и его склон покрыт многочисленными оползнями. Местами оползни сошли на пляж и размываются морским прибоем. Местонахождение связано с одним из таких оползней, содержащим смешанные отложения террасы и ее цоколя.

Нижнепалеолитические каменные изделия были собраны на узкой полоске морского пляжа шириной от 1 до 3 м и длиной до 50 м у края размываемого морем оползня (рис. 2, 3). Обращает на себя внимание компактное распространение находок на небольшой площади. При этом надо отметить, что в других местах на морском пляже, обследованном на нескольких километрах, находки каменных изделий отсутствовали.

Не вызывает сомнений, что археологический материал местонахождения происходит из разрушенных отложений чаудинской террасы. Однако из каких конкретно слоев — достоверно не известно. Вместе с тем, как мне кажется, вполне допустимо предположение, что первоначально культурные остатки залежали в субаквальных, пляжевых отложениях чаудинской террасы. На это указывают геологические данные. Осмотр террасы на участке местонахождения показал, что покровные суглинки с палеопочвами, имеющиеся в других местах распространения чаудинской террасы, здесь практически отсутствуют, но хорошо выражены именно прибрежные морские отложения (рис. 2, 2), представленные плотными сцементированными галечниками с прослоями гравия и песка, содержащими раковины чаудинских моллюсков. Важным признаком того, что каменные изделия местонахождения происходят из субаквальных отложений чаудинской террасы, являются упоминавшиеся выше находки в них костей крупных млекопитающих тираспольского фаунистического комплекса (Федоров 1978). Таким образом, если верно это предположение, нижнепалеолитические каменные изделия местонахождения Мыс Каменный можно датировать первой половиной среднего плейстоцена, интервалом MIS 15-13, ≈610–490 тыс. л. н. (временные рамки этих стадий по: Railsback et al. 2015). Это был период продолжительного теплого и влажного климата (мучкапское межледниковье), предшествующий окскому оледенению, с преобладанием по берегам позднечаудинского бассейна лесостепных ландшафтов (Янина 2012). При этом Предкавказье было отделено от Русской равнины субширотным Манычским проливом, соединяющим позднечаудинский бассейн (нынешние Азовское и Черное моря) с позднебакинским бассейном (нынешнее Каспийское море), протяженностью около 500 км и шириной в среднем около 20 км (Свиточ, Соболев 2011). Этот пролив долгое время был естественной преградой для заселения первобытными людьми Русской равнины со стороны Кавказского региона.

Археологический материал местонахождения: технология изготовления, технико-морфологические категории и типы каменных орудий

На местонахождении найдены 26 нижнепалеолитических каменных изделий (рис. 3–7) и одна кость (хвостовой позвонок слона, по определению В. В. Титова).

Сырье и сохранность изделий

Изделия изготовлены из качественного прочного кремнистого мергеля, похожего на кремль, зеленовато-серого цвета. Это местная горная порода. Пласты этого мергеля можно и сейчас видеть рядом с местонахождением в плотных слоистых глинах

Рис. 2. 1 — расположение нижнепалеолитического местонахождения Мыс Каменный; 2 — позднечаудинская терраса у нижнепалеолитического местонахождения Мыс Каменный (стрелкой показаны морские отложения террасы, залегающие на высоком цоколе); 3 — нижнепалеолитическое местонахождение Мыс Каменный (стрелкой показан участок пляжа вблизи размываемого берегового оползня с основной концентрацией находок каменных изделий)

Fig. 2: 1 — location of the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny; 2 — Late Chaudian terrace near the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny (arrow shows sea deposits of the terrace resting on a high socle); 3 — Lower Paleolithic site of Mys Kamenny (arrow shows the area of the beach near a coastal landslide with the main concentration of stone artifacts)

чокракского яруса среднего миоцена (Благоволин 1962), образующих цоколь охарактеризованной выше чаудинской террасы.

Все изделия в той или иной степени окатаны, поскольку найдены на пляже, и покрыты коричневой или серо-коричневой патиной. Некоторые из них имеют свежие повреждения.

Состав изделий

Коллекция изделий включает четыре отщепов без дополнительной обработки и 22 орудия.

Отщепы крупные (размерами от 5,3 до 12,0 см) (рис. 3, 1–3), огранка их однонаправленная продольная и разнонаправленная, ударная площадка — корковая и гладкая. Обращает на себя внимание наличие двух больших отщепов (>10 см) (рис. 3, 3). Такие же большие специальные отщепы, несомненно, изготовленные намеренно, были использованы в качестве заготовок для изготовления нескольких орудий — рубила-бифаса (рис. 4, 1), кливеровидного орудия (рис. 3, 5), чоппера (рис. 3, 4) и нуклевидного скребла.

Среди орудий выделяются восемь технико-морфологических категорий: рубила — 2 экз.; пики — 5 экз.; кливеровидное орудие — 1 экз.; ножи с обушком — 3 экз.; чоппинги — 2 экз.; чопперы — 4 экз.; нуклевидные скребла — 2 экз.; массивные скребки — 3 экз.

Рубила представлены орудиями двух модификаций — рубило-бифас и рубило-унифас.

Рубило-бифас размерами 19,4 × 13,2 × 6,3 см (рис. 4, 1) правильной овально-миндалевидной формы, симметричное, с невыраженной пяткой, лезвие протягивается по всему периметру, с двояковыпуклым поперечным сечением, грубо оформленное, изготовлено из большого отщепов кремнистого мергеля оббивкой с обеих сторон. На верхней стороне орудия выражено продольное ребро, нижняя сторона слегка уплощена крупным поперечным сколом. Дистальный конец заостренный, толстый, оформлен сколами, в том числе продольными, снятыми от острия, боковые края и проксимальная часть угловато-выпуклые, груболезвийные.

Рубило-унифас размерами 10,4 × 11,8 × 4,6 см (рис. 4, 2) подтреугольной (сердцевидной) формы, симметричное, с выраженной пяткой и сильно выпуклыми лезвийными боковыми краями, что придает орудию несколько укороченные пропорции, поперечное сечение плоско-выпуклое, тщательно оформленное, изготовлено из обломка сырья интенсивной оббивкой крупными и мелкими сколами с одной стороны. Дистальный конец орудия в виде широкого острия, пятка уже максимальной ширины орудия, прямая и образована вертикальной плоскостью раскалывания на исходной заготовке.

Пики также различаются как по технике изготовления, так и по некоторым определяющим морфологическим признакам. Выделяются пики с частичной двусторонней обработкой (4 экз.) и пик с односторонней обработкой (1 экз.).

Пик с частичной двусторонней обработкой размерами 13,6 × 7,2 × 4,7 см (рис. 4, 3) удлиненной подтреугольной формы, довольно симметричный, с узким закругленным на кромке рабочим концом, выраженной широкой пяткой и лезвийными боковыми краями, поперечное сечение плоско-выпуклое, тщательно оформленный, изготовлен из плитчатой отдельности исходного сырья интенсивной частично двусторонней оббивкой крупными и мелкими сколами. Преимущественно оббита верхняя выпуклая сторона. Нижняя сторона обработана широкими плоскими снятиями по одному краю. Боковые лезвия орудия, сходящиеся к рабочему концу, оформлены сколами без ретуши, одно из них выпуклое, другое — почти прямое. Пятка оббита отвесными сколами и слегка вогнутая.

Пик с частичной двусторонней обработкой размерами 12,7 × 7,3 × 5,2 см (рис. 4, 4) удлиненной миндалевидной формы, симметричный, с узким заостренным рабочим концом, толстой пяткой и без боковых лезвий, поперечное сечение подтреугольное, тщательно оформленный, изготовлен из намеренно полученного обломка сырья интенсивной, частично двусторонней оббивкой крупными и мелкими сколами. Сплошь оббита нижняя сторона. Верхняя сторона обработана только у пятки, посередине этой стороны выражено

Рис. 3. Каменные изделия ашельского местонахождения Мыс Каменный: 1, 2 — отщепы; 3 — большой отщеп; 4 — чоппер из большого отщепа; 5 — кливеровидное орудие; 6, 7 — массивные скребла

Fig. 3. Stone artifacts from the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny: 1, 2 — flakes; 3 — large flake; 4 — chopper made on a large flake; 5 — cleaver-like tool; 6, 7 — massive stdescrapers

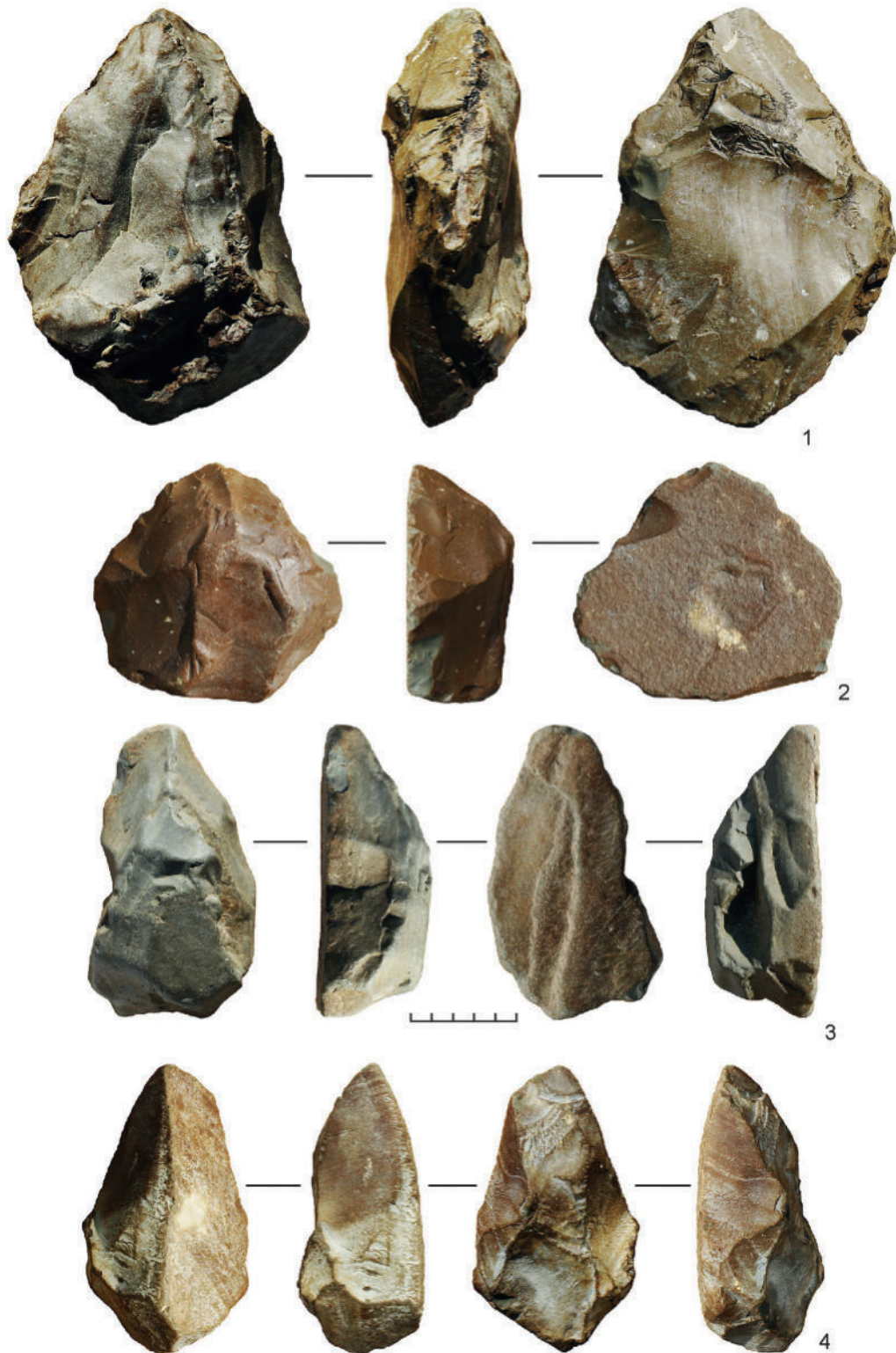

Рис. 4. Каменные орудия ашельского местонахождения Мыс Каменный: 1 — рубило-бифас; 2 — рубило-унифас; 3, 4 — пики с частичной двусторонней обработкой

Fig. 4. Stone tools from the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny: 1 — handaxe-biface; 2 — handaxe-uniface; 3, 4 — picks with partly bifacial working

продольное ребро. Рабочий конец оформлен крупными и мелкими сколами, преимущественно продольными, снятыми от острия. Боковые края нелезвийные, слабо выпуклые, один из них оббит вертикальными сколами. Пятка угловато выпуклая и оформлена разнонаправленными сколами.

Пик с частичной двусторонней обработкой размерами 16,6 × 7,6 × 5,5 см (рис. 5, 1) удлинённой треугольной формы, симметричный, с узким заостренным рабочим концом, широкой пяткой и без боковых лезвий, поперечное сечение подчетырёхугольное, изготовлен из намеренно полученного обломка сырья. Верхняя выпуклая сторона утончена интенсивной оббивкой крупными поперечными сколами. Рабочее острие оформлено крупными продольными сколами, снятыми от острия. Боковые края нелезвийные, выпуклые, отвесные, без дополнительной обработки. Пятка также выпуклая, частично оббита мелкими сколами с нижней стороны.

Пик с частичной двусторонней обработкой размерами 16,5 × 9,0 × 5,8 см (рис. 5, 2) удлинённой подминдалевидной формы, с заостренным уплощенным рабочим концом, толстой пяткой, без боковых лезвий, поперечное сечение подчетырёхугольное, изготовлен из обломка плитчатой отдельности исходного сырья. Рабочее острие оформлено крупными продольными сколами, снятыми от острия с верхней стороны и подправлено мелкими сколами и ретушью с противоположной стороны. Боковые нелезвийные края толстые, прямые, один из них оббит вертикальными сколами. Пятка угловато выпуклая и также оббита отвесными сколами.

Пик с односторонней обработкой размерами 15,7 × 8,0 × 6,5 см (рис. 5, 3) удлинённой овальной формы, с двумя заостренными рабочими концами и лезвийными краями по всему периметру, поперечное сечение подчетырёхугольное, изготовлен из обломка плитчатой отдельности сырья. Верхняя выпуклая сторона орудия уплощена крупными поперечными сколами. Нижняя сторона плоская, необработанная. Рабочие острия и образующие их боковые лезвия оформлены крупными и мелкими сколами.

Кливеровидное орудие размерами 12,5 × 8,5 × 6,6 см изготовлено из большого отщепы (рис. 3, 5). Оно удлинённой подчетырёхугольной (подвееровидной) формы. Боковые края орудия почти прямые, извилистые, оббиты крупными и мелкими сколами. Рабочее лезвие, немного скошенное, расположенное на дистальном крае отщепа-заготовки, широкое, прямое, без дополнительной обработки (имеет свежее повреждение). Пятка узкая, выпуклая, оформлена сколами.

Ножи с обушком при общем сходстве — наличие обработанного лезвия/лезвий и обушка — различаются по технике изготовления и форме. Среди них выделяются: нож с односторонней обработкой (1 экз.) и ножи с частичной двусторонней обработкой (2 экз.).

Нож с односторонней обработкой размерами 12,5 × 7,6 × 3,1 см (рис. 6, 1) однолезвийный, подтреугольной формы, поперечное сечение плоско-выпуклое, изготовлен из обломка плитчатой отдельности сырья. Рабочее лезвие протягивается по всей длине и параллельно продольной оси орудия, оно слегка выпуклое, с извилистой кромкой, обработано краевыми преимущественно крупными и довольно плоскими сколами с верхней стороны. Обушок, занимающий противоположный край орудия, угловато выпуклый и оформлен вертикальными сколами, он под острым углом примыкает к рабочему лезвию на дистальном конце. Нижний конец орудия узкий, выпуклый и, как обушок, обработан вертикальными сколами.

Нож с частичной двусторонней обработкой размерами 15,5 × 9,0 × 3,8 см (рис. 6, 2) двулезвийный, остроконечный, подромбовидной формы, поперечное сечение подчетырёхугольное, изготовлен из плитчатой отдельности сырья. Оба лезвия оформлены краевыми сколами с обеих сторон. Большая часть орудия необработанная. Одно лезвие протягивается на $\frac{2}{3}$ длины орудия и параллельно его продольной оси. Другое лезвие вдвое короче,

Рис. 5. Каменные орудия ашельского местонахождения Мыс Каменный: 1, 2 — пики с частичной двусторонней обработкой; 3 — пик с односторонней обработкой

Fig. 5. Stone tools from the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny: 1, 2 — picks with partly bifacial working; 3 — unilaterally worked pick

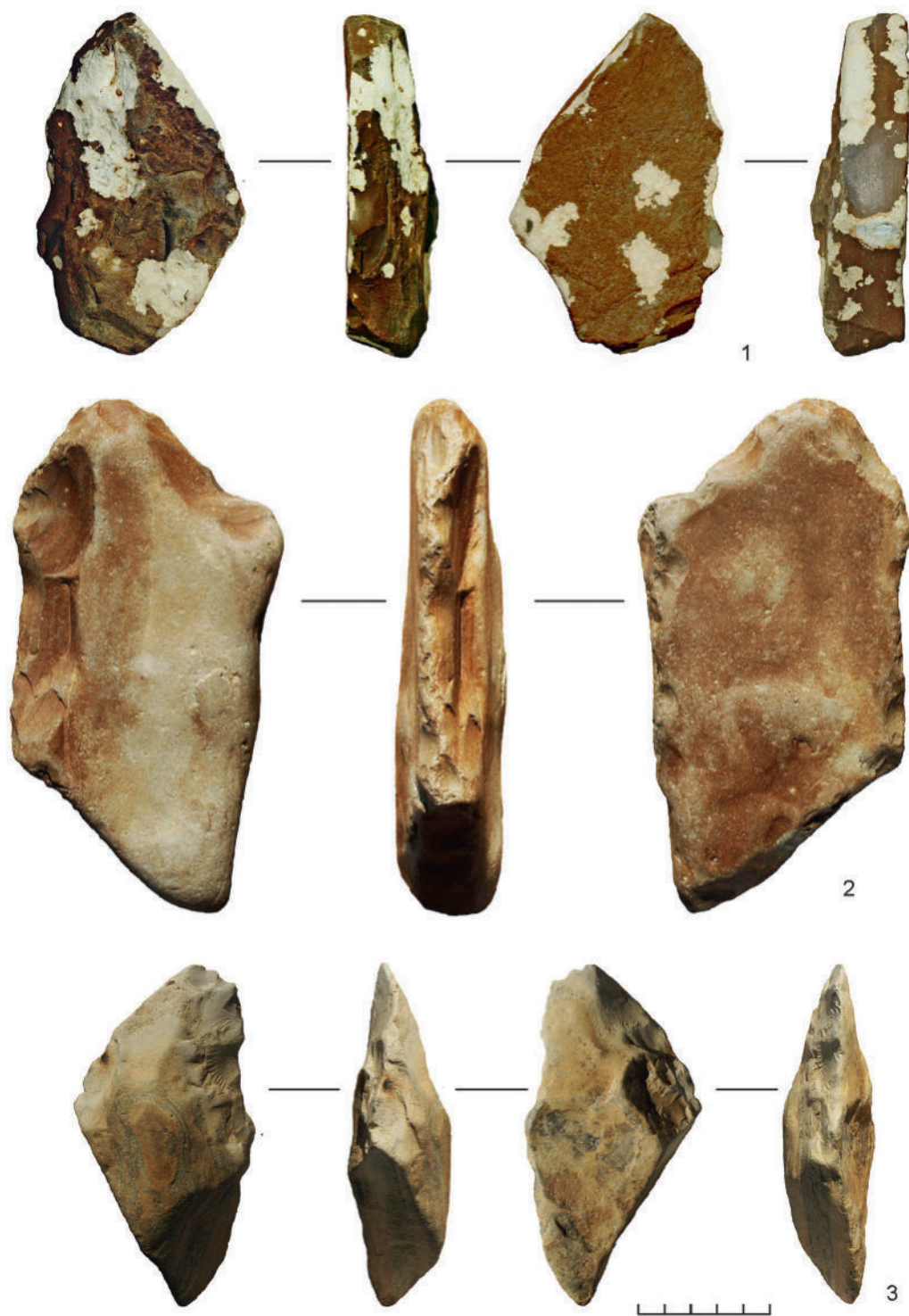

Рис. 6. Ножи с обушком ашельского местонахождения Мыс Каменный: 1 — нож с односторонней обработкой; 2, 3 — ножи с частичной двусторонней обработкой

Fig. 6. Backed knives from the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny: 1 — unifacially worked knife; 2, 3 — knives with partly bifacial working

скошенное и под острым углом смыкается на дистальном конце с длинным лезвием, образуя широкое острие с несколько закругленным кончиком. Обушок длинный, прямой, почти параллелен противоположному длинному лезвию и является необработанным краем использованной заготовки для орудия. Нижний конец орудия также необработанный и представляет собой заостренный край исходной заготовки.

Нож с частичной двусторонней обработкой размерами 12,7 × 6,2 × 3,2 см (рис. 6, 3) двулезвийный, остроконечный, подтреугольной формы, поперечное сечение плоско-выпуклое, обработка распространяется более чем наполовину поверхности с обеих сторон орудия, изготовлен из обломка сырья. Лезвия сходятся к острию, они почти прямые, одно продольное, протягивается по всей длине орудия, другое диагональное и вдвое короче, оба оформлены крупными и мелкими сколами. Острие имеет недавнее небольшое повреждение. Обушок скошен по отношению к длинной оси орудия, немного вогнутый и образован вертикальной плоскостью раскалывания на исходной заготовке. Нижняя часть орудия заостренная, но необработанная, представляет собой часть плоскости раскалывания на использованной заготовке.

Чоппинги

Чоппинг размерами 9,0 × 12,0 × 4,2 см (рис. 7, 2) остроконечный, изготовлен из обломка сырья. Рабочая часть в виде широкого острия, оформленного крупными и мелкими сколами с обеих сторон.

Второй *чоппинг* размерами 9,5 × 11,7 × 5,0 см — того же типа (остроконечный).

Чопперы представлены орудиями двух типов: три из них — остроконечные, один — выпуклолезвийный.

Чоппер размерами 10,5 × 10,0 × 4,0 см (рис. 7, 1) остроконечный, изготовлен из намеренно полученного обломка исходного сырья. Рабочая часть в виде вытянутого острия, оформленного крупными и мелкими сколами с одной стороны.

Чоппер размерами 10,0 × 11,5 × 5,6 см (рис. 7, 3) остроконечный, изготовлен из обломка плитчатой отдельности сырья. Рабочая часть в виде широкого острия, оформленного преимущественно крупными сколами с одной стороны.

Чоппер размерами 9,2 × 9,4 × 4,2 см (рис. 7, 4) остроконечный, изготовлен из расколотой гальки. Рабочая часть в виде широкого острия, оформленного крупными и мелкими сколами с одной стороны.

Чоппер размерами 11,0 × 13,0 × 5,4 см (рис. 3, 4) выпуклолезвийный, изготовлен из большого отщепя. Рабочее лезвие зазубренное, оформлено крупными и мелкими сколами с одной стороны.

Нуклевидные скребла — крупные изделия размерами 10,2 × 12,0 × 6,8 и 7,5 × 8,4 × 6,0 см — больше всего похожи на грубопризматические нуклеусы. Однако обработка их краев мелкими сколами указывает на то, что их использовали и как орудия.

Массивные скребла изготовлены из намеренно полученных обломков сырья подчетырехугольной формы размерами 7,4 × 8,0 × 2,5 см, 7,6 × 6,5 × 4,5 см и 4,6 × 7,0 × 3,2 см. Их лезвия прямые и довольно тщательно оформлены крупными и мелкими сколами (рис. 3, 6, 7).

Выводы и заключение

Каменные изделия местонахождения Мыс Каменный, несомненно, являются нижнепалеолитическими и при этом производят впечатление единого гомогенного комплекса. Возраст его пока не вполне ясен, поскольку составляющие его изделия найдены в переотложенном состоянии. Однако геологические условия залегания этих изделий все же позволяют достаточно уверенно предполагать, что они происходят, скорее всего, из разрушенных береговыми оползнями прибрежно-морских отложений (пляжевой фации) позднечаудинской террасы и, таким образом, могут быть датированы временем

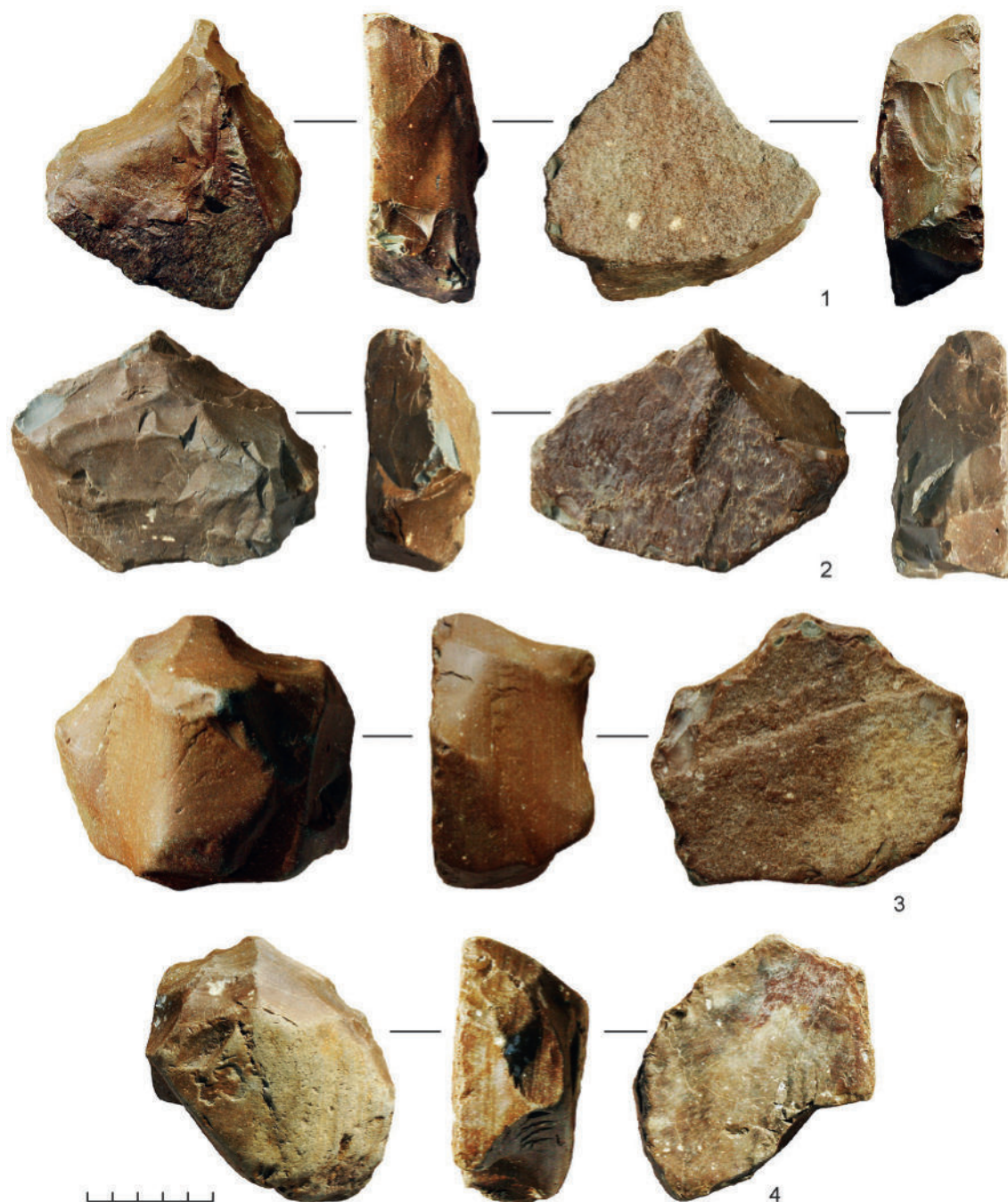

Рис. 7. Каменные орудия ашельского местонахождения Мыс Каменный: 1, 3, 4 — остроконечные чопперы; 2 — остроконечный чоппинг

Fig. 7. Stone tools from the Lower Paleolithic site of Mys Kamenny: 1, 3, 4 — pointed choppers; 2 — pointed chopping

формирования этих отложений — первой половиной среднего плейстоцена, MIS 15-13, мучапским межледниковьем, интервалом $\approx 610-490$ тыс. л. н. В Кавказском регионе к этому времени относится нижний культуросодержащий слой (7a) пещеры Треугольная на северном склоне Центрального Кавказа в Карачаево-Черкесии (Дороничев и др. 2007; Молодьков, Болиховская 2011). Другие синхронные памятники пока неизвестны.

Представленный комплекс нижнепалеолитических каменных изделий местонахождения неполон и некомплектен. В результате переотложения в нем были утрачены некоторые важные компоненты, свойственные каменному инвентарю инситуальных нижнепалеолитических стоянок. Отсутствуют, в частности, нуклеусы, основная масса отщепов и многие орудия, особенно мелкие.

Тем не менее основные культурно-хронологические признаки этого комплекса проявляются вполне отчетливо. Технология изготовления и технико-морфологические категории орудий в нем, несомненно, ашельские. Это хорошо видно по наличию среди изделий характерных для ашельских каменных индустрий больших отщепов (>10 см), изготавливавшихся в качестве заготовок для некоторых специальных орудий, и разнообразных по форме и функциям крупных орудий — рубил, пиков, обушковых ножей, остроконечных чоппингов и чопперов. При этом обращает на себя внимание оригинальность состава и типов орудий. Особенно хорошо представлены в этом комплексе выразительные разнотипные пики и ножи с обушком.

Прямые культурные аналоги ашельскому комплексу местонахождения Мыс Каменный в Кавказском регионе пока не выявлены. Единственный синхронный этому местонахождению 7a культуросодержащий слой Треугольной пещеры в горах Центрального Кавказа имеет малочисленный и малоинформативный археологический материал — всего 13 изделий в виде мелких отщепов и простых орудий из таких же отщепов (Дороничев и др. 2007).

Вместе с тем не вызывает сомнений, что ашельский комплекс этого местонахождения во многом сходен с территориально близкими, но значительно более ранними ашельскими каменными индустриями Таманского полуострова, в особенности с таманской раннеашельской индустрией, существовавшей во второй половине раннего плейстоцена в интервале $\approx 1,4-1,0$ млн л. н., стоянки которой (Родники 1-4, Богатыри/Синяя Балка и Пересыпь) находятся всего в 25 км к ЮВ от рассматриваемого местонахождения. Несмотря на различия в возрасте и сырьевой базе (раннеашельские индустрии Таманского полуострова базировались на окварцованном доломите, содержащемся в виде многочисленных обломков в грязевулканических брекчиях), сходство между ними хорошо прослеживается как в технологии первичного расщепления камня (наличие специальных больших отщепов), так и в составе и соотношении категорий крупных специальных орудий, таких как рубила, пики и других, хотя, конечно, орудия местонахождения Мыс Каменный в целом имеют более выдержанную форму и лучшую отделку.

Таким образом, каменные изделия местонахождения Мыс Каменный впервые позволяют составить определенное представление о технологических и типологических характеристиках нижнего палеолита Западного Предкавказья в первой половине среднего плейстоцена. Становится ясно, что он имеет все признаки ашеля. При этом анализ и сопоставление ашельских каменных изделий этого местонахождения с каменными изделиями раннеашельских индустрий Таманского полуострова (кермекской и таманской) отчетливо показывают плавное развитие технологии обработки камня и изготовления орудий, стабильность и преемственность технологических традиций (ашельских с местной спецификой) у нижнепалеолитического населения Западного Предкавказья на протяжении почти всего раннего и первой половины среднего плейстоцена. Насколько эти традиции оказывали влияние на развитие нижнепалеолитических индустрий сопредельных территорий Кавказского региона и Русской равнины покажут дальнейшие исследования.

Литература

- Архангельский, Страхов 1938 — *Архангельский А. Д., Страхов Н. М.* Геологическое строение и история развития Черного моря. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 226 с.
- Благоволин 1962 — *Благоволин Н. С.* Геоморфология Керченско-Таманской области. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 192 с.
- Болиховская, Молодьков 2000 — *Болиховская Н. С., Молодьков А. Н.* Корреляция лессово-почвенной формации и морских отложений Северной Евразии // Каплин П. А., Судакова Н. Г. (ред.). Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: Сб. науч. тр. М.: Географ. факультет МГУ, 2000. С. 149–178.
- Варенцов 1933 — *Варенцов М. И.* Геологическая история Таманского полуострова в послетретичное время // Петровский Д. А., Языков В. А., Рейнгард А. Л. и др. (ред. комиссия). Тр. II Междунар. конф. ассоциации по изучению четвертичного периода. Л.; М.: Гос. науч.-техн. геол.-разведочное изд-во, 1933. Вып. 3. С. 88–101.
- Губкин 1914 — *Губкин И. М.* Заметки о возрасте слоев с *Elasmotherium* и *Elephas* на Таманском полуострове // Известия АН. Серия 6. 1914. Т. 8, № 9. С. 587–590.
- Губкин 1933 — *Губкин И. М.* Обзор геологических образований Таманского полуострова // Известия Геологического комитета. 1933. Т. 32, № 8. С. 35–50.
- Губкин, Варенцов 1934 — *Губкин И. М., Варенцов М. И.* Геология нефтяных и газовых месторождений Таманского полуострова. Баку: Объединение научно-технических издательств, Азнефтьиздат, 1934. 140 с.
- Дороничев и др. 2007 — *Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф.* Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Лебедева 1972 — *Лебедева Н. А.* Антропоген Приазовья. М.: Наука, 1972. 108 с.
- Молодьков, Болиховская 2011 — *Молодьков А. Н., Болиховская Н. С.* Климато-хроностратиграфическая схема неоплейстоцена Северной Евразии // Болиховская Н. С., Фаустов С. С. (ред.). Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: сб. науч. ст. М.: Географ. факультет МГУ, 2011. Вып. 3. С. 44–77.
- Попов 1983 — *Попов Г. И.* Плейстоцен Черноморско-Каспийских проливов (стратиграфия, корреляция, палеофаунистика, геологическая история). М.: Наука, 1983. 216 с.
- Свиточ, Соболев 2011 — *Свиточ А. А., Соболев В. М.* Плейстоценовые проливы Маньчжун (морфология, строение и развитие) // Вестник МГУ. Серия 5. География. 2011. № 4. С. 70–77.
- Тесаков и др. 2019 — *Тесаков А. С., Гайдаленко О. В., Соколов С. А., Фролов П. Д., Трифионов В. Г., Симакова А. Н., Латышев А. В., Титов В. В., Щелинский В. Е.* Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье // Геотектоника. 2019. № 5. С. 12–35.
- Федоров 1963 — *Федоров П. В.* Стратиграфия четвертичных отложений Крымско-Кавказского побережья и некоторые вопросы геологической истории Черного моря. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 160 с.
- Федоров 1978 — *Федоров П. В.* Плейстоцен Понто-Каспия. М.: Наука, 1978. 168 с.
- Щелинский 2014 — *Щелинский В. Е.* Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 168 с.
- Щелинский 2019 — *Щелинский В. Е.* Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья // Виноградов Ю. А. и др. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 27–55.
- Щелинский 2021a — *Щелинский В. Е.* Ранний ашель Западного Предкавказья. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2021. 132 с.
- Щелинский 2021b — *Щелинский В. Е.* Мыс Каменный. Ашельское местонахождение на северном берегу Таманского полуострова (Южное Приазовье) // КСИА. 2021. Вып. 265. С. 27–44.
- Щелинский 2022 — *Щелинский В. Е.* Ранний ашель Кавказского региона: время появления, истоки, культурные особенности // The abstracts of the International Conference “Archaeology Study

- of Cultural connections between the Population of the Central Caucasus and Iran in the Stone Age”, April, 2022, Vladikavkas. Vladikavkas, 2022. P. 6–11.
- Щелинский, Гайдаленок 2022 — Щелинский В. Е., Гайдаленок О. В. Пересыпь. Новая раннеашельская стоянка в Западном Предкавказье на Таманском полуострове (предварительные данные) // Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований. 2022. № 1. С. 5–27.
- Эберзин 1935 — Эберзин А. Г. О пластах чауды Таманского полуострова // Доклады АН СССР. 1935. Т. 2, № 8–9. С. 580–587.
- Янина 2011 — Янина Т. А. Каспийские моллюски в плейстоцене Черного моря // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2011. № 3. С. 107–124.
- Янина 2012 — Янина Т. А. Неоплейстоцен Понто-Каспия: биостратиграфия, палеогеография, корреляция. М.: Географ. факультет МГУ, 2012. 264 с.
- Янина 2018 — Янина Т. А. Осадочные отложения Черного моря // Лисицын А. П. (отв. ред.). Система Черного моря. М.: Научный мир, 2018. С. 426–472.
- Krijgsman et al. 2019 — Krijgsman W., Tesakov A., Yanina T., Lazarev S., Danukalova G., Van Baak C. G. C., Agustí J., Alcicek M. C., Aliyeva E., Bista D., Bruch A., Buyukmeric Y., Bukhsianidze M., Flecker R., Frolov P., Hoyle T. M., Jorissen E. L., Kirscher U., Koriche S. A., Kroonenberg S. B., Lordkipanidze D., Oms O., Rausch L., Singarayer J., Stoica M., van de Velde S., Titov V. V., Wesselingh F. P. Quaternary time scales for the Pontocaspian domain: Interbasinal connectivity and faunal evolution // Earth-Science Reviews. 2019. Т. 188. P. 1–40.
- Railsback et al. 2015 — Railsback L. B., Gibbard P. L., Head M. J., Voarintsoa N. R. G., Toucanne S. An optimized scheme of lettered marine isotope substages for the last 1.0 million years, and the climatostratigraphic nature of isotope stages and substages // Quaternary Science Reviews. 2015. Vol. 111. P. 94–106.
- Shchelinsky 2019 — Shchelinsky V. E. Sur quelques resultants d'études du Paléolithique inférieur au bord de la mer d'Azov (Russie) // L'Anthropologie. 2019. Vol. 123, is. 4–5. P. 688–694.
- Timireva et al. 2022 — Timireva S. N., Kononov Yu. M., Sycheva S. A., Taratunina N. A., Kalinin P. I., Filipova K. G., Zakharov A. L., Konstantinov E. A., Murray A. S., Kurbanov R. N. Revisiting the Taman peninsula Loess-Paleosol Sequence: Middle and Late Pleistocene Record of Cape Pekla // Quaternary International. 2022. Vol. 620. P. 36–45.

ACHEULEAN LOCALITY OF MYS KAMENNY ON THE TAMAN PENINSULA AND THE LOWER PALEOLITHIC OF THE CAUCASIAN REGION

V. E. SHCHELINSKY

Keywords: *Lower Paleolithic, Acheulean, first half of the Middle Pleistocene, Taman peninsula, Mys Kamenny.*

Our current knowledge about the Lower Paleolithic of the Caucasian region is based on the results of the study of archaeological sites dating from the Early Pleistocene and the second half of the Middle Pleistocene, while the information about the Lower Paleolithic sites of the early Middle Pleistocene is virtually lacking. The paper presents the newly discovered Lower Paleolithic site of Mys Kamenny situated on the Azov Sea shore of the Taman peninsula and tentatively dated to the first half of the Middle Pleistocene or, to put it more precisely, to the period of the Upper Chaudian transgression of the Black Sea, MIS 15-13, ca. 610–490 kya. The collection of stone artifacts, consisting of handaxes, picks, backed knives and other diagnostic tools, is small but informative enough and can be attributed to the Acheulean. The assemblage shows technological continuity with the Early Pleistocene Early Acheulean stone industries of the Taman peninsula.

О НАХОДКЕ НАВЕРШИЯ ФУРКЕТА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЛАДОЖЬЕ¹

П. А. МИЛЯЕВ, К. В. ШМЕЛЕВ²

Ключевые слова: Северо-Западное Приладожье, Карелия, позднее Средневековье — раннее Новое время, оружие XVI–XVII вв., военное снаряжение, кузнечные изделия.

В статье рассматривается редкая для территории России находка железной детали фуркета — подшошка для стрельбы из мушкета. Изделие было случайно обнаружено в составе «клада кузнеца» на городище Хямеенлахти близ пос. Куркийоки (Карелия). Подробно описывается сама находка, указываются аналогии, уточняется ее датировка. По археологическим и письменным данным навершие фуркета относится к концу XVI — XVII в. Рассматриваются и другие железные предметы из состава комплекса. «Клад кузнеца» с городища Хямеенлахти дает новые сведения о материальной культуре населения Северо-Западного Приладожья и Карельского перешейка в XVI–XVIII вв.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-119-129

Северо-Западное Приладожье — регион с богатой военной историей, в разные годы находившийся во владениях Новгорода, королевства Швеция, Московского царства, России, а также Республики Финляндия. Памятники археологии на этой территории довольно многочисленны, наибольшая часть их относится к эпохе камня, раннего железного века, раннего и развитого Средневековья (Археологические памятники Карелии 2007: 67, 68, 157, 195, 196). Объекты позднего Средневековья и раннего Нового времени известны в гораздо меньшем количестве и недостаточно исследованы. Значительный пласт древностей XVI–XVII вв. представлен случайными находками. Некоторым из них, в частности, связанным с военным делом, посвящена данная работа.

Несколько серий разновременных находок, обнаруженных при случайных обстоятельствах, хранятся в фондах музея при Куркийёкском краеведческом центре³. Среди них выделяется крупный комплекс изделий раннего Нового времени, связанный с городищем Хямеенлахти-Линनावуори. Данный памятник расположен на берегу Куркийёкского залива, археологические исследования проводились на нем в 1888–1889 и 1986–1987 гг. (рис. 1).

¹ П. А. Миляевым работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве: формирование археологических культур и культурных центров, становление научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).

² П. А. Миляев — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия. К. В. Шмелев — Институт истории СПбГУ; Санкт-Петербург, 191060, Россия.

© Миляев П. А., Шмелев К. В., 2023.

³ Авторы выражают особую благодарность директору Куркийёкского краеведческого центра М. И. Петровой за помощь в работе с находками.

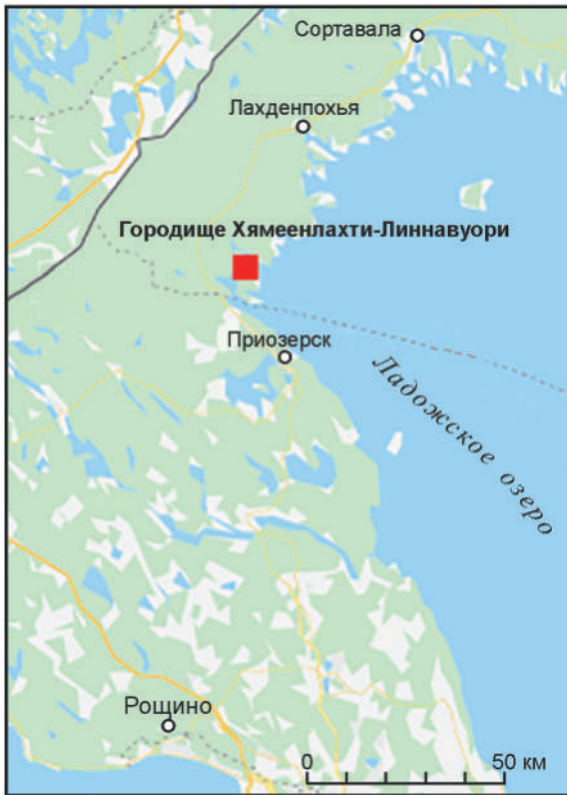

Рис. 1. Месторасположение городища Хямеенлахти-Линनावуори в Северо-Западном Приладожье

Fig. 1. Location of the Khyameenlahti-Linnavuori settlement in the Northwestern Ladoga region

В результате этих работ были выявлены материалы от эпохи викингов до XII–XIII вв., то есть основные находки относятся к более раннему времени, нежели рассматриваемый комплекс (Сакса 2010: 212–217).

В 2010 г. в музей при Куркийёкском краеведческом центре был передан ряд железных предметов, случайно обнаруженных на территории городища Хямеенлахти. Они залегали в виде компактного скопления и, вероятно, представляли собой «клад», состоящий из различных изделий, как бытовых, так и относящихся к военному снаряжению. Всего в составе данного комплекса числятся шесть целых и фрагментированных вещей. Указанное скопление находок было обнаружено в углублении между крупными камнями на склоне возвышенной части городища. Точное время формирования и сокрытия «клада» неясно, так как датировка большей части предметов достаточно широка и может включать весь период Нового времени. Вероятнее всего, этот комплекс представляет собой сбор различного железного лома, своеобразный «клад кузнеца», хранившийся довольно длительный период для последующей утилизации и перековки.

Наиболее примечательной находкой из всей совокупности обнаруженных предметов является железное навершие фуркета (итал. *forchetto*) — подшошка (подставка) для стрельбы из тяжелого ручного огнестрельного оружия — мушкета. Данный элемент снаряжения пехотинца представлял собой трость длиной около 1200–1500 мм с втульчатым или черешковым навершием в форме «вилки»; на противоположном конце древка был вток, обычно с граненым острием. В верхней части подшошка чаще всего имелась кожаная петля-темляк для предотвращения его утраты в бою и освобождения рук при зарядании оружия (Квасневич 2007: 182; Ефимов, Рымша 2009: 262, 263). Фуркеты широко применялись мушкетерами в армиях большинства европейских государств во второй половине XVI — XVII в. (Essenwein 1877: table B. XXVI, *a–b*, XXX; Квасневич 2007: 89–93). Фрагменты подобного воинского снаряжения редко встречаются в ходе археологических раскопок на территории России, поэтому стоит подробнее рассмотреть находку, обнаруженную на городище Хямеенлахти близ пос. Куркийоки.

Общие размеры указанного изделия составляют 225 × 94 мм. Основой предмета является железный стержень подквадратного сечения (11 × 11 мм), заостренный в нижней части (рис. 2, 1). Вверху он был рассечен вдоль на две пластины, плавно разведенные в противоположные стороны и образующие «вилку», на обоих концах которой выполнены кольцеобразные завершения. В центре этого разветвления дополнительно наварена горизонтальная уплощенная перемычка, куда при стрельбе укладывалось цевье мушкета. На поверхности вертикальной части изделия, в 50 мм ниже «вилки», было наварено

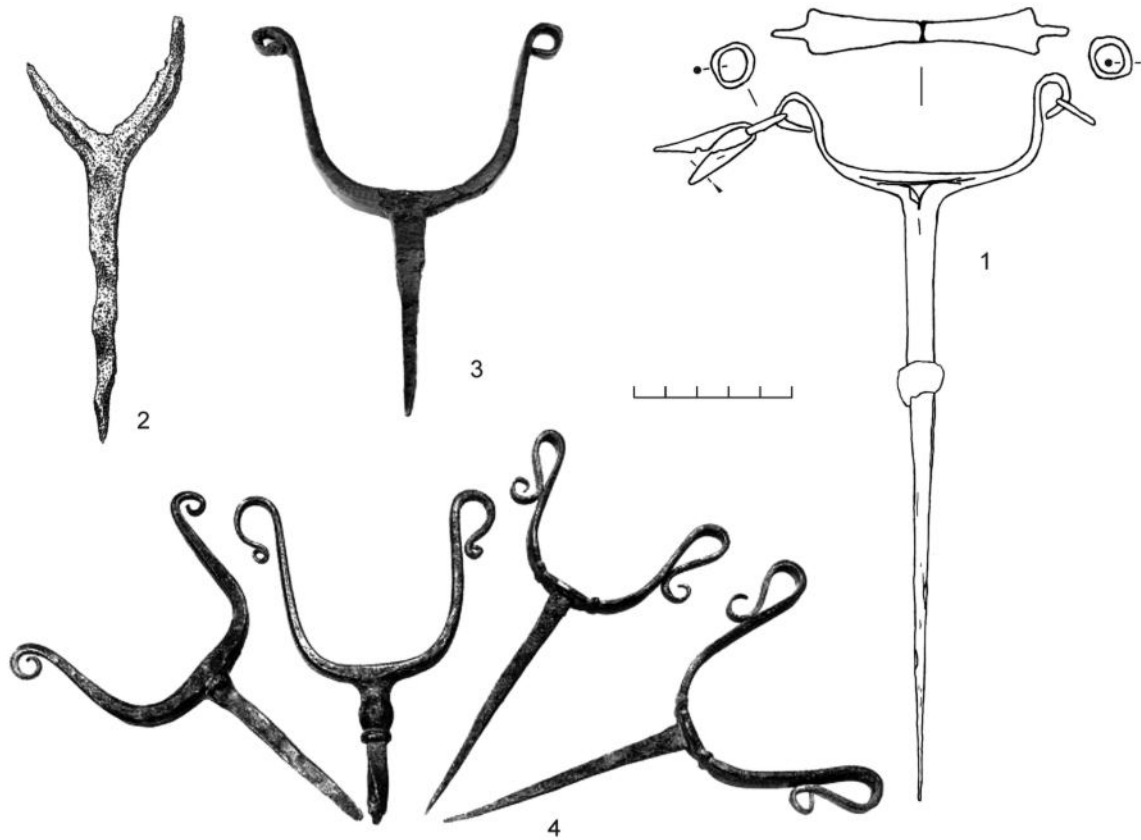

Рис. 2. Черешковые навершия фуркетов: 1 — городище Хямеенлахти-Линनावуори (рисунок К. В. Шмелева); 2 — место зимовки Виллема Баренца (1596–1597 гг.) (по: Старков, Державин 2003: табл. XVII, 4); 3 — замок Кроноберг, Швеция (по: <https://digitaltmuseum.se/021026752624/muskotgaffel>); 4 — замок Курбург (Churburg), Италия (по: Scalini et al. 1996: *ch* s357). Все — железо

Fig. 2. Tanged heads of fourquets: 1 — Khyameenlahti-Linnavuori settlement; 2 — Willem Barents' wintering place, 1596–1597 (after Старков, Державин 2003: table XVII, 4); 3 — Kronoberg castle, Sweden (<https://digitaltmuseum.se/021026752624/muskotgaffel>); 4 — Churburg castle, Italy (after Scalini et al. 1996: *ch* s357). All of iron

рельефное кольцообразное утолщение, отделявшее собственно заостренный черешок от «шейки» детали. Оно также являлось ограничителем, когда навершие фуркета вбивалось в древко. В округлые петли на концах «вилки» вставлены железные кольца внешним диаметром около 13 мм. Примечательно, что в одном из них подвешены железные миниатюрные пружинные ножницы размерами 26 × 12 мм, вероятно, использовавшиеся для обрезки фитиля мушкета.

Для того, чтобы определить место данного предмета среди военных древностей Северо-Запада России и Карелии позднего Средневековья — раннего Нового времени, необходимо поместить его в культурно-хронологический контекст с подбором необходимых аналогий. Это поможет также уточнить его датировку. Фрагменты и детали подшошков-фуркетов, обнаруженные на территории России, почти никогда не фигурировали на страницах изданий, специальных публикаций, посвященных им практически нет. Поэтому стоит кратко рассмотреть общую типологию и хронологию подобных находок, большинство которых было обнаружено на территории русского Северо-Запада. Несомненно, данная классификация носит предварительный характер и будет дополняться.

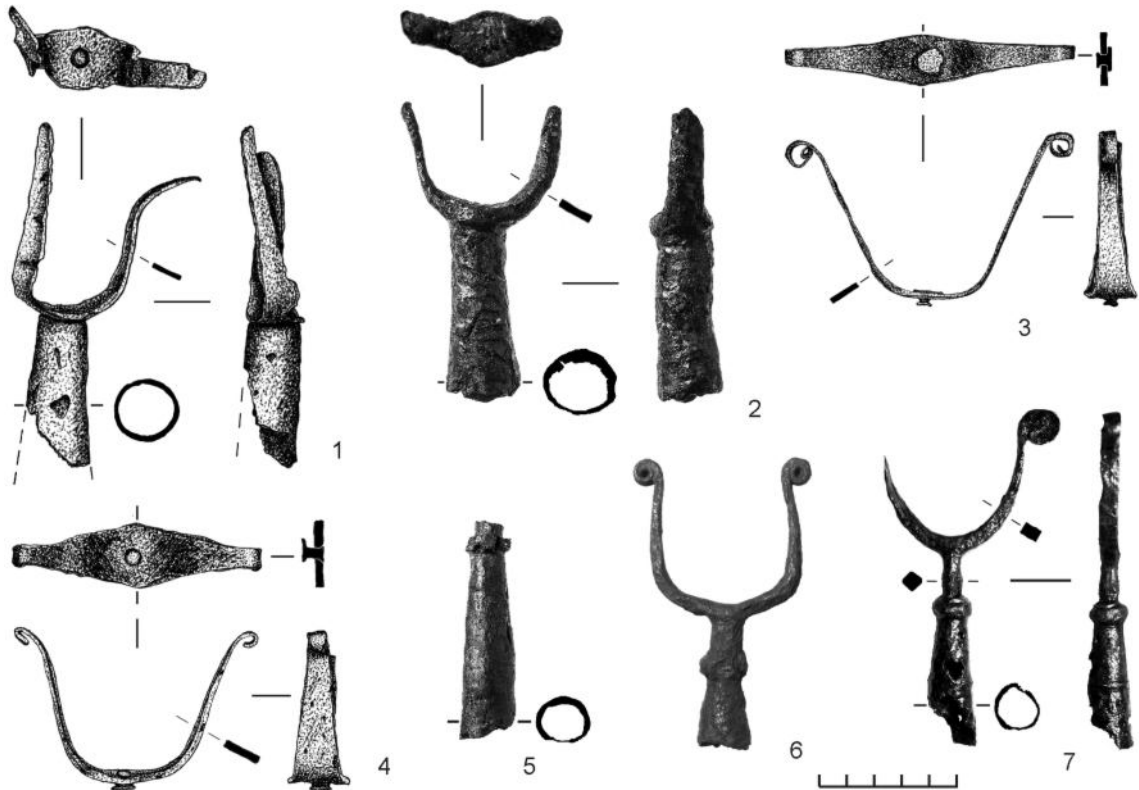

Рис. 3. Втульчатые навершия фуркетов из крепостей Северо-Запада России: 1, 3, 4 — Старая Ладога (по: Миляев 2020: ил. 7, 1, 3; 8, 1); 2, 5, 7 — Ивангород; 6 — Копорье (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. I 74347). Все — железо

Fig. 3. Socketed heads of fourquets from fortresses of Northwest Russia: 1, 3, 4 — Staraya Ladoga (after Миляев 2020: ил. 7, 1, 3; 8, 1); 2, 5, 7 — Ivangorod; 6 — Kopyrye (Scholarly Archive of IHMC RAS, Photographic Division, negative I 74347). All of iron

В материалах раскопок городов и крепостей имеются железные навершия фуркетов двух видов: I — втульчатые и II — черешковые.

Вид I представлен двумя типами изделий.

Тип 1 — втульчатые навершия простой конструкции. Их верхняя часть в виде «вилки» согнута из железной пластины толщиной 2–4 мм с расширением в средней части, концы которой могли закручиваться в небольшие волюты или просто быть закругленными и слегка отогнутыми в стороны (рис. 3, 1, 2). Втулка у подобных предметов короткая, конусовидная, свернутая из тонкого листа железа, ее верхняя часть закрыта сплошной круглой деталью или же широкой прямоугольной перемычкой. Данные элементы соединялись между собой с помощью припоя медного сплава. Верхняя часть — «вилка» — монтировалась к втулке посредством одной центральной заклепки с круглой плоской шляпкой, выполненной иногда «впотай».

Такие навершия фуркетов XVII в. были обнаружены при раскопках в крепостях Ивангород и Орешек, а также в Ладоге, кроме целых изделий выявлено много отдельных верхних деталей — «вилки» от них (рис. 3, 1–4). Ладожские находки имеют и более узкую дату — начало XVII в. Изделия типа 1 и их фрагменты чаще всего встречены при раскопках на территории России.

Тип 2 — довольно сложные по конструкции предметы, изготовленные из большого количества составных элементов. Основная деталь навершия, имевшая форму «вилки», ковалась целиком из железного прута прямоугольного сечения, а ее концы обычно

закручивались в волюты. В нижней части данного элемента располагался вертикальный стержневидный выступ, который вставлялся в полую конусовидную втулку, свернутую из тонкого листа железа. Все детали скреплялись при помощи припоя из медного сплава. Отличительной особенностью изделий типа 1 является наличие шарообразного, несколько сплющенного по полюсам, объемного элемента — так называемого яблока — в месте соединения верхней части с втулкой, которая могла дополнительно украшаться одним или несколькими горизонтальными рельефными поясками.

Находки подобных изделий имеются среди материалов раскопок в крепостях Ивангород и Копорье, где датируются в рамках XVII в. (рис. 3, 6, 7)⁴. Причем известны не только целые предметы, но и их фрагменты: отдельные верхние части — «вилки», а также обломанные втулки с утолщениями — «яблоками» (рис. 3, 5). Наиболее раннее навершие фуркета вида I типа 1, обнаруженное на территории России, происходит с места зимовки экспедиции Виллема Баренца и датируется концом XVI в. (1596–1597 гг.) (Старков, Державин 2003: табл. XII, 1).

Вид II — черешковые навершия фуркетов. Они наиболее простые по конструкции, при этом наименее распространены среди находок на территории России. Именно к этому виду относится подробно описанная выше находка из состава «клада», обнаруженного на городище Хямеенлахти близ пос. Куркийоки. Разделить изделия этой группы на отдельные типы нелегко, поскольку многие из них имеют индивидуальную форму. В зависимости от квалификации мастера они могли быть изготовлены более или менее искусно, с дополнительными элементами и без таковых. Уточнение их типологии является отдельной задачей для будущих работ. Однако уже сейчас можно определить круг аналогий для железного навершия фуркета с городища Хямеенлахти.

Наиболее ранняя подобная находка, происходящая с территории России, была обнаружена на месте зимовки экспедиции Виллема Баренца и датируется концом XVI в. (1596–1597 гг.). Данная деталь размерами около 135 × 50 мм выполнена из одной железной заготовки, верхняя часть которой — «вилка» — имеет простую форму с прямыми отростками без волют на концах (рис. 2, 2). Внизу она плавно переходит в длинный, слегка волнистый заостренный черешок без упора, который вбивался в древко. Изделие не имеет декора или каких-либо дополнительных элементов (Старков, Державин 2003: табл. XVII, 4).

Навершие фуркета вида II, предположительно датированное началом XVII в., было найдено при раскопках в Твери. Однако данное изделие разительно отличается от описанного выше экземпляра. Железная деталь имеет черешок круглого сечения с винтовой нарезкой на конце, в центральной части которого вклепана перпендикулярная прямоугольная рамка с прорезью. Она могла использоваться как крепление для темляка или в качестве кресала для воспламенения фитиля. Верхняя часть тверской находки — «вилка» — представляла собой узкую пластину прямоугольного сечения, концы которой не сохранились (Попов 2003: 315, 316, рис. 1, 4, 5). Собственно, указанными находками исчерпываются аналогии черешковому навершию фуркета с городища Хямеенлахти, обнаруженные в России. Других подобных изделий в коллекциях отечественных музеев пока выявить не удалось.

Гораздо больше аналогичных железных деталей подсошков для стрельбы из мушкетов имеется в Европе. Несколько подобных предметов было выявлено на территории Швеции. Например, при раскопках в замке Кроноберг найдено два железных черешковых навершия фуркетов вида II, которые хранятся сейчас в музее Смоланда (Smålandsmuseum).

⁴ Авторы благодарят ст. науч. сотр. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН канд. ист. наук Н. А. Боковенко, мл. науч. сотр. Центра спасательной археологии ИИМК РАН В. О. Глухова и директора Ивангородского музея И. Н. Миронову за помощь в работе с находками из крепости Ивангород.

Наиболее близкой аналогией детали с городища Хямеенлахти является образец размерами 125 × 97 мм, в основании которого выкован граненый заостренный на конце вертикальный черешок с упором (рис. 2, 3). Оба ответвления верхней части изделия («вилки»), плавно отогнутые в противоположные стороны, имеют прямоугольное сечение, а их концы оформлены в виде закрученных волют (URL: <https://digitaltmuseum.se/021026752624/muskotgaffel> (дата обращения: 04.04.2022)). Вторая находка из замка Кроноберг размерами 115 × 63 мм выполнена в несколько иной манере. Ее черешок без упора, а боковые части «вилки» торсированные с уплощенными, несколько расширенными концами ((URL: <https://digitaltmuseum.se/021026752648/muskotgaffel> (дата обращения: 04.04.2022)). Верхняя граница их бытования определена 1650 г., а нижнюю можно отнести ко времени вряд ли ранее второй половины XVI в.

Серия из нескольких черешковых наверший фуркетов, весьма близких по абрису находке с городища Хямеенлахти, хранится в оружейном собрании замка Курбург (Churburg). Данные изделия снабжены черешками без упоров, иногда с утолщением или рельефной короткой шейкой при переходе к «вилке» (рис. 2, 4). Боковые ответвления верхних частей этих деталей имеют прямоугольное сечение, а их концы закручены в обычные волюты или более крупные сложные петли с двойным изгибом. Как видно, для указанных предметов экипировки характерны дополнительные и декоративные элементы, присутствующие на находке из Карелии. Навершия фуркетов из коллекции замка Курбург (Churburg) широко датированы авторами публикации XVI–XVII вв. (Scalini et al. 1996: 392, *ch* s357). Однако принимая во внимание время появления и распространения в Европе тяжелых крупнокалиберных мушкетов, нижняя дата этих изделий может относиться ко второй половине XVI в.

Более точно определить датировку железной детали фуркета с городища Хямеенлахти помогут особенности использования ручного огнестрельного оружия населением данного региона. Выходцы из финских областей Шведского королевства принимали активнейшее участие в военных событиях позднего Средневековья — раннего Нового времени. Из них набирали провинциальные конные и пешие подразделения. Во второй половине XVI в. пехота была вооружена аркебузами и каливерами небольшого калибра, чаще всего с колесцовыми или ударно-кремневыми механизмами воспламенения заряда. Только лишь с рубежа XVI–XVII вв. в Швеции стали активно внедряться мушкеты с фитильными замками, вместе с которыми использовались фуркеты (Brzezinski, Hook 1991: 16, 17). В начале XVII в., в Смутное время, провинциальные финские роты находились в составе корпуса Якоба Понтуса Делагарди, участвуя в боевых действиях на территории Московского государства. В частности, стрелки-пехотинцы несли службу в гарнизонах Новгорода, Ладоги, Порхова, Старой Русы, Орешка (Нотебурга), Копорья, Ивангорода и других городов, что нашло отражение в археологическом материале (Курбатов 2006: 13–17; Милев 2020: 43–47). Позже, в ходе Тридцатилетней войны, конные и пешие финские солдаты находились в составе армии короля Густава II Адольфа, получив в ходе сражений широкую известность и славу (Brzezinski, Hook 1991: 9, 10; 1993: 6). Принимали они участие и в Русско-шведской войне 1656–1658 гг. Таким образом, находка железной детали подсошка для мушкета на городище Хямеенлахти вблизи пос. Куркийоки полностью вписывается в исторический контекст эпохи и не может вызывать каких-либо противоречий. Обобщая результаты данных археологии и письменных источников, данное навершие фуркета может быть датировано концом XVI — XVII в. Однако не исключено, что фитильные мушкеты в этом отдаленном регионе Швеции могли использоваться и несколько позже указанного времени, а железные навершия фуркетов для стрельбы из них изготавливались местными кузнецами и в начале XVIII в. Возможно, бойцы местных провинциальных подразделений могли использовать устаревшие образцы вооружения и в начальный период Северной войны.

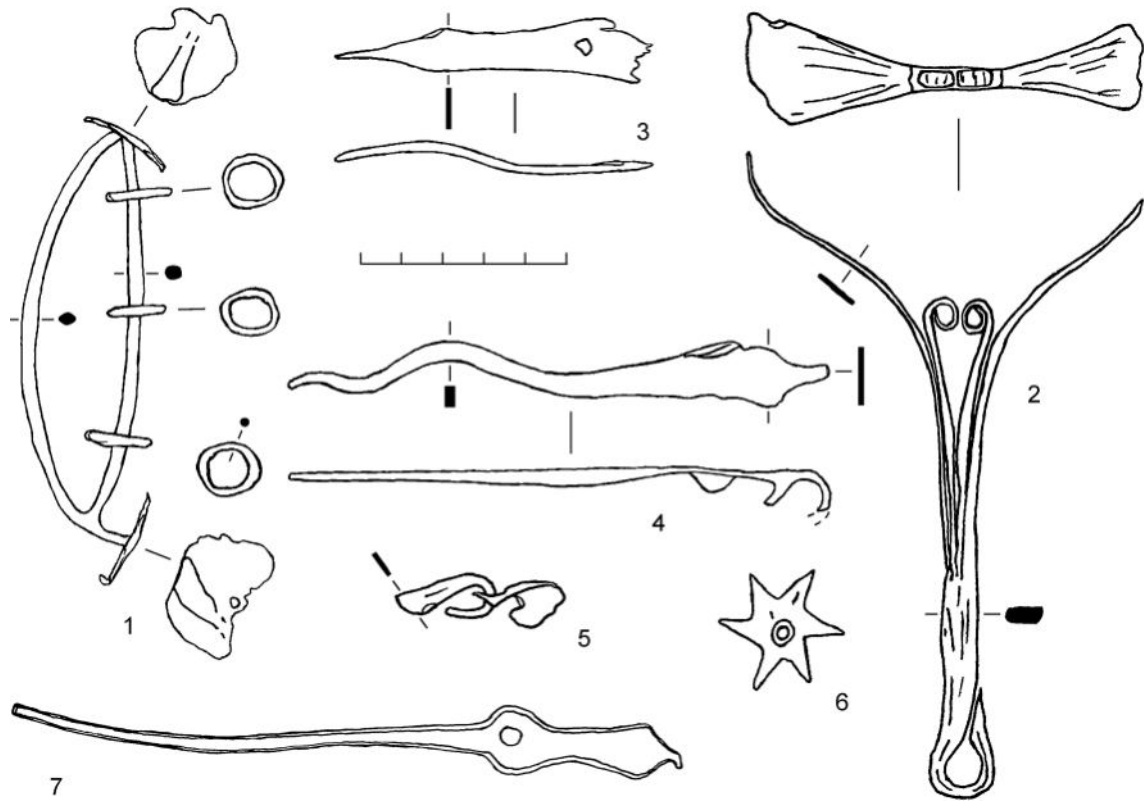

Рис. 4. Комплекс предметов из «клада кузнеца» с городища Хямеенлахти-Линнавуори: 1 — скребница; 2 — ручка ковша; 3 — фрагмент пружины дверного комбинированного внутреннего замка (?); 4 — боевая пружина от ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой; 5 — фрагмент цепи (?); 6 — звездчатое колесико шпоры (случайная находка в окрестностях городища Хямеенлахти-Линнавуори) (1–6 — рисунки К. В. Шмелева); 7 — боевая пружина от ружейного фитильного замка с боковым спуском-кнопкой, Старая Ладога, Земляное городище (по: Миляев 2018: рис. 2, 8б). Все — железо

Fig. 4. “Blacksmith’s treasure” assemblage from the Khyameenlahti-Linnavuori settlement: 1 — groomer; 2 — bailer handle; 3 — latch spring fragment (?); 4 — matchlock spring with lateral push-button trigger; 5 — chain fragment (?); 6 — star-shaped spur rowel (stray find in the environs of the Khyameenlahti-Linnavuori settlement (1–6 — drawings by K. V. Shmelev); 7 — matchlock spring with lateral push-button trigger, Staraya Ladoga, Zemlyanoe Gorodishche (after Миляев 2018: рис. 2, 8б). All of iron

К сожалению, остальные предметы, вместе с которыми был обнаружен описанный выше предмет экипировки стрелка из мушкета, имеют довольно широкие датировки. Все же необходимо кратко их описать для создания наиболее полной картины данного вещевого комплекса, а также примерно определить время сокрытия самого «клада».

Стоит выделить находку, которая так же, как и навершие фуркета, имеет отношение к военному делу. Это железная фигурная удлиненная пластина размерами 129 × 16 мм, до настоящего времени сохраняющая некоторую упругость (рис. 4, 4). Одна сторона данного изделия узкая и вытянутая, имеющая поперечное прямоугольное сечение, на ней присутствуют явные следы деформации. Противоположная часть детали, примерно в одну ее треть, оформлена в виде более тонкой и широкой площадки овальных очертаний. На ее торце находится пластинчатый шип с обломанным острием, изогнутый под прямым углом к плоскости предмета. Данная находка почти наверняка является боевой пружиной

от ружейного фитильного замка с S-видным курком-серпентином и боковым спуском-кнопкой. Деталь крепилась непосредственно к деревянной ложе посредством вбитого шипа, а также крепежного гвоздя или винта, для которого должно быть отверстие в центре расширенной площадки. Однако, видимо, на данной пружине оно скрыто коррозией. Аналогичные находки происходят из раскопок в Москве, Старой Ладого, крепостях Орешек и Ивангород (Миляев 2018: 229, 230, рис. 2, 4–8) (рис. 4, 7). Аркебузы, снабженные подобными механизмами воспламенения заряда, в Европе применялись с конца XV вплоть до начала XVII в. (Мышковский 1965: 188; Бехайм 1995: 321, 322, рис. 509). На территории Московского государства ручные пищали с такими ружейными замками, несомненно, были известны с начала XVI в., но пик их распространения приходится на вторую половину XVI столетия. Судя по всему, последние активные боевые действия, где фитильные ручницы с боковым спуском-кнопкой использовались в сколь-нибудь значительном количестве, происходили в Смутное время (Миляев 2018: 232). Позже немногочисленные сохранившиеся экземпляры этого оружия сохранялись в арсеналах некоторых монастырей и крепостей. Примерами могут служить пищали XVI в. из Соловецкой обители, находящиеся в коллекции ВИМАИВ и ВС (Артиллерийского музея) в Санкт-Петербурге (Маковская 1992: рис. 44–46). Что касается непосредственно Швеции, то на ее территории аналогичные аркебузы, широко распространенные по всей Европе, несомненно, применялись, однако известно, что во второй половине XVI в. они активно вытеснялись ручным огнестрельным оружием с искровыми системами воспламенения заряда. Но в отдаленном регионе, каким для королевства была Карелия, такие ручницы в небольших количествах могли использоваться и в XVII в.

В составе «клада» имеется железное изделие размерами 112 × 37 мм, представляющее собой сваренную из двух стержней подквадратного сечения петлеобразную конструкцию, на концах которой закреплены плоские, сильно деформированные диски (рис. 4, 1). На одном из стержней замкнуто три металлических кольца. Вероятно, первоначально они скрепляли деревянную обкладку, и данная часть предмета выполняла функцию рукояти. Прямые аналогии данному изделию неизвестны, но отметим, что оно напоминает современные скребницы для чистки лошадей, а также некоторые типы данных инструментов, производившихся промышленным способом на рубеже XIX–XX вв. (The “Competition Guide”... 1929: 304). Более точную датировку этой вещи определить затруднительно. Вряд ли она может относиться к XVI в., скорее к XVII или XVIII вв.

Среди находок есть предмет сложной формы, размерами 158 × 95 мм, выкованный из одной заготовки. Изделие представляет собой пластинчатую рукоять прямоугольного сечения с округлой петлей на конце (рис. 4, 2). В верхней части она рассечена на четыре пластины, из которых две внешние боковые плавно отогнуты наружу в разные стороны, а их концы расширены, уплощены и имеют вытянуто-трапециевидные очертания. Края этих ответвлений обломаны и сохранились частично. В свою очередь две внутренние пластины обращены друг к другу и вверху закручены в крупные кольцеобразные волюты. Прямых аналогий данному изделию пока найти не удалось, однако это может быть рукоять сосуда, предположительно, ковша. Вероятно, между ее внешними расширенными ответвлениями посредством пайки закреплялось черпало, изготовленное из листа медного сплава или железа. Следов заклепок или иных крепежных элементов выявить не удалось. Отметим, что описанный предмет датировать можно только широко. Судя по манере изготовления, он может относиться к XVI–XVIII вв.

Кроме описанных выше изделий в коллекции предметов с городища Хямеенлахти есть железная пластина прямоугольных очертаний размерами 76 × 15 мм (рис. 4, 3). Один ее конец обломан, а на противоположной стороне имеется вытянутый узкий треугольный

выступ. Наиболее вероятно, что данная деталь является фрагментом пружины дверного комбинированного нутряного замка. Аналогичные находки имеются, например, в материалах из раскопок Великого Новгорода (Колчин 1959: 89, 91, рис. 75, 3; Кудрявцев 2014: 100, рис. 30, 1–3). Судя по ним, рабочая часть карельского изделия имела продольную прорезь по центральной оси, делившую ее на две параллельные вытянутые прямоугольные пластины. Подобные изделия появились еще в раннем Средневековье и были в обиходе все древнерусское время и позже, в XVI–XVII вв.

Самым незначительным по размерам предметом из «клада» является находка, представляющая собой два обломка железных пластин с округлыми петлями, сочлененные друг с другом (рис. 4, 5). Размеры составных частей изделия 23×12 и 20×11 мм. Вероятно, оно является частью цепи или же мебельной петли. Однако по столь малому фрагменту уверенно утверждать это нельзя.

Принимая во внимание предложенные датировки железных предметов из комплекса, случайно обнаруженного на городище Хямеенлахти, можно указать примерное время его сокрытия. В целом, надо отметить довольно поздний характер некоторых предметов, относящихся скорее к этнографическому периоду, нежели к позднему Средневековью — раннему Новому времени. Хронологический период, когда среди камней на склоне холма были спрятаны эти вещи, предварительно возможно обозначить в рамках XVIII в. Вероятно, это могло произойти в начале указанного столетия и быть связано с событиями Северной войны. Однако данное предположение еще нуждается в дополнительных исследованиях и расширении датирующей базы для предметов позднего Средневековья — Нового времени на территории Северо-Западного Приладожья. Несомненно, что состав «клада кузнеца» формировался длительное время, при этом специально собирались устаревшие, вышедшие из употребления, зачастую сломанные и деформированные предметы. Явно предполагалось их дальнейшее использование в качестве железного лома дляковки новых изделий. Наибольшее значение в данном комплексе имеет редкое для территории России наверхие фуркета, сохранившееся полностью с минимальными утратами. Случай, когда старое оружие и военное снаряжение, возраст которых мог составлять до 50 лет и более, собирались и хранились для последующей переделки, известны в археологии. В качестве примеров можно указать комплекс первой половины XVII в., обнаруженный в ходе раскопок на Биржевой площади в Москве, а также скопление предметов, открытое в постройке начала XVII в. на территории Земляного городища в Старой Ладоге (Векслер, Двуреченский 2000: 172, 173; Милыев 2018: 223). В обоих случаях в составе скоплений были выявлены более ранние обломки деталей вооружения, относящиеся еще к XVI в., сохранявшиеся длительное время в качестве кузнечного лома.

Еще один небольшой штрих к военной истории Северо-Западного Приладожья может добавить отдельная случайная находка звездчатого колесика шпоры, обнаруженного в округе городища Хямеенлахти (рис. 4, 6). Появление деталей данного типа связывается исследователями с использованием развитого конского доспеха в конце эпохи Средневековья. Появившись в XIII в., наибольшее распространение подобные шпоры получают к XV–XVI вв. (Clark 1995: 142, 146).

В заключении необходимо отметить, что описанный в данной работе «клад кузнеца» с городища Хямеенлахти вблизи пос. Куркийоки, несомненно, обогащает наши знания о материальной культуре и военной истории Северо-Западного Приладожья в позднем Средневековье — раннем Новом времени. Этот интересный и разнообразный комплекс подтверждает важность дальнейшего исследования древностей XVI–XVIII вв. на территории Карельского перешейка.

Литература

- Археологические памятники Карелии 2007 — Археологические памятники Карелии: Каталог. Петрозаводск: Стандарт, 2007. 198 с.
- Бехайм 1995 — *Бехайм В.* Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.
- Векслер, Двуреченский 2000 — *Векслер А. Г., Двуреченский О. В.* Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII в. на Китайгородском подворье Троице-Сергиева монастыря // Тр. МИГМ. Вып. 10. М.: ПКФ Аллана, 2000. С. 166–181.
- Ефимов, Рымша 2009 — *Ефимов С. В., Рымша С. С.* Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. СПб.: Атлант, 2009. 384 с.
- Квасневич 2007 — *Квасневич В.* Лексикон старинного огнестрельного оружия. СПб.: Атлант, 2007. 264 с.
- Колчин 1959 — *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // Арциховский А. В., Колчин Б. А. (ред.). Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Из-во АН СССР, 1959. Т. 2. С. 7–120 (МИА. № 65).
- Кудрявцев 2014 — *Кудрявцев А. А.* Замки и ключи в материальной культуре средневекового Новгорода: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2014. Т. 1. 253 с.
- Курбатов 2006 — *Курбатов О. А.* Тихвинское осадное сидение 1613 г. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.
- Маковская 1992 — *Маковская Л. К.* Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков: Определитель. М.: Военное издательство, 1992. 200 с.
- Миляев 2018 — *Миляев П. А.* Находки деталей ручного огнестрельного вооружения второй половины XV — XVI в. из Старой Ладogi и крепости Орешек в свете восточно- и западноевропейских аналогий // АВ. 2018. Вып. 24. С. 218–238.
- Миляев 2020 — *Миляев П. А.* Оружейный семинар Гос. Эрмитажа. Заседание 30 апреля 2020 г. Европейские воинские контингенты в Ладoge и их вооружение по данным археологии и письменных источников (1610–1617 гг.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2020. 56 с.
- Мышковский 1965 — *Мышковский Е. В.* Замки русского огнестрельного оружия XVI–XVII вв. // СА. 1965. № 4. С. 186–198.
- Попов 2003 — *Попов И. А.* К находке фуркета (ружейной сошки) на Заволжском посаде города Твери // Хохлов А. Н. (отв. ред.). Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: Материалы научного семинара. Тверь: Старый город, 2003. Вып. 5. С. 315–322.
- Сакса 2010 — *Сакса А. И.* Древняя Карелия в конце I — начале II тысячелетия н. э. Происхождение, история и культура населения летописной Карельской земли. СПб.: Нестор-История, 2010. 398 с.
- Старков, Державин 2003 — *Старков В. Ф., Державин В. Л.* Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: Научный мир, 2003. 212 с.
- Brzezinski, Hook 1991 — *Brzezinski R., Hook R.* The Army of Gustavus Adolphus: 1 Infantry. Oxford: Osprey Publishing, 1991. 48 p.
- Brzezinski, Hook 1993 — *Brzezinski R., Hook R.* The Army of Gustavus Adolphus: 2 Cavalry. Oxford: Osprey Publishing, 1993. 48 p.
- Clark 1995 — *Clark J.* The Medieval Horse and its Equipment c. 1150 – c. 1450. London: Her Majesty's Stationery Office, 1995. 185 p. (Medieval finds from excavations in London. Vol. 5).
- The “Competition Guide”... 1929 — The “Competition Guide” for the ironmongery & hardware trades. London: Harding, G. & Sons Ltd., 1929. 554 p.
- Essenwein 1877 — *Essenwein A., von.* Quellenzur Geschichte der Feuerwaffen. Facsimilierte Nachbildungen alter Originalzeichnungen, Miniaturen, Holzschnitte und Kupferstiche, nebst Aufnahmen alter Originalwaffen und Modelle. In vier Lieferungen. Viertelieferung. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1877. 65 s.
- Scalini et al. 1996 — *Scalini M., Wackernagel R. H., Eaves I.* L'Armeria Trapp di Castel Coira (Die Churburger Rüstammer). Udine: Magnus Edizioni SpA, 1996. 406 s.

ABOUT THE DISCOVERY OF THE HEAD OF A FOURQUET IN THE NORTHWESTERN LADOGA REGION

P. A. MILYAEV, K. V. SHMELEV

Keywords: *Northwestern Ladoga region, Karelia, late Middle Ages — earlier Modern times, weapons of the XVI–XVII centuries, military equipment, blacksmithing.*

The article describes a find of an iron head of a fourquet (fourquet or furket is a stick support on which the musket rests when firing). Such finds are rare in Russia. The object was accidentally discovered as part of the “blacksmith’s treasure” at the Khyameenlahti settlement near the village of Kurkieki (Karelia). The find is described in detail, analogies are indicated, its dating is specified. According to both archaeological and written records, the object in question can be dated to the end of the XVI–XVII centuries. Close attention is also paid to other iron objects from the complex. The “blacksmith’s treasure” from the Khyameenlahti settlement provides new information about the material culture of the inhabitants of the Northwestern Ladoga region and Karelian Isthmus in the XVI–XVIII centuries.

КОШЕЛЕК С ПРОВОЛОЧНЫМИ МОНЕТАМИ ПЕТРА I ИЗ СОСТАВА ВОИНСКОГО ЗАХОРОНЕНИЯ ГОРОДА АЗОВА¹

К. В. ГОРЛОВ, А. Н. МАСЛОВСКИЙ, П. Н. ЯГЛОВ²

Ключевые слова: Азов, захоронения, копейки, кошелек, Петр I, армия, жалованье, артельные деньги.

В 2011 г. археологической экспедицией Азовского музея-заповедника проводились спасательные раскопки в городе Азове, в ходе которых было исследовано общее захоронение 16 скелетов. Отклонения от погребального обряда и обнаруженный в захоронениях инвентарь позволяют интерпретировать открытый комплекс как братское захоронение русских солдат, составлявших гарнизон Азовской крепости во второй половине 30-х гг. XVIII в. В составе одного погребения был зафиксирован тканевый кошелек, включавший 131 проволочную серебряную копейку, одна из которых чеканена в конце совместного правления Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, а 128 — в период единоличного царствования Петра I. Еще две монеты следует рассматривать в качестве поддельных, изготовленных в ущерб денежного обращения (табл.; рис. 1, 2). Особенности структуры комплекса монет в контексте размера жалованья русских солдат аннинского времени и картины русского денежного обращения в первой половине XVIII в. позволяют интерпретировать найденные в погребении монеты в качестве солдатских артельных денег.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-130-143

Сокрытие русских кладов в XVI–XVIII вв. представляется феноменальным явлением, не имеющим аналогов в истории мировой экономики. Исключительность русского кладообразования связана с его массовостью при вовлечении в данный процесс широких социальных групп. Августин Мейерберг, посетивший Русское царство в начале 1660-х гг., отмечал в своих записках: «Деревенские жители, да и сами дворяне, живущие в своих деревнях и поместьях, обыкновенно зарывают свои нажитые деньги в лесах и полях, по обычаю, заимствованному у предков...» (Мейерберг 1874: 179, 180). Аналогичную информацию сообщил и Джэйлс Флетчер (Флетчер 1906: 54).

К началу XXI столетия исследователи располагали более-менее подробными сведениями о находках примерно 1500–2000 кладов XVI — начала XVIII в. (Бушлякова, Волков 2010: 3). В два последних десятилетия количество зарегистрированных депозитов продолжало стремительно увеличиваться.

¹ К. В. Горловым работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² К. В. Горлов — лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия. А. Н. Масловский, П. Н. Яглов — отдел по обеспечению сохранения и использования объектов культурного наследия, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник; г. Азов, 346780, Россия.

© Горлов К. В., Масловский А. Н., Яглов П. Н., 2023.

По ряду объективных причин только небольшая часть из общего объема кладов русских проволочных монет фиксируется в ходе археологических раскопок. Именно эти комплексы, обладающие достоверной полнотой состава и точной топографической привязкой, рассматриваются в качестве наиболее надежных нумизматических источников³. Депозиты, найденные в ходе изучения культурного слоя, в отличие от случайных находок⁴, наделены и археологическим контекстом, предоставляющим дополнительные данные об условиях формирования и выпадения из оборота монетных комплексов⁵.

В 2011 г. археологической экспедицией Азовского музея-заповедника проводились спасательные раскопки в г. Азове по адресу: ул. К. Либкнехта, д. 66. В ходе работ было исследовано общее захоронение, состоящее из 16 скелетов, залегавших в пять ярусов. Обнаруженный в погребениях инвентарь (пуговицы, нательные кресты, застёжки) позволяет интерпретировать открытый комплекс как братское захоронение русских солдат, составлявших гарнизон Азовской крепости во второй половине 30-х гг. XVIII в.

При расчистке погребения 6 с правой стороны таза скелета был зафиксирован тканевый кошелек, внутри которого находилась 131 русская серебряная проволочная монета. Нумизматические находки сопровождали и погребение 16. Здесь между нижней частью берцовых костей был найден матерчатый кошелек с завязками из тонкого шнура, содержащий шесть медных монет десятирублевой стопы периода правления Анны Иоанновны.

Состав первого кошелька представлен серебряными монетами копеечного номинала, одна из которых чеканена в конце совместного правления Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича, а 128 — в период единоличного царствования Петра I. Еще две монеты из состава комплекса следует рассматривать в качестве поддельных, изготовленных в ущерб денежного обращения (рис. 1, 2). Прототипами для этих фальсификатов послужили, вероятнее всего, копейки Денежных дворов приказа Большой казны 1696–1704 гг. Младший двуденежник в составе комплекса датируется 1717 г. (табл.).

Представленное количественное распределение денежных знаков по эмитентам с минимальным присутствием монет XVII в. характерно для серебряных депозитов, сформированных в первой четверти XVIII в. Такой паритет сложился в результате процесса намеренного вывода казной⁶ из обращения тяжелых монет XVII в. после перехода в 1698 г. к облегченной стопе в 7,20 рублей из гривенки серебра с нормативным весом копейки 0,284 г (Зверев 2005: 247; 2015: 186; 2020: 202–205). Огромные масштабы чеканки, связанные с расходами Северной войны, требовали пополнения сырьевой базы серебра, добыча которого в России на тот момент еще не велась. Решение этой задачи правительство находило в традиционной закупке иностранной серебряной монеты и перечеканке

³ Приходится в очередной раз констатировать, что в последние десятилетия подавляющее большинство депозитов было найдено в ходе незаконных раскопок с применением металлодетекторов, распродано в частные коллекции и оказалось навсегда потерянным для научного изучения.

⁴ Подробнее о термине «случайные находки», например, в публикации В. Н. Седых (Седых 2008).

⁵ Например, благодаря археологическому контексту вместе с особенностями структуры кладов удалось выделить комплексы, составленные из укрытых жалований служилых людей в период Смутного времени (Мельникова 1998: 93, 94, 101; 2003: 98; Горлов и др. 2017; Горлов, Рожнова 2018). Также условия находки позволили интерпретировать скопление русских монет конца XVII — начала XVIII в. в качестве «схрона» для ювелирного производства (Кильдюшевский 2019: 313, 314).

⁶ Идея «обновления монеты» была нехарактерна для русского денежного обращения. Монеты оставались в обороте, пока не изменялись весовые нормативы их производства, даже в случаях наличия в их легендах нелегитимных в народном понимании царей. Основным критерием устойчивости курса монет было содержание в них драгоценного металла (Спасский 1970: 118). Быстрый и массовый выход монет из оборота чаще всего связан с проведением денежных реформ, как правило в установленные сроки. В качестве показательного примера можно привести денежную реформу Елены Глинской 1535–1538 гг. (Мельникова, Дядченко 1994: 7).

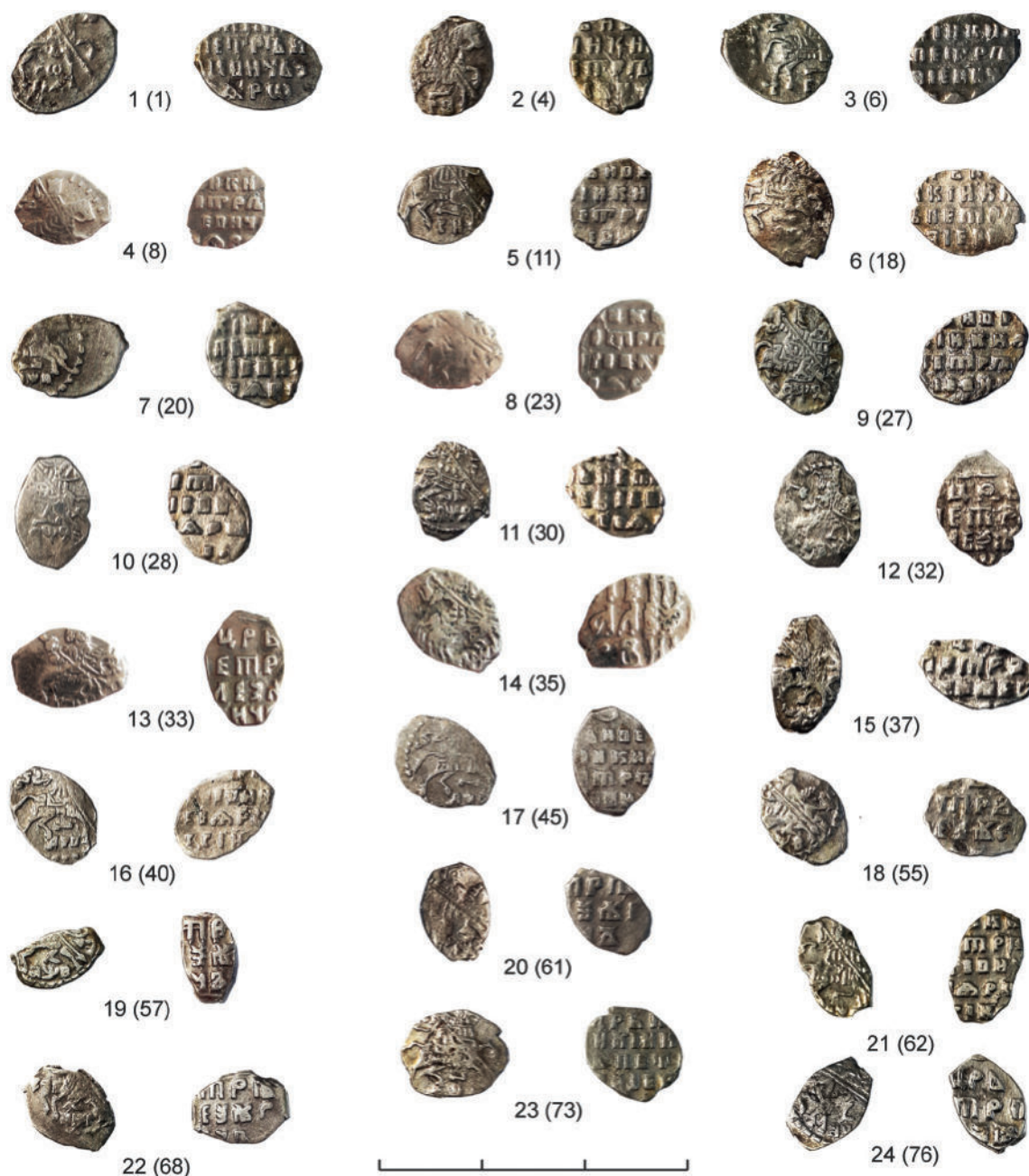

Рис. 1. Копейки эмиссии Ивана V и Петра I из состава кошелька (на рис. 1 и 2 в скобках приведены номера, соответствующие порядковому номеру монет в табл.). 1–24 серебро

Fig. 1. Coins issued by Ivan V and Peter I (Stary and Kadashecsky mints) that were found in the purse (numbers given in brackets on figs. 1 and 2 correspond to ordinal numbers of coins in table 1). 1–24 — silver

старых русских денег в новые пониженного веса. На 1701–1702 гг. приходится время наиболее массовой сдачи сvezенных в Москву «старых» копеек. Максимальная доходность по переделу пришлось на 1702 г. Сырье для передела поступало как от приказов⁷,

⁷ Например, монастырский приказ собирал старые копейки с монастырей. Монеты принимались в соответствии с нормами царского указа, оговаривающего сначала пересчет сдаваемых сумм, а затем прием на вес из расчета не менее 10 фунтов в 100 рублях (Дуров 1980: 15).

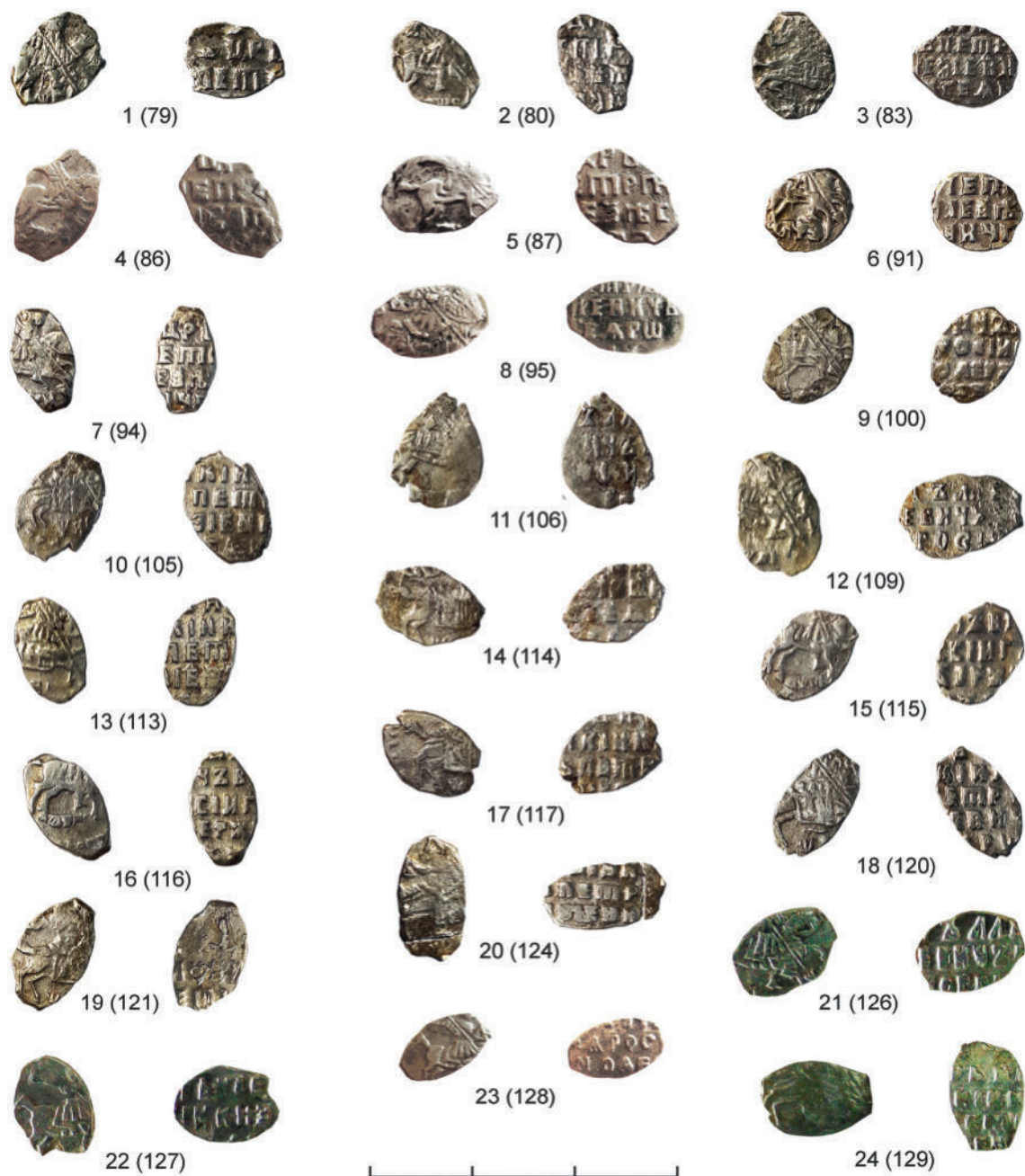

Рис. 2. Копейки эмиссии Петра I из состава кошелька. 1–24 серебро

Fig. 2. Coins issued by Peter I (Stary and Kadashecsky mints) that were found in the purse. 1–24 — silver

так и путем покупки и обмена у населения⁸ (Ширяков 2013: 143; Краснов 2015: 188).

При описании монет из состава азовского клада нами использовалась систематизация И. В. Гришина, В. Н. Клешинова, А. В. Храменкова, представленная во втором издании их

⁸ Население с нежеланием сдавало старые деньги на монетные дворы, так как считало низким размер (10 %) лажа, то есть наддачи, установленной казной. Старые деньги было выгоднее превратить в сырье для изготовления посуды, окладов икон, прочих предметов. Это, в свою очередь, привело к сокрытию значительных сумм. В 1704 г., например, у купцов Шустовых изъяли из тайника 106 пудов старых денег (Юхт 1994: 21).

Таблица. Определение нумизматического материала из состава кошелек, найденного в Азове в 2011 г.

№ пр.	Дата чеканки, г.	Место чеканки, Москва	Дифферент	Тип*	Кол.	Вес, г	№ шифра
1	1696	Московский денежный двор	PO / CIA	1206	1	0,31	96
2-4	1699	Старый денежный двор	C3	1245	3	0,24 (2); 0,25	15, 28, 80
5-7	1699	Старый денежный двор	C3	1247	3	0,24; 0,25; 0,27	6, 88, 92
8-12	1700	Старый денежный двор	CH	1250	5	0,24; 0,25 (2); 0,26; 0,29	25, 58, 107, 113, 118
13	1700	Старый денежный двор	CH	1250 ?	1	0,26	1
14	1700	Старый денежный двор	CH	1251	1	0,20	21
15	1700	Денежные дворы приказа Большой казны	YU	1255 ?	1	0,23	61
16-18	1700	Денежные дворы приказа Большой казны	YU	1256	3	0,23; 0,26 (2)	27, 110, 124
19	1700	Денежные дворы приказа Большой казны	YU	1261	1	0,29	30
20	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUA	1269	1	0,24	100
21	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUA	1270	1	0,24	93
22	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUA	1280	1	0,26	44
23, 24	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUA	1281	2	0,23; 0,26	52, 59
25-28	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUYA	1291	4	0,20; 0,31 (2); 0,32	13, 77, 83, 121
29, 30	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	YUYA	1301	2	0,25; 0,27	54, 115
31	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1437	1	0,20	56
32	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1439	1	0,23	106
33	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1442	1	0,30	24
34, 35	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1447	2	0,22; 0,23	36, 71
36	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1454	1	0,24	85
37	1701	Кадашевский денежный двор	AUA	1459	1	0,29	91
38	1701	Денежные дворы приказа Большой казны	o / M	1309	1	0,27	41
39-41	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1314	3	0,26 (2); 0,27	57, 74, 101
42, 43	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1318	2	0,26; 0,28	3, 38
44	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1326	1	0,27	97
45, 46	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1328	2	0,25; 0,26	112, 116
47	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1330 ?	1	0,21	128
48	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1333	1	0,25	19
49	1702	Денежные дворы приказа Большой казны	YUV	1334 ?	1	0,28	42
50	1702	Кадашевский денежный двор	AUV	1474	1	0,26	37

Таблица, продолжение

№ пр.	Дата чеканки, г.	Место чеканки, Москва	Дифферент	Тип*	Кол.	Вес, г	№ шифра
51	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1487	1	0,26	55
52	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1489	1	0,28	46
53	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1503	1	0,26	20
54	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1507	1	0,27	68
55	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1533	1	0,23	94
56–59	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1560	4	0,24; 0,25; 0,26; 0,28	29, 48, 59, 122
60	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1643	1	0,22	69
61	1702	Кадашевский денежный двор	АУВ	1648	1	0,27	131
62	1703	Денежные дворы приказа Большой казны	ЯУГ	1340	1	0,29	82
63	1703	Денежные дворы приказа Большой казны	ЯУГ	1354	1	0,26	65
64	1703	Кадашевский денежный двор	АУГ	1660	1	0,27	60
65	1703	Кадашевский денежный двор	АУГ	1678	1	0,26	67
66–68	1703	Кадашевский денежный двор	АУГ	1683	3	0,23 (2); 0,27	35, 45, 109
69, 70	1702 или 1703	Денежные дворы приказа Большой казны	ЯУВ / ЯУГ	1321 / 1336	2	0,20; 0,22	18, 34
71, 72	1702 или 1703	Денежные дворы приказа Большой казны	ЯУВ / ЯУГ	1334 / 1355	2	0,23; 0,27	33, 53
73, 74	1704	Денежные дворы приказа Большой казны	ЯУД	1363	2	0,23; 0,24	90, 105
75	1704	Кадашевский денежный двор	АУД	1710	1	0,30	125
76	1704	Кадашевский денежный двор	АУД	1713	1	0,30	87
77	1705	Кадашевский денежный двор	АУЕ	1726	1	0,25	73
78	1705	Кадашевский денежный двор	АУЕ	1730	1	0,23	79
79	1705	Кадашевский денежный двор	АУЕ	1739	1	0,19	119
80	1706	Кадашевский денежный двор	АУС	1755	1	0,21	78
81, 82	1706	Старый денежный двор	АУС	1368	2	0,26; 0,29	64, 84
83	1706	Старый двор	АУС	1370	1	0,22	123
84	1706	Старый двор	АУС	1373	1	0,21	31
85	1707	Кадашевский двор	АУЗ	1760	1	0,19	51
86–88	1707	Кадашевский двор	АУЗ	1763	3	0,25 (2); 0,26	8, 22, 40
89–91	1707	Кадашевский двор	АУЗ	1764	3	0,25; 0,26; 0,32	50, 98, 111
92–94	1708	Кадашевский двор	АУН	1776	3	0,24; 0,25; 0,29	10, 103, 120
95	1709	Старый денежный двор	АУФ	1381	1	0,25	66

Таблица, окончание

№ пр.	Дата чеканки, г.	Место чеканки, Москва	Дифферент	Тип*	Кол.	Вес, г	№ шифра	
96	1709	Старый денежный двор	АУ☉	1382	1	0,25	32	
97	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1804	1	0,29	62	
98	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1788	1	0,26	47	
99	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1789	1	0,21	95	
100	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1792	1	0,26	127	
101	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1813	1	0,26	17	
102	1709	Кадашевский денежный двор	АУ☉	1819	1	0,22	11	
103	1710	Старый денежный двор	АУ	1390	1	0,24	12	
104, 105	1711	Старый денежный двор	УА	1396	2	0,22; 0,24	72, 108	
106	1711	Старый денежный двор	АУА	1835	1	0,21	117	
107–109	1711	Кадашевский денежный двор	АУА	1837	3	0,21; 0,23; 0,24	9, 75, 81	
110	1711	Старый денежный двор	АУА	1838	1	0,23	7	
111	1711	Старый денежный двор	АУА	1840	1	0,25	16	
112–114	1712	Старый денежный двор	УВ	1400	3	0,19; 0,20; 0,26	76, 104, 129	
115, 116	1713	Старый денежный двор	АУГ	1854	2	0,23; 0,26	99, 114	
117	1714	Старый денежный двор	УД	1407	1	0,22	130	
118–120	1715	Старый денежный двор	УЕ	1409	3	0,21; 0,23 (2)	2, 4, 86	
121	1715	Старый денежный двор	УЕ	1414 ?	1	0,23	126	
122, 123	1716	Старый денежный двор	УС	1415	2	0,21; 0,25	39, 70	
124	1716	Старый денежный двор	УС	1417	1	0,23	102	
125	1716	Кадашевский денежный двор?	АУС	1862	1	0,24	63	
126	1716	Кадашевский денежный двор?	АУС	1865	1	0,23	23	
127	1716	Кадашевский денежный двор?	АУС	1866	1	0,18	49	
128	1716 или 1717	Кадашевский денежный двор?	АУС / АУЗ	1868 / 1874	1	0,24	26	
129	1717	Старый двор	УЗ	1420	1	0,22	14	
130	Фальшивая монета, имитирующая копейку Старого денежного двора 1696–1704 гг.							5
131	Фальшивая монета, имитирующая копейку Старого денежного двора 1696–1704 гг.							43

* Типология монет приведена на основании классификации И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова (Гришин и др. 2021).

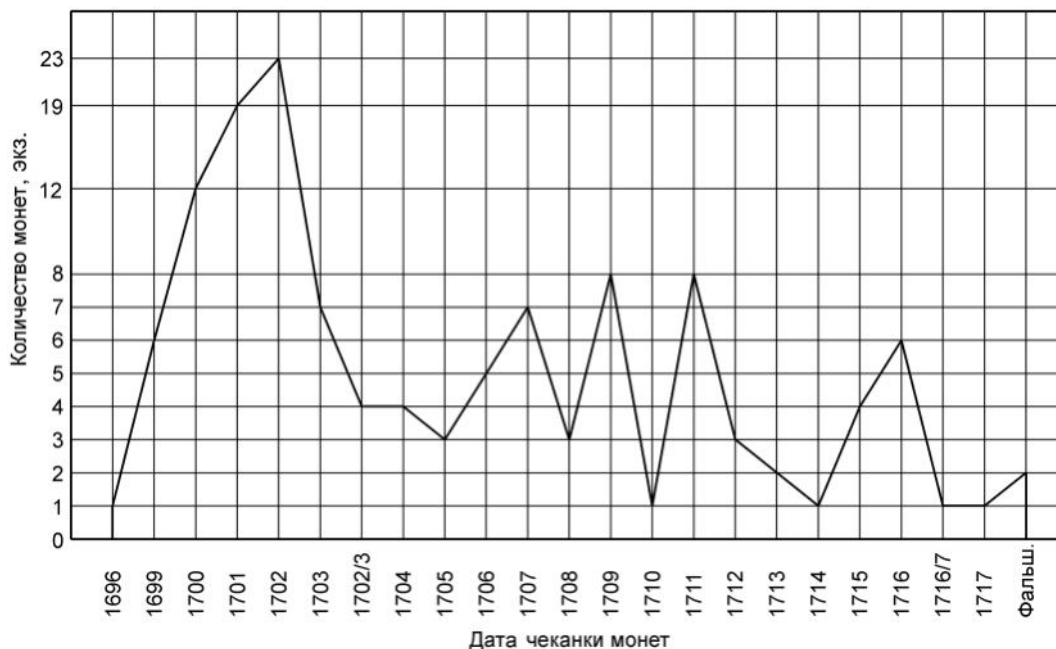

Рис. 3. Диаграмма количественного распределения монет из состава кошелька по датам чеканки
 Fig. 3. Diagram showing the quantitative distribution of coins by the dates of minting

каталога (Гришин, Клецинов, Храменков 2021). При этом для проволочных копеек Петра I учитывались неточности их распределения по денежным дворам, допущенные как в первой⁹, так и во второй публикации каталога (Гришин, Клецинов, Храменков 2015).

В указанных изданиях группа копеек 1700–1704 гг. ошибочно отнесена к продукции Старого денежного двора. Однако в указанное время в Москве действовали еще два денежных двора, входивших в ведение приказа Большой казны и выпускавших проволочные копейки: Новый двор, «что был Земский приказ», и находившийся в Московском Кремле в палатах «под Набережным садом» (Дуров 1978: 41, 42; 1980: 10–12; Зверев 2016: 187, 188; Алексеенко, Зверев 2022: 454–462). Продукция этих трех эмиссионных центров пока не имеет разделения по типам, поэтому при атрибуции обозначена нами как копейки «Денежных дворов приказа Большой казны»¹⁰.

Также при описании азовскогоклада принята в расчет остановка выпуска на Кадашевском дворе в 1711 г. проволочных копеек с последующей передачей маточников и чеканов на Старый денежный двор, где они продолжали использоваться далее, сохраняя за единственным исключением автономность (Зверев 2016: 187, 188). При этом в работе Н. А. Алексеенко и С. В. Зверева указывается, что в 1716–1717 гг. на Кадашевском дворе мог вновь возобновиться выпуск проволочных копеек (Алексеенко, Зверев 2022: 456). Определение таких экземпляров в таблице 1 приведено нами под вопросом.

Количественное распределение монет Петра I из состава рассматриваемого комплекса по датам чеканки показывает доминирование экземпляров 1700–1703 гг. Небольшие

⁹ Отметим, что на ошибки в распределении петровских копеек по денежным дворам в издании 2015 г. указывал С. В. Зверев в статье, вышедшей годом позже (Гришин, Клецинов, Храменков 2015; Зверев 2016: 187, 188). К сожалению, при переиздании каталога И. В. Гришиным, В. Н. Клециновым, А. В. Храменковым эти неточности устранены не были (Гришин, Клецинов, Храменков 2021: 21, 175–178, 230–241).

¹⁰ Ранее данный прием, послуживший примером для настоящей работы, был использован в публикации Н. А. Алексеенко и С. В. Зверева (Алексеенко, Зверев 2022: 454–462).

численные пики также фиксируются у копеек, выпущенных в 1703, 1707, 1709, 1711 и 1716 гг. (рис. 3).

Большое число ранних денежных знаков в составе кошелька объясняется огромными масштабами чеканки именно в 1700–1704 гг., когда она составила 13,1 млн руб. Только один Кадашевский двор в 1701 г. дал копеек на сумму 277 000 руб., в 1702 г. — 2,1 млн руб., в 1703 г. — 962 000 руб. (Дуров 1980: 17; Юхт 1994: 21). До 1617 г. также происходил массовый выпуск серебряных проволочных монет, хотя и в заметно меньших масштабах, нежели в первое десятилетие XVIII в. (Дуров 1980: 18, 19, табл. 3; Юхт 1994: 22, 23; Зверев 2016: 191).

В большинстве случаев даты сокрытия депозитов и прочих монетных комплексов определяются временем, близким годам выпуска поздних экземпляров в их составах (Потин 1993: 171–185). Дата чеканки младшей копейки из рассматриваемого кошелька указывает, что его тезаврация произошла не раньше 1717 г. Однако уверенно связать его выпадение с этим годом не позволяет длительный период бытования «чешуек» после прекращения их производства в 1718 г. (Волков 2009: 165). Не смотря на неудобство использования в качестве расчетных средств денежных знаков ручной чеканки¹¹, они продолжали оставаться в обращении до середины XVIII в., хотя правительство предпринимало неоднократные попытки их изъятия. Только в 1744 г. издается указ, запрещающий оборот «старой» монеты, однако выполнение этого постановления растянулось почти на 10 лет (Сборник указов... 1887: 157, 158, 314–334, 442–444, № 5965, 8948, 10339; Юхт 1986: 39, 40). Главным образом проволочные копейки были востребованы в консервативной крестьянской среде (особенно в районах Заволжья), где серебряные средства расчета предпочитались медным. Даже после 1750-х гг. проволочная копейка кое-где еще сохраняла значение местного платежного средства (Мельникова, Дядченко 1994: 21, 22).

Отсутствие в составе рассматриваемого кошелька количественных пиков у монет с младшими датами чеканки также указывает, что накопление капитала происходило, вероятнее всего, через определенный временной интервал после 1717 г. из денежных знаков, наиболее массово представленных в обращении. Как правило, в структуре депозитов, состоящих из русских проволочных монет, преобладают экземпляры, чеканенные в последние годы перед тезаврацией. Исключением являются комплексы длительного накопления, в состав которых помещали наиболее качественные денежные знаки, часто имеющие значительное временное запаздывание (Быков 1992: 8–10; 2001: 146).

Таким образом, на основании только нумизматического ресурса период формирования состава кошелька и время его попадания в погребальный комплекс определяются широким временным диапазоном 20–50-х гг. XVIII в. Однако в данном случае определение более узких временных рамок формирования и выпадения из обращения рассматриваемой группы монет возможно за счет их обнаружения в комплексе, имеющем независимую от нумизматического компонента датировку. Массовое воинское захоронение, из которого происходят проволочные копейки, вероятнее всего связано со временем нахождения гарнизонов русских войск в Азовской крепости в 1736–1749 гг.¹² Обнаружение останков

¹¹ Голландский купец Иоганн Филипп Кильбургер писал, что русские деньги «...маленькие, скользкие и легко падают через пальцы. Между ними много фальшивых...» (Курц 1915: 154). Немецкий путешественник Адам Олеарий отмечал, что русские монеты очень мелки, что ими трудно вести торг (Олеарий 1906: 127, 128). Петр I с ненавистью называл проволочные монеты «старыми вшами».

¹² Азов был взят русскими войсками в 1736 г. в ходе Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. По мирному договору между Россией и Турцией, подписанному в Белграде 18 сентября 1739 г., Азов подлежал разрушению, а прилегающие к нему земли Северо-Восточного Приазовья в границах, определенных Константинопольским договором 1700 г., получили статус нейтральной и демилитаризованной зоны, служащей «барьерой» между двумя империями.

солдат в братской могиле позволяет предположить, что они могли стать жертвами эпидемии чумы, появившейся в Азове в 1739 г.¹³ (Баиов 1906. Т. 1: 207–229; Т. 2: 272, 273).

С такой датировкой коррелирует и время выпуска двух денег и четырех полушек Анны Иоанновны, ограниченное 1731–1735 гг., из состава кошелька, зарегистрированного в погребении 16. Монеты десятирублевой стопы образца 1730 г. оставались в составе русского денежного обращения до первой четверти XIX в.¹⁴ В настоящее время не выявлены документы 2-й половины XVIII в., регламентирующие порядок изъятия тяжелых полушек и денег из оборота. Только в 1825 г. издается сенатский указ, ограничивающий хождение старой медной монеты до конца года. Именной указ 1826 г. продлевал прием старых денег в подати в течение 1826 г. (Синчук 2013: 158, 159). Отсутствие среди найденных в кошельке медных монет¹⁵ с более поздними датами косвенно указывает на попадание в погребение данного комплекса скорее всего во второй половине 1730-х гг.

Рассматриваемые нумизматические находки из состава двух захоронений следует учитывать в качестве наличных денег, вероятно, нижних чинов гарнизона Азова, хранимых при себе в кошельках в момент смерти¹⁶. Эти находки нельзя связывать с «оболом мертвых»¹⁷, традиция которого прослеживается до начала XX в. (Хухарев 1999). При этом небольшая сумма денег в кошельке из погребения 16, составляющая две копейки медными монетами, кажется обычной. Эти деньги могли предназначаться для мелких расходов. Находка кошелька с серебряными монетами на сумму 1 руб. 31 коп. требует отдельного комментария. Размер и состав кошелька имеют общие черты со структурой русских кладов проволочных монет, сформированных и тезаврированных в первой половине XVIII в. Но считать данную находку депозитом не позволяет условие ее ненамеренного сокрытия. Также здесь не фиксируется специальный вывод из оборота части денежной массы на более-менее длительный срок.

Данные об особенностях довольствования и денежного распределения в русской армии в период правления Анны Иоанновны также помогают уточнить возможные пути формирования состава кошелька с петровскими копейками. Жалованье как офицерам, так и нижним чинам выдавалось по третям при сочетании различных форм денежного и натурального обеспечения. Нижние чины (как в мирное, так и в военное время) получали довольствие деньгами и провиантом (Соловьев 1900: 99–101; Баиов 1906. Т. 1: 35).

Из приведенной И. И. Соловьевым таблицы окладов жалованья по чинам в царствование Анны Иоанновны видно, что рядовой в год мог получать от 5,00 до 11,85 руб.¹⁸

¹³ На это указывают существенные отклонения от погребального обряда, в частности ориентировка двух скелетов головой на север, захоронение одного из умерших в епанче. В могильной яме были обнаружены два крюка, при помощи которых тела покойных перемещали к месту погребения. При расчистке скелетов были зафиксированы серебряные крестик и перстни-печатки.

¹⁴ О факте длительного бытования таких монет говорит их присутствие в составе кладов начала XIX в. (Ремецас, Синчук 2011: 94; Горбань, Малезик 2019: 202).

¹⁵ Эмиссия денег и полуполушек образца 1730 г. на основании стопы в 10 руб. из пуда меди осуществлялась массовыми тиражами до 1754 г.

¹⁶ Находки небольших денежных сумм в виде кошельков в составе захоронений солдат были известны и ранее (Седых 2021: 211, 212).

¹⁷ Этнографические источники предлагают богатый набор функций, которые монеты могли выполнять в составе погребений: разного рода платы (за «спокойное» лежание в земле, преодоление различных преград), своеобразные обереги (от смерти родственников умершего, падежа скота) и прочее (Зеленин 1991: 348; Бузин 2015: 585, 600, 601).

¹⁸ Провиантское довольствие нижних чинов в мирное время определялось следующей годовой дачей: муки — 3 четверти и круп 1,5 четверика. Стоимость продовольствия одного солдата в год составляла 5 руб. 74 коп. (Баиов 1906. Т. 1: 36).

(включая деньги на мясо — 72 коп. и соль — 15 коп.). В гвардейских частях размер довольствия был выше (Соловьев 1900: 124, 125, табл. II). Однако из годового жалования вычитались деньги на медикаменты (1 копейка с рубля), на госпиталь (1 копейка с рубля) и на обмундирование. Последнее взимание было наиболее значительно и составляло от трети до половины солдатского оклада в зависимости от места квартирования части. В ситуации, если из денег, вычтенных на обмундирование, какая-либо сумма по тем или иным причинам оставалась, то она делилась между всеми чинами полка. Также в военное время в заграничном походе нижние чины сверх жалования получали 3 коп. в день (Соловьев 1900: 133, 134; Баиов 1906. Т. 1: 36).

На этом основании можно заключить, что, несмотря на относительно большую величину суммы из кошелька с серебряными монетами, она могла являться частью годового жалования нижнего чина русской армии середины XVIII в. При этом, разумеется, не исключены иные пути формирования данного капитала или, по крайней мере, его части. На это косвенно может указывать присутствие в составе кошелька двух поддельных монет, которые, скорее всего, нельзя было получить из казны.

Также представляется маловероятной ситуация выплаты жалования во второй половине 30-х гг. XVIII в. старыми серебряными петровскими копейками. Как было отмечено ранее, правительство неоднократно предпринимало попытки вывода из оборота проволочных монет, в частности, путем выкупа их у населения. Вероятнее всего, жалование солдатам младших чинов выплачивалось медными денежными знаками, размер эмиссии которых значительно увеличивался в период ведения военных действий.

В качестве иной интерпретации данного комплекса можно предположить, что он мог являться солдатскими артельными деньгами, которые, кроме закупки продовольствия, могли использоваться на общие обеды нижних чинов, покупку и содержание артельных лошадей и повозок. Эти суммы также расходовались на «прокормления волов» и содержание «неспособных людей», т. е. инвалидов. Основными источниками поступлений в артельное хозяйство являлись половина или треть жалований нижних чинов, «экономия» при размещении нижних чинов на жительство, пожертвования местных жителей и заработки нижних чинов (Карпущенко 1999: 177–201).

Такая интерпретация найденного комплекса дает объяснение присутствия в его составе только мелкой серебряной монеты, которая гарантированно, в отличие от денежных знаков из меди, могла быть принята, например, крестьянами, для оплаты каких-либо продовольственных товаров. Не противоречит такой версии и наличие вместе с подлинными монетами фальшивых экземпляров. Однако независимо от предложенной выше интерпретации комплекса уверенно можно заключить, что невостребованным он остался по причине эпидемии чумы в конце 30-х гг. XVIII в.

Таким образом, именно археологический контекст находки двух кошельков позволяет точно определить социальный облик их владельцев, время и пути формирования составляющих их капиталов, а также причины выпадения из обращения и невостребованность впоследствии.

Подчеркнем факт присутствия серебряных проволочных монет петровского времени в среде русской армии периода Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Видно, что помимо крестьянской среды старые «чешуйки» продолжали быть востребованы среди военнослужащих в качестве надежного средства расчета с твердым курсом.

Литература

Алексеевко, Зверев 2022 — Алексеевко Н. А., Зверев С. В. Клад русских копеек XVII — начала XVIII в. из окрестностей г. Тихорецка на Кубани. К вопросу о находках русских монет на территории Крымского ханства // Богданов А. А. (ред.). Деньги в российской истории. Вопросы производства,

- обращения, бытования. Вып. 5: Сб. материалов Пятой МНК (Санкт-Петербург, 13–14 октября 2022 г.). СПб.: Гознак, 2022. С. 454–462.
- Баиов 1906 — *Баиов А. К.* Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны. Война с Турцией в 1736–1739 гг. СПб.: Электротип. Н. Я. Стойковой, 1906. Т. 1: 556 с.; Т. 2: 304 с.
- Бузин 2015 — *Бузин В. С.* Рождение, вступление в брак и смерть в традиционной южно-русской обрядности (Липецкая, Тамбовская, Пензенская области). СПб.: Нестор-История, 2015. 640 с.
- Бушлякова, Волков 2010 — *Бушлякова В. А., Волков И. В.* Тверские клады XVI — начала XVIII в. Вып. 1. Комплексы с сохранившейся кладовой керамикой в собрании Тверского государственного музея. Тверь: Нумизматическая литература, 2010. 80 с.
- Быков 1992 — *Быков А. В.* Клады 30–40 гг. XVII века. Памятники нумизматики в музеях Вологодской области. Вологда: ЛиС, 1992. Ч. 2. 200 с.
- Быков 2001 — *Быков А. В.* «Обол Харона» русских кладбищ второй половины XVII — первой половины XVIII в. (на примере подъемного материала из Вологды) // Калинин В. А. и др. (ред.). Десятая ВНК: ТДиС (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2001. С. 145–146.
- Волков 2009 — *Волков И. В.* Проволочная копейка с датой «1718» // Шиканова И. С., Ширяков И. В. (ред.). Пятнадцатая ВНК: ТДиС (Ростов-н/Д., 20–25 апреля 2009 г.). М.: Нумизматическая литература, 2009. С. 165–166.
- Горлов и др. 2017 — *Горлов К. В., Григорьева Н. В., Лапшин В. А., Травкин С. Н.* Клад русских средневековых монет из Ладожской каменной крепости // *Stratum plus*. 2017. № 6. С. 211–236.
- Горлов, Рожнова 2018 — *Горлов К. В., Рожнова О. В.* Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье // ЗИИМК. 2018. № 18. С. 149–157.
- Горбань, Малежик 2019 — *Горбань П. И., Малежик В. А.* Русская денга 1730–1754 годов выпуска в денежном хозяйстве Речи Посполитой на землях Беларуси // Храменков А. В. (ред.). Монеты России XVIII — начала XX века: Сб. воспоминаний и ст. к 100-летию В. В. Узденикова. М.: Леоп-Арт, 2019. С. 201–212.
- Гришин и др. 2015 — *Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана IV до правления Петра I (1533–1717 гг.). М.: ЛеопАрт, 2015. 629 с.
- Гришин и др. 2021 — *Гришин И. В., Клецинов В. Н., Храменков А. В.* Каталог русских средневековых монет с правления Ивана Грозного до правления Петра Великого. Изд. 2-е, перераб. М.: Леоп-Арт, 2021. 880 с.
- Дуров 1978 — *Дуров В. А.* Очерк начального периода деятельности Кадашевского монетного двора в связи с денежной реформой Петра I // На рубеже двух веков: Из истории преобразований Петровского времени. М.: ГИМ, 1978. С. 40–65 (Труды ГИМ, Вып. 47).
- Дуров 1980 — *Дуров В. А.* Денежные дворы Приказа Большой казны в конце XVII — начале XVIII в. // Шеллов Д. Б. (ред.). Памятники русского денежного обращения XVIII–XX вв. М.: ГИМ, 1980. С. 7–36 (Нумизматический сборник. Ч. 7; Тр. ГИМ. Вып. 53).
- Зверев 2005 — *Зверев С. В.* К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. 2005. Т. 17. С. 219–257.
- Зверев 2015 — *Зверев С. В.* Службы гостей и членов Гостиной сотни на денежных дворах в конце XVII в. // Ширяков И. В. (ред.). Восемнадцатая ВНК: ТДиС (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.: Триумф принт, 2015. С. 185–187.
- Зверев 2016 — *Зверев С. В.* Заключительный этап чеканки серебряных копеек в 1711–1718 гг. // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2016 года: МДиС (Москва, 22, 23 ноября 2016 г.). М.: ГИМ, 2016. С. 186–192.
- Зверев 2020 — *Зверев С. В.* «Старые деньги» как сорт серебряного сырья для денежного дела в конце XVII — начале XVIII в. // Захаров Е. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2020 года: МДиС (Москва, 25, 26 ноября 2020 г.). М.: ГИМ. 2020. С. 202–205.
- Зеленин 1991 — *Зеленин Д. К.* Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
- Карпущенко 1999 — *Карпущенко С. В.* Быт русской армии XVIII — начала XX века. М.: Воениздат, 1999. 366 с.

- Кильдюшевский 2019 — *Кильдюшевский В. И.* Клады из раскопок на Романовой горке в Пскове в 1990 г. // Богданов А. А. (ред.). Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования. Вып. 2. Сб. материалов Второй МНК (Санкт-Петербург, 16–18 октября 2019 г.). СПб.: Гознак, 2019. С. 309–316.
- Курц 1915 — *Курц Б. Г.* Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев: Тип. И. И. Чоколова, 1915. 624 с.
- Краснов 2015 — *Краснов Р. В.* Проект мастера Кадашевского двора Никиты Толмачева 1706 года // Ширяков И. В. (ред.). Восемнадцатая ВНК: ТДиС (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.: Триумф принт, 2015. С. 188–190.
- Мейерберг 1874 — *Мейерберг А.* Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майербергом. М.: Московское общество истории и древностей Российских, 1874. 216 с.
- Мельникова 1998 — *Мельникова А. С.* Служилые люди Василия Шуйского по данным монетных кладов // Очерки феодальной России. 1998. № 2. С. 88–122.
- Мельникова 2003 — *Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: Юнона-Монета, 2003. 200 с.
- Мельникова, Дядченко 1994 — *Мельникова А. С., Дядченко О. С.* Монетные клады. Сводка кладов и сведений о находках с русскими монетами, поступивших в Государственный исторический музей после 1966 г. М.: ГИМ, 1994. 112 с.
- Олеарий 1906 — *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 528 с.
- Потин 1993 — *Потин В. М.* Монеты. Клады. Коллекции. СПб.: Искусство СПб, 1993. 303 с.
- Ремецас, Синчук 2011 — *Ремецас Э., Синчук И. И.* Мелкая российская монета XVIII в. в денежном обращении Великого княжества Литовского // Калинин В. А. (ред.). Шестнадцатая ВНК: ТДиС (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 г.). СПб.: ГЭ, 2011. С. 93–95.
- Сборник указов... 1887 — Сборник указов по монетному и медальному делу в России с 1649 по 1881 г. СПб.: Издание великого князя Георгия Михайловича, 1887. 658 с.
- Седых 2008 — *Седых В. Н.* Случайное как проявление закономерного // Савинов Д. Г. (ред.). Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: Материалы тематической науч. конф. (Санкт-Петербург, 2008 г.). СПб.: СПбГУ, 2008. С. 13–16.
- Седых 2021 — *Седых В. Н.* Находки монет о начальной истории Петербурга // Гайдуков П. Г. (ред.). Двадцать первая ВНК: ТДиС (Тверь, 24–29 мая 2021 г.). Тверь: б. и., 2021. С. 211, 212.
- Синчук 2013 — *Синчук И. И.* 1826 // Ширяков И. В. (ред.). Семнадцатая ВНК: ТДиС (Москва, Пушкино, 22–26 апреля 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 158, 159.
- Соловьев 1900 — *Соловьев Н. И.* Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII столетия (1700–1761). СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1900. 200 с.
- Спасский 1970 — *Спасский И. Г.* Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е, доп. Л.: Аврора, 1970. 256 с.
- Флетчер 1906 — *Флетчер Д.* О государстве русском. Сочинения Флетчера. Изд. 3-е. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1906. 138 с.
- Хухарев 1999 — *Хухарев В. В.* Монеты XV–XX вв. из погребений Тверского края // Беляков А. С. (ред.). Седьмая ВНК: ТДиС (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.). М.: б. и., 1999. С. 161–163.
- Ширяков 2013 — *Ширяков И. В.* О начале медной чеканки на кадашевском монетном дворе // Волков И. В. (ред.). Нумизматические чтения ГИМ 2013 года: МДиС (Москва, 19, 20 ноября 2013 г.). М.: Триумф принт, 2013. С. 242–247.
- Юхт 1986 — *Юхт А. И.* Передел мелкой серебряной монеты в крупную (из истории денежного обращения в России в 20-х — 50-х гг. XVIII в.) // Мельникова А. С. (ред.). Нумизматический сборник. Ч. 9. М.: ГИМ, 1986. С. 26–43 (Тр. ГИМ. № 61).
- Юхт 1994 — *Юхт А. И.* Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М.: Финансы и статистика, 1994. 336 с.

**A PURSE WITH PETER THE GREAT WIRE COINS
FROM A MILITARY BURIAL AT AZOV**

K. V. GORLOV, A. N. MASLOVSKY, P. N. YAGLOV

Keywords: *Azov, burials, kopecks, purse, Peter I, army, salary, artel money.*

In 2011 the Azov Museum-Reserve Expedition carried out rescue excavations at the town of Azov. As a part of this work, a common grave with 16 skeletons was studied. Both the burial inventory and deviations from the usual burial rite allow to interpret this complex as a communal grave of Russian soldiers who served in the Azov fortress in the second half of the 1730es. One of the burials included a fabric purse containing 131 coins of silver wire. One coin was minted at the end of the joint reign of Ivan Alexeevich and Peter Alexeevich, while 128 others date from the time of Peter I individual reign. Two more coins should be considered as spurious (table; fig. 1, 2). The specific traits of the structure of the coin assemblage allow to interpret it as soldiers' artel money.

А. И. КЕЛЬСИЕВ — АРХЕОЛОГ, ЭТНОГРАФ И МУЗЕЙНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА 100 ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)

Р. В. ПАХОМОВ¹

Ключевые слова: А. И. Кельсиев, Политехнический музей, Политехническая выставка 1872 г., Антропологическая выставка 1879 г., Всероссийская промышленно-художественная выставка 1882 г., Императорское Русское техническое общество, Общество распространения технических знаний, Учительский институт Московского округа Министерства народного просвещения, А. Ф. Малинин, Г. Е. Щуровский, А. Н. Величков.

Работа посвящена хранителю учебного отдела Политехнического музея, члену Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, секретарю Общества распространения технических знаний Александру Ивановичу Кельсиеву. Анализируются документы из фонда 100 Политехнического музея, позволяющие раскрыть многогранную деятельность этого ученого как помощника Н. К. Зенгера во время подготовки Политехнической выставки 1872 г., так и в качестве хранителя учебного отдела Политехнического музея с 1880 по 1885 г.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-144-159

Введение

Одним из крупнейших событий в культурной и научной жизни России второй половины XIX в. стала Политехническая выставка, открытая 30 мая 1872 г. Ее организатором выступило Императорское Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (далее — ОЛЕАЭ). Его трудами удалось собрать свыше 10 000 российских и около 2000 иностранных экспонатов, отразивших достижения того времени в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, военного дела, науки, техники и культуры. На их основе в дальнейшем были сформированы фонды и экспозиция Политехнического музея (далее — ПМ). Выставка прошла триумфально. Это была удачная попытка соединить торгово-промышленный смотр с юбилейным показом достижений российской государственности, превратив их во всеобъемлющее научно-образовательное мероприятие, нацеленное на самые широкие слои русского общества (Плешакова 2015: 27).

Работа по организации Политехнической выставки дала путевку в жизнь многим молодым интеллектуалам 1870-х гг. Она выявила в их среде целую плеяду активных личностей, будущих крупных деятелей отечественной науки и культуры. В этом ряду оказался и Александр Иванович Кельсиев — разносторонне одаренный, удивительно трудолюбивый и скромный человек, сумевший за свою короткую жизнь внести ощутимый вклад в развитие отечественной археологии, этнологии и музейного дела.

¹ Исторический факультет, Воронежский государственный университет; Воронежский областной краеведческий музей; г. Воронеж, 394005, Россия.

© Пахомов Р. В., 2023.

А. И. Кельсиев в отечественной историографии: личность и труды

Сведения о раннем периоде биографии А. И. Кельсиева приходится буквально собирать по крупицам. В настоящее время удалось установить, что он родился в семье коллежского асессора, старшего помощника пакгаузского надзирателя Санкт-Петербургской таможни Ивана Ивановича Кельсиева и жены его Ольги Ивановны (урожденной Желудковой). У него было две сестры — Мария и Анна и два старших брата — Василий² и Иван³. Последние вошли в историю как видные деятели народнического движения. Именно это помогло уточнить, из какой среды вышел Александр Иванович (Соловьёв 2010: 44, 45).

В сохранившихся документах самого А. И. Кельсиева сведений о его происхождении практически нет. Правда, в «Записке об основаниях деятельности...» историко-этнографического музея в г. Ростове он вскользь упомянул своих ростовских предков: «В сих чувствах приношу сию лепту, как дань городу, в числе прежних граждан коего почитаю за честь иметь и своих предков» (Кельсиев 1884: 3; Смирнов 2017: 132). Можно предположить, что речь тут идет о достаточно отдаленных предках, которые были ему хорошо известны, либо о родне по матери. Отец — Иван Иванович — родился уже в Петербурге.

О предках Кельсиевых сохранились противоречивые сведения. Одни свидетельства указывают, что род вел начало от мордовских аульских князей, принявших во время правления Екатерины II подданство России. Упоминалось даже имя предка, сделавшего этот шаг, — князь Ютмек Кельсий (Л-ев 1873: 481). По другим данным, род происходил с Кавказа (Соловьёв 2011: 88), однако из-за отсутствия документальных подтверждений право на княжеский титул было утрачено. М. Клевенский подверг сомнению дворянский статус Кельсиевых, поскольку, по некоторым сведениям, дед Василия, Ивана и Александра являлся

² Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) — общественный деятель, публицист, писатель, мемуарист. Первоначальное образование получил в частном пансионе. В 1855 г. окончил Петербургское коммерческое училище. Слушал лекции на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. В это же время стал членом кружка Н. А. Добролюбова. В 1858 г. по условиям контракта, заключенного им с Российско-Американской компанией, был командирован на Аляску. В силу обстоятельств задержался в Англии, где познакомился с А. И. Герценом и Н. П. Огарёвым, стал их сотрудником и порвал контракт с компанией. В 1860 г. В. И. Кельсиев издал ориентированный на широкую российскую аудиторию перевод на русский язык первых пяти книг Ветхого Завета. Спустя два года нелегально приехал в Россию для упрочения контактов с революционными кружками и переговоров с представителями старообрядцев. В 1862 г. переехал в Константинополь для организации транспортировки лондонских нелегальных изданий в Россию. Спустя год, получив должность казак-баши в Тульче, попытался вместе с братом Иваном создать там революционный центр, но они потерпели неудачу. После смерти брата, жены и детей от холеры и тифа в 1864 г. В. И. Кельсиев отходит от революционной работы. Его мировоззрение радикально меняется: свои прежние политические взгляды он воспринимает уже как идеологический и нравственный «тупик». В мае 1867 г. Кельсиев добровольно сдался русским властям. Находясь под арестом, написал автобиографическую книгу «Исповедь», отразившую его мировоззренческий переворот. После непродолжительного ареста был помилован императором Александром II. Сотрудничал в изданиях славянофильского и охранительского направлений. В конце 1860-х гг. активно публиковал этнографические очерки о старообрядческих поселениях в Турции и Австрии. В 1870-х гг. издал ряд популярных исторических статей и романов. Умер под Санкт-Петербургом в 1872 г. (Русские писатели... 1992: 526, 527; Герцен и Огарёв 1955: 159–165; Соловьёв 2010: 13–21).

³ Кельсиев Иван Иванович (1841–1864) — член общества «Земля и воля», политический эмигрант. В 1860 г. окончил Петербургское коммерческое училище, где получил образование в качестве стипендиата Московского приказа общественного призрения. Затем он поступил в это учреждение на службу. Одновременно в качестве вольнослушателя посещал лекции в Московском университете. В 1861 г. принял активное участие в студенческих протестах. Несколько раз подвергался аресту. После побега в 1863 г. эмигрировал в Турцию, где остановился в Константинополе у своего брата Василия. Вместе они пытались сформировать революционный центр в Тульче, но безуспешно. Умер в Тульче от тифа в июле 1864 г. (Кельсиев 1868; Герцен и Огарёв 1955: 219–230).

канцелярским служителем в Шацке (Рязанской губ.) (Клевенский 1941: 252–263). В то же время П. И. Мельников называл его священником (Д. П. 1862: 426). Отец Александра Ивановича благодаря своей службе имел статус личного дворянина (Соловьёв 2011: 88).

Обстановку в доме, где воспитывался А. И. Кельсиев, частично позволяют прояснить мемуары его старшего брата Василия. Из них следует, что отец почти все свое время проводил на службе, мать — в хозяйственных заботах. Однако братьям была доступна довольно богатая отцовская библиотека, включавшая как художественные, так и исторические произведения (Кельсиев 1868: 248–253).

Кое-какие факты биографии А. И. Кельсиева можно собрать в некрологах и энциклопедических изданиях. В «Обзоре жизни и трудов русских писателей, умерших в 1885 г.», изданном Д. Д. Языковым в 1889 г., указано, что А. И. Кельсиев являлся хранителем ПМ, членом ОЛЕАЭ, секретарем учебного отдела Общества распространения технических знаний (далее — ОРТЗ)⁴ и сотрудником Комитета по разбору просящих милостыню. Приведена там и дата смерти ученого — 30 декабря 1885 г. Год рождения в заметке не назван. Те же сведения, но в меньшем объеме приведены в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Языков 1889: 78; Брокгауз, Ефрон 1895: 911).

Высокую оценку Александру Ивановичу дал в своей «Предсмертной записке» В. И. Бутовский⁵, директор Строгановского училища технического рисования⁶ в Москве: «...Покуда я чувствую себя в совершенном уме и памяти, считаю долгом моим указать, что по кончине моей, по моему убеждению, Директором Строгановского училища ... мог бы быть генерал-майор Е. В. Богданович; но если он не пойдет, то служащий в Политехническом музее Александр Иванович Кельсиев. Этот молодой человек на месте Директора училища принесет несомненную пользу всему государству...» (цит. по: Аникович и др. 2010: 105).

Опубликованные некрологи и речи, произнесенные у гроба Александра Ивановича (Титов 1886: 3, 4; Барсов 1886: 2; Богданов 1886: 31, 32), в один голос утверждают, что покойный был многообещающим, талантливым ученым, ценным сотрудником ОЛЕАЭ и ПМ. Согласно тем же источникам, А. И. Кельсиев получил образование и воспитание

⁴ Общество распространения технических знаний (ОРТЗ) было образовано в 1868 г. под покровительством великого князя Алексея Александровича. Его целью являлось содействие в развитии отечественного технического образования. Для ее реализации обществом учреждались школы и мастерские, издавались книги и устраивались библиотеки. Этому способствовали начавшие работу в 1871 г. учебный и фотографический отделы. На базе первого возникло Педагогическое общество Московского университета. В результате деятельности ОРТЗ были открыты: 22 воскресных класса технического рисования (где обучались 1263 учащихся от 8 до 40 лет); одна из первых женских ремесленных школ с 5-летним курсом обучения для девочек; среднее механико-техническое училище электротехнического профиля. Кроме того, общество организовало обширную библиотеку, размещавшуюся в ПМ. После октября 1917 г. оно прекратило свое существование (Бим-Бад 2003: 149).

⁵ Бутовский Виктор Иванович (1815–1881) — русский государственный и общественный деятель, директор Строгановского училища технического рисования (с 1860), член Московского отделения Совета торговли и мануфактур. Служил в Семёновском лейб-гвардии полку, в канцелярии Морского министерства, позднее в Министерстве финансов. С 1868 г. — директор Художественно-промышленного музея им. императора Александра II. В последние годы жизни занимал должность председателя Комитета по сооружению зданий предстоящей в Москве Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. (Аксенова 2002; Шульгина, Пронина 2002: 53, 54).

⁶ Строгановское училище технического рисования — одно из первых учебных заведений художественно-промышленного профиля в России. Основано в Москве 31 октября 1825 г. молодым офицером графом С. Г. Строгановым, известным в будущем коллекционером и меценатом. Целью его создания являлось «доставление ремесленникам и торговым людям возможности улучшать свои изделия при содействии науки и искусства». В 1843 г. граф С. Г. Строганов передал учебное заведение в ведение государства. С 2022 г. — Российский государственный художественно-промышленный университет им. С. Г. Строганова (Шульгина, Пронина 2002).

в Межевом корпусе (Константиновском межевом институте), блестяще окончив его в звании инженера. Там он приобрел солидные знания по топографии и геодезии, которые успешно реализовал в ходе своих антропологических и археологических исследований. Не ограничиваясь ими, Александр Иванович постоянно занимался самообразованием. Талант к освоению новых навыков и неимоверная тяга к творчеству признавались многими его коллегами. В частности, Е. В. Барсов писал: «Сведения антропологические, археологические и по истории искусства приобретены им были уже самоучкой, по своему желанию, что не помешало ему в этих отделах знания высказать свою талантливость и выдающиеся синтетические свойства своего ума» (Барсов 1886: 2).

Как уже говорилось выше, свою профессиональную и научную деятельность Кельсиев начал во время подготовки Политехнической выставки в звании помощника «по экспонентским делам» при Н. К. Зенгере⁷, секретаре ОЛЕАЭ. Его находчивость, кругозор и работоспособность обратили на себя внимание главных организаторов выставки. В связи с этим, после возвращения из заграничного путешествия (см. далее) молодой человек занял место хранителя учебного отдела ПМ. Позднее он принял активное участие в устройстве Антропологической выставки, состоявшейся в 1879 г. С целью сбора экспонатов для нее им было проведено несколько археологических экспедиций и этнографических поездок. Результатами стали, помимо сбора коллекций, целый ряд научных докладов, обзоров и публикаций (Кельсиев 1878а; 1878б).

На Александре Ивановиче всецело лежала работа по подготовке Этнографического отдела Антропологической выставки, включая манекены, бюсты, модели раскопов. Благодаря его трудам были созданы учебные отделы Антропологической выставки и Музея прикладных знаний (он же ПМ) с богатыми и разнообразными коллекциями предметов для обучения. Проводившиеся там циклы публичных лекций назывались «Воскресные объяснения коллекций музея» (Титов 1886: 3, 4; Барсов 1886: 2; Богданов 1886: 31, 32; Смирнов 2017: 132–135). Именно благодаря трудам Александра Ивановича фонды учебного отдела ПМ неуклонно пополнялись, несмотря на «отсутствие всяких регулярных средств» (Никитинский 1898: 43).

Очень большое значение для понимания роли А. И. Кельсиева в научной жизни Москвы того времени имело обнаружение собрания его писем к А. А. Титову⁸ — ростовскому купцу и одновременно историку-краеведу, который благодаря Кельсиеву оказался вовлечен в широкую научно-просветительскую деятельность. Публикация этих писем недавно была осуществлена Я. Е. Смирновым (2017: 131–142). Там же приведен ряд неизвестных ранее биографических сведений об Александре Ивановиче: о знакомстве его

⁷ Зенгер Николай Карлович (1841–1877) — зоолог, секретарь ОЛЕАЭ, хранитель Зоологического музея Императорского Московского университета. Окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (1862). Был смотрителем Зоологического музея университета, с 1867 г. — секретарём ОЛЕАЭ. Принимал активное участие в организации Политехнической выставки. Работал на первых этапах устройства Антропологической выставки (Словарь 1916: 356, 357; Богданов 1886: 16–19).

⁸ Титов Андрей Александрович (1844–1911) — историк-краевед, специалист по древностям Ростова Великого, основатель Ростовского Музея церковных древностей (ныне ФГУК ГМЗ «Ростовский кремль»). Родился в Ростове, в купеческой семье. Получил хорошее домашнее образование. С 1872 г. — гласный Ростовской городской думы. В 1878 г. был избран членом комитета Антропологической выставки. В 1879 г. стал действительным членом ОЛЕАЭ, с 1880 г. — действительным членом МАО. В 1880-х гг. занимался реставрацией Ростовского кремля. Благодаря его трудам 28 октября 1883 г. в Ростове был открыт Музей церковных древностей (исполнял там обязанности товарища председателя). В том же году принят в Императорское Русское географическое общество (РГО). С 1884 г. — сотрудник Археографической комиссии. В 1887 г. избран действительным членом Императорского общества истории и древностей российских. Подробнее об А. А. Титове см.: Смирнов 2015; 2017.

с А. С. Уваровым — главой Московского археологического общества и первым директором Российского исторического музея (далее — РИМ); об участии в создании музея Ростовского кремля и т. д.

Особый интерес у исследователей биографии А. И. Кельсиева всегда вызывали его археологические работы, в частности раскопки верхнепалеолитической стоянки Костёнки 1, слой I⁹ (Воронежская обл.). Этот уникальный памятник была открыт в 1879 г. И. С. Поляковым. Спустя два года А. И. Кельсиев, по поручению РИМ, произвел там новые раскопки. Именно эти работы сделали его имя известным в кругах отечественных исследователей-преисториков и, в сущности, не дали его имени кануть в Лету.

В 1915 г. П. П. Ефименко, в ту пору начинающий палеолитовед, обратился к материалам, полученным в результате первых исследований стоянки Костёнки 1/1, в том числе к коллекции А. И. Кельсиева¹⁰. Петр Петрович подробно описал кремневые материалы, выделив в комплексе типичные формы орудий: нуклеусы, пластинки, скребки разных видов (обыкновенные, вогнутые), проколки, пластинки с оббитым концом, микролитические формы, резцы и острия. Сравнительный анализ материалов в европейском контексте позволил определить основные характеристики памятника и найти ему место в кругу европейских находок. П. П. Ефименко отнес стоянку к «досолютрейской эпохе», указав при этом, что имеющиеся данные пока не позволяют окончательно решить вопрос о ее возрасте (Ефименко 1915).

Раскопки Кельсиева в Костёнках Ефименко оценил невысоко, считая, что «...опубликованные им результаты <...> мало прибавляют нового к тому, что было сообщено Поляковым» (Там же: 14). В дальнейшем, в своей монументальной монографии «Костёнки I» Петр Петрович уточнил, что Александр Иванович «...мало что сообщает относительно обстановки находок на вскрытой им площади, обращая внимание на описание самого собранного им материала, в частности кремневых орудий. Последнее, естественно, в настоящее время почти утратило какой-либо интерес и значение. Однако Кельсиеву принадлежит составление плана усадьбы с нанесением места раскопок (его и Полякова), что дает возможность увязать эти первые раскопки с результатами наших исследований» (Там же: 17).

Схожее мнение по поводу исследований Александра Ивановича отражено и в других статьях и обзорах по палеолиту (Замятнин 1922: 6; Березин 1936: 18, 19; Аникович и др. 2008: 18; Бессуднов 2009: 87), включая коллективную монографию, посвященную 100-летию исследований в Костёнковско-Борщёвском районе (Палеолит... 1982: 7, 8).

Иную позицию сформулировала Н. И. Платонова в своей книге «История археологической мысли» и некоторых совместных публикациях с М. В. Аниковичем и Н. К. Анисюткиным. В них указывалось, что А. И. Кельсиев «наблюдал в Костёнках то же самое, что и И. С. Поляков, однако интерпретировал полученные данные с совершенно иных позиций. Стоянка представлялась ему вообще не поселением, а лишь местом, где палеолитический человек находил себе пищу в виде замерзших туш мамонтов. Места обитания людей той эпохи ученый, в полном соответствии с господствующей традицией, связывал с меловыми пещерами» (Платонова 2010: 143; Аникович и др. 2010: 107). По мнению исследовательницы, «...для своего времени это была, безусловно, интересная, оригинальная идея, подлежавшая обязательной разработке и проверке. „Пионерный“ характер идеи не вызывает

⁹ Костёнки 1 — верхнепалеолитическая стоянка, расположенная на правом берегу Дона, в с. Костёнки. Открыта И. С. Поляковым в 1879 г. По современным данным, слой I, исследовавшийся И. С. Поляковым и А. И. Кельсиевым, относится к костёнковско-авдеевской верхнепалеолитической культуре. В культурном слое зафиксированы остатки сложных жилых комплексов, при строительстве которых применялись кости и бивни мамонта. Детальное описание дано в работах: Ефименко 1958; Палеолит... 1982: 42–62; Аникович и др. 2008: 176–190.

¹⁰ В настоящее время хранится в фондах Государственного исторического музея.

сомнений. Приводя ей обоснования, исследователь закономерно обратил внимание на „отсутствие опаленности“ мамонтовых костей из своих раскопок. Разумеется, с высоты нашего времени, это явление получает вполне правдоподобное объяснение. Ведь „кухонными остатками“ археолог называл то, что служило, в действительности, строительным каркасом землянки или заполнением ямы-хранилища...» (Там же: 108).

В числе других заслуг Александра Ивановича Н. И. Платонова отметила следующие моменты: «Важно и другое замечание А. И. Кельсиева — о том, что на стоянке, в конечном счете, обнаруживаются почти все кости скелета мамонта, и нет оснований говорить об отборе частей, ценных в пищевом отношении... Прямолинейные выводы А. И. Кельсиева о невозможности использования мяса мамонтов в пищу, кроме как в виде строганины, в дальнейшем были заметно скорректированы... Но заслугой ученого можно считать то, что он вообще первым из археологов обратил внимание на особенности слона как промыслового зверя» (Там же: 109).

Из этого следовал вывод: «На том этапе изученности материала, который был достигнут европейской археологией к началу 1880-х гг., кельсиевская реконструкция „древнего быта“ смотрелась вполне убедительно... Любопытно отметить один момент, прозвучавший в докладе Ф. К. Волкова [в 1909 г. — Р. П.]. „...Подобного рода гипотеза, — указывал он, — допускалась уже выдающимися европейскими учеными относительно очень аналогического скопления мамонтов на горе возле Пшедмоста в Моравии и <...> могла бы быть допущена и здесь...“. Таким образом, в подтверждение изложенной точки зрения докладчик апеллировал к авторитетам европейской науки — в данном случае австрийским и чешским. В связи с этим стоит уточнить: научное открытие стоянки Пшедмость (Predmosti) произошло одновременно с открытием Костёнок — в 1879 г. Однако первая серия публикаций о памятнике вышла только в 1886 г. (Й. Ванкель, К. Машка), вторая — в 1894 г. (К. Машка, К. Кршиж). А. И. Кельсиев в 1886 г. был уже в могиле. Между тем его собственная статья с изложением сходной концепции подготавливалась к печати уже в 1882 г., а в 1883 г. вышла в свет. Приоритет русского ученого в данном случае более чем вероятен. Но, так или иначе, в 1909 г. на него никто не ссылался» (Там же: 110, 111).

Наряду с подробным анализом результатов раскопок А. И. Кельсиева в Костёнках в работах Н. И. Платоновой приведены сведения и о других его начинаниях в области археологии и этнографии (сбор материалов по каменным бабам, изучение древнерусских курганных могильников, поездка на Кольский полуостров) (Платонова 2010: 143, 144; Аникович и др. 2010: 105–110; Аникович и др. 2011: 15, 16).

Таким образом, в последние десятилетия удалось прояснить отдельные моменты научной биографии А. И. Кельсиева, включая его организационную деятельность и представления о первобытном человеке. Однако до последнего времени в ней наблюдалось немало белых пятен. Неизвестной оставалась даже дата рождения ученого; о ряде направлений его работы просто не было сведений. Документы из фондов ПМ позволили частично восполнить оставшиеся пробелы.

Материалы о деятельности А. И. Кельсиева в Политехническом музее

На сегодняшний день в ПМ документы, связанные с деятельностью А. И. Кельсиева, хранятся в фонде 100 «Собрание документов по истории Политехнического музея». Они охватывают период с 1872 по 1886 г. и могут быть подразделены на две группы: 1) документы, связанные с работой Кельсиева при Н. К. Зенгере во время подготовки Политехнической выставки 1872 г.; 2) письма, характеризующие деятельность Кельсиева как хранителя учебного отдела ПМ с 1880 по 1884 г.

К первой группе относится всего один документ — отношение Н. К. Зенгера в хозяйственную комиссию Комитета Политехнической выставки под № 13 от 31 марта 1872 г.

В нем Николай Карлович просит сделать распоряжение о выдаче А. И. Кельсиеву суммы в двадцать рублей за работу в канцелярии: «Имею честь покорнейше просить Хозяйственную Комиссию сделать надлежащее распоряжение о выдаче Александру Ивановичу Кельсиеву из сумм наших 20 рублей, причитающихся за деятельность по канцелярии» (ПМ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 16540. № 73). Заметим попутно: одними канцелярскими обязанностями деятельность Александра Ивановича не ограничивалась, иначе он вряд ли получил бы в награду серебряную медаль (см. далее).

Вторая группа включает 12 документов. Первые два представляют собой обращение генерального комиссара Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. А. Б. Бера¹¹ к хранителю учебного отдела ПМ (№ 7227 от 16 ноября 1882 г.) и ответ на него А. И. Кельсиева. В своем сообщении Бер просил хранителя распорядиться доставить ряд коллекций из фондов музея в здание Строгановского училища технического рисования (для дальнейшей отправки в Департамент торговли и мануфактур и Ремесленное училище цесаревича Николая Александровича¹²). Основанием служило распоряжение Комиссии по устройству Всероссийской выставки 1882 г.

В ответ А. И. Кельсиев указал, что большинство требуемых из музея вещей, по разным причинам, не может быть выставлено. Поэтому в училище можно передать лишь некоторые экспонаты: женские рукодельные вещи и столярные изделия, полученные музеем из Кавказского учебного округа. Остальные предметы (издания журналов; модели мебели; сельскохозяйственные орудия; собрания струн, книг, фотографий; копирователи, глобус, часовой регулятор) остаются в ведении учреждения. По поводу ряда вещей, которые не смогли быть экспонированы на выставке, Александр Иванович высказал сожаление. В частности, это касалось «стола с насекомыми и яйцами», присланного из Кавказского учебного округа (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. № 30. Л. 1, 1об., 2).

Третий документ связан с Императорским Русским техническим обществом (далее — РТО) — первым научно-техническим объединением в России¹³. Оно возникло с целью содействия развитию техники и промышленности в России. Для эффективной ее реализации по всей стране открылись отделения РТО, из которых активнейшими являлись Николаевское (открылось в 1869 г.), Киевское, Одесское (1871), Харьковское (1879).

¹¹ Бер Алексей Борисович (1833–1893) — русский государственный и общественный деятель, тайный советник. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Служил в Департаменте мануфактур и внутренней торговли (в 1865–1866 гг. — начальник I отделения Департамента, с 1886 г. — директор). С 1877 г. — управляющий делами Совета торговли и мануфактур Министерства финансов. В 1878 г. заведовал Русским отделом на Венской выставке. Исполнял обязанности генерального комиссара XV Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве (1884) (Список... 1892: 403; Саитов 1912: 207).

¹² Ремесленное училище Цесаревича Николая — училище, основанное в 1875 г. для подготовки мастеров-слесарей. Создано на базе Дома призрения и ремесленного образования в память ушедшего из жизни старшего сына Александра II. Училище послужило основой создания Санкт-Петербургского государственного института точной механики и оптики, а также Балтийского государственного технического университета («Военмех») им. Д. Ф. Устинова. (Алексеева и др. 2015).

¹³ Русское техническое общество было образовано в 1866 г. в Санкт-Петербурге по частной инициативе при поддержке ряда государственных деятелей и промышленников. Его первым председателем выступил А. И. Дельвиг — барон, генерал-лейтенант, сенатор, инженер, мемуарист. Торжественное открытие РТО состоялось 20 ноября 1866 г. В 1874 г. обществу было присвоено наименование Императорского. РТО организовывало мероприятия по различным отраслям промышленности: съезды, публичные лекции и т. д., открывало при фабриках и заводах общеобразовательные школы. При нем функционировали ремесленные училища. РТО продолжало свою работу до 1929 г. Вместо него в 1931 г. были организованы инженерно-технические общества (Всесоюзное общество «Знание» и Общества новаторов и изобретателей) (Рыжков 2013: 67, 68).

Средствами для достижения указанной цели признавались: содействие в развитии технического образования; чтения, совещания и публичные лекции о технических предметах; расширение теоретических и практических сведений посредством периодических и других изданий; предложение к разрешению технических вопросов, особенно интересующих отечественную промышленность с назначением премий и медалей за лучшее их решение; организация выставок мануфактурных и заводских изделий; исследование заводских и фабричных материалов; учреждение библиотеки, химической лаборатории и технического музея; посредничество между техниками и лицами, нуждающимися в их услугах; содействие к сбыту малоизвестных произведений; ходатайство перед Правительством о принятии мер, способных оказать полезное влияние на развитие технической промышленности в России (Русское техническое общество 1909: 1, 2).

Собственно, в рамках их осуществления на средства общества к 1873 г. и был организован ПМ, в здании которого стали проводиться всевозможные съезды, крупные совещания и различные выставки организации. Между отделениями РТО и ПМ поддерживалась постоянная связь. В частности, осуществлялся обмен изданиями (Рыжков 2013: 68; Федосова 2013: 133).

В фондах ПМ хранится письмо представителя Харьковского отделения Императорского РТО Ивана Фесенина, адресованное хранителю учебного отдела (то есть А. И. Кельсиеву). В нем сообщается, что Фесенин направил в ведение хранителя экземпляр «Записок Русского технического общества» в ответ на просьбу последнего оказать содействие в этом деле (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16513. № 82).

Помимо РТО, А. И. Кельсиев переписывался с канцелярией Московского учебного округа по вопросу о присылке в ПМ учебников, составленных преподавателями округа. Сохранилось письмо от 27 сентября 1882 г. под № 8661, представляющее собой ответ канцелярии на такой запрос со стороны Александра Ивановича. В нем указано, что хранителю учебного отдела следует обратиться со встречным письмом-отношением к попечителю Московского учебного округа Павлу Алексеевичу Капнисту¹⁴ (Там же. № 167).

Следующий документ напрямую свидетельствует о сотрудничестве между ПМ и Учительским институтом Московского округа Министерства народного просвещения¹⁵. Связующим звеном между ними являлся А. И. Кельсиев.

Московский учительский институт возник в 1872 г. и просуществовал 45 лет. За весь период своей деятельности он внес серьезный вклад в дело обеспечения начальной школы России преподавательскими кадрами. Возглавил его в 1872 г. Александр Федорович Малинин¹⁶, совмещавший этот пост с должностью директора учебного отдела ПМ. Таким

¹⁴ Капнист Павел Алексеевич (1842–1904) — русский государственный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил в Министерстве юстиции, Московской судебной палате. В 1880–1895 гг. являлся попечителем Московского учебного округа и университета (Андреев, Цыганков 2010: 297, 298).

¹⁵ Московский учительский институт — среднее специальное учебное заведение, созданное по положению от 31 мая 1872 г. для подготовки преподавателей училищ. В него принимались лица всех сословий и званий от 16 до 22 лет. Обучение продолжалось три года. Слушателями изучались предметы курса городских училищ, а также педагогические дисциплины (педагогика, психология, дидактика). Институт прекратил свое существование в 1917 г. (Саввина 2012; 2014).

¹⁶ Малинин Александр Федорович (1834–1888) — русский общественный деятель. Окончил физико-математический факультет Московского университета, служил по линии Министерства народного просвещения. В 1870 г. возглавил Тульскую гимназию и все начальные училища губернии. В 1872 г. назначен директором Московского учительского института, занимал эту должность 15 лет. Под его руководством институт выпустил более 300 учителей для городских училищ. Был автором популярных учебников по математике и физике. Умер 24 февраля 1888 г. от порока сердца (Памяти... Малинина 1888: 16–27; Саввина 2012; 2014).

образом, Малинин являлся непосредственным начальником А. И. Кельсиева. В его письме, адресованном в Комитет ПМ и хранящемся в архиве под № 48 от 19 января 1884 г., сообщается о переговорах с учебным отделом ОРТЗ, проведенных в декабре 1883 г. Переговоры велись о совместной организации специальной комиссии, целью которой должно было стать дальнейшее расширение педагогических музейных коллекций.

Ведущую роль Александра Ивановича в этом деле подтверждает сам А. Ф. Малинин: «...постоянное сотрудничество г. Кельсиева в настоящее время, при начале деятельности Комиссии оказывается, по моему мнению, особенно необходимым». Однако в том же письме упоминается о сокращении содержания хранителя учебного отдела музея (*sic!*). Хотя, по мнению Александра Федоровича, содержание следовало бы сохранить в прежнем объеме, по крайней мере на 1884 г.: «В ответ на вопрос, полученный мною от г. Секретаря Музея, имею честь уведомить Правление, что при обстоятельствах, изложенных в письме хранителя Учебного Отдела г. Кельсиева к г. Председателю Комитета, и в записках об его ученой деятельности, я со своей стороны не вижу повода предлагать ухудшение его положения в Музее...» (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 1. Л. 1, 1об.; Саввина 2014: 20, 21). Таким образом, налицо стремление Комитета ПМ сократить расходы на учебный отдел.

Еще раньше, 8 декабря 1883 г., сам А. И. Кельсиев в ответ на действия Комитета ПМ обратился к Григорию Ефимовичу Щуровскому¹⁷ — одному из создателей музея и товарища его почетного председателя в Москве. Отправляя ему список своих научных заслуг, Александр Иванович написал следующее: «Г. директору учебного отдела А. Ф. Малинину и мне также было передано частным образом, что Комитет Политехнического музея предполагает сократить в будущем расходы на Учебный Отдел, имея в виду, главным образом, жалование хранителя отдела. Уменьшение жалования кому-либо после его продолжительной службы есть во всяком учреждении, научном и ненаучном, факт очень редкий, — и Комитет утвердит его, конечно, при достаточных основаниях. С разрешения Вашего превосходительства имею честь представить прилагаемую краткую записку для сведения при обсуждении вопроса. Я заочно готов на всякие жертвы для Музея если они урегулируются меж всеми служащими. В случае же [если] решение Комитета будет неблагоприятно только для меня, имею честь почтительно просить Вас продлить мою службу при Музее до лета для устройства личных дел и завершения предпринятых трудов по этому» (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 3. Л. 1, 1об.).

Бумаги А. И. Кельсиева были переданы Г. Е. Щуровским в Правление музея для рассмотрения, что подтверждается его письмом от 14 декабря 1883 г., где тот просил Д. А. Наумова¹⁸ прочесть и обсудить их на очередном заседании (Там же. № 2).

¹⁷ Щуровский Григорий Ефимович (1803–1884) — известный русский геолог, первый профессор геологии и минералогии Московского университета, один из основателей ОЛЕАЭ и его президент, первый председатель ПМ. Родился в Москве в мещанской семье, учился в гимназии при Воспитательном доме. Окончил медицинский факультет Московского университета в 1826 г. В 1829 г. защитил диссертацию *De erysipetale* на степень доктора медицины. Спустя год занял должность адъюнкта по кафедре естественной истории на медицинском факультете Московского университета, а в 1835 г. — профессора минералогии и геологии. Совершил два больших путешествия на Урал (1840) и Алтай (1844). Собранные во время их коллекции послужили основанием геологических и минералогических фондов Московского университета. В 1863 г. возглавил ОЛЕАЭ. При его президентстве Обществом были организованы Всероссийская этнографическая выставка 1867 г., Политехническая выставка 1872 г., Антропологическая выставка 1879 г., Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г. (Богданов 1884: 150–203; Райков 1965).

¹⁸ Наумов Дмитрий Алексеевич (1830–1895) — общественный и земский деятель, вице-президент Московского общества сельского хозяйства, председатель правления ПМ, директор сельскохозяйственного отдела музея. Окончил юридический факультет Московского университета (1852). В 1871 и 1872 гг. занимался сбором и систематизацией сельскохозяйственных коллекций

Просьба продлить службу при музее до середины 1884 г. выглядит достаточно странно на фоне вполне успешной предшествующей деятельности. Как можно предположить, ставку, занимаемую Кельсиевым, кому-то из хозяйственников очень не терпелось «оптимизировать». Или еще хуже: зная о каком-то тяжком недуге сотрудника и полагая, что уже скоро он не сможет исполнять свои обязанности должным образом, хозяйственный комитет поторопился сократить ему содержание. С полной достоверностью определить причины произошедшего нельзя. Ясно одно: в результате этих действий ученый попал в очень затруднительное положение. Именно поэтому он был вынужден напомнить о своих заслугах.

Для биографа А. И. Кельсиева список его научных заслуг представляет особую ценность. Он дает возможность проследить различные аспекты жизни и деятельности Александра Ивановича в период с 1872 до 1883 г. Все приведенные в нем сведения подтверждены материалами, имевшимися у хранителя учебного отдела.

Согласно этой записке, на тот момент (декабрь 1883 г.) А. И. Кельсиеву исполнилось 37 лет, что позволяет, наконец, определить год его рождения — 1846. Из этого можно сделать вывод: он был младшим сыном у родителей и в силу разницы в возрасте мало общался в детстве со своими революционно настроенными братьями. Свой научный путь он начал в марте 1872 г., когда вступил в ОЛЕАЭ и поступил в подчинение секретаря Политехнической выставки Н. К. Зенгера. За свои труды во время организации данного мероприятия Александр Иванович получил большую серебряную медаль Общества.

Далее, с июня 1872 до 1874 г. он работал преподавателем и воспитателем в различных учебных заведениях Москвы. От каждого из этих учреждений в ПМ поступили одобрительные отзывы, поэтому можно сделать вывод, что и в этом направлении деятельность Александра Ивановича была успешной.

В период с 1874 по 1875 г. исследователь находился в путешествии (на собственные средства) по Германии и Франции, с целью осмотра научных и художественных коллекций и учреждений. С осени следующего года он возобновил работу в ОЛЕАЭ. Вскоре, при покровительстве Н. К. Зенгера, его зачислили на должность хранителя учебного отдела ПМ при годовичном содержании в 1000 руб. В этой должности он и оставался до 1883 г. включительно.

ПМ немало был обязан Александру Ивановичу. В бытность хранителем он принял непосредственное участие в организации учебного отдела Антропологической выставки 1879 г. и научно-учебной группы Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г., что позволило привлечь крупные пожертвования частных лиц и учреждений. Благодаря А. И. Кельсиеву для хранения коллекций были изготовлены три новых стола, семь витрин, двенадцать шкафов. Пространство расширилось для размещения предметов в три раза. К 1883 г. были составлены систематические каталоги картин для библиотеки отдела, а списки собранных изделий переработаны. В итоге Кельсиев выстроил работу отдела вполне успешно (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 1, 1об., 2).

Судя по сохранившимся документам, с 9 ноября 1878 г. хранитель учебного отдела ПМ активно сотрудничал с Московской комиссией народных чтений и участвовал во многих ее инициативах, в частности, в организации публичных лекций и детских праздников, за что получал письменные благодарности (Там же. Л. 3, 4).

Помимо всего перечисленного, у хранителя имелось немало других обязанностей, которые он ответственно исполнял. Александр Иванович дежурил в отделе четыре раза

для Политехнической выставки. После создания ПМ стал председателем его правления. Являлся членом комитета Антропологической выставки 1879 г., распорядителем отдела кустарной промышленности Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. В 1883 г. он был избран вице-президентом Общества сельского хозяйства, а через год утвержден в должности товарища почетного председателя ПМ. После стал директором сельскохозяйственного отдела музея. Вышел в отставку в 1893 г. (Наумов 1899).

в неделю, регулярно посещал заседания правления и комитета Музея, участвовал в воскресных «объяснениях» по поводу музейных предметов. Последнее подтверждается подготовленным им документом, под названием «Таблицы учебного отдела, изображающие небесные светила и системы для первоначального ознакомления с устройством Солнечной системы». Эти «Таблицы...» представляют собой описание астрономической коллекции, состоящей из глобуса, механизма по изучению сплющивания земного шара, астрономических таблиц (фазы Луны, поверхность Солнца, вид лунного рельефа, планеты), модели Везувия. С их помощью подробно описывалось устройство Солнечной системы. За шесть лет Кельсиевым было зачитано 16 подобных сообщений с освещением различных коллекций музея (Там же. Л. 2об., 3об., 17–21об.).

Еще в феврале 1877 г. хранитель учебного отдела стал действительным членом ОЛЕАЭ. К тому моменту началась организация Антропологической выставки, направленной на представление общественности отечественных и зарубежных достижений в антропологии, археологии и этнографии. Предстояло собрать материалы для формирования отделов, эффективно организовать их работу. Этим и занялся Александр Иванович. С мая 1877 г. в течение двух с половиной лет он как член Комитета по организации Антропологической выставки совершил три экспедиции, в ходе которых были собраны крупные коллекции. В записке не отражены сведения о местах исследования, но публикации самого Александра Ивановича и заметка А. П. Богданова позволяют уточнить этот момент. Согласно им, в 1877–1879 гг. ученый совершил поездку к лопарям и осуществил раскопки памятников в Ярославской и Тверской губерниях. Коллекции, полученные в результате этих исследований, поступили в антропологический и этнографический отделы выставки. За свои труды А. И. Кельсиев получил председательский жетон¹⁹ (Там же. Л. 3об., 4; Кельсиев 1878а; 1878б; Богданов 1886: 31, 32).

Важным достижением Александра Ивановича стало устройство научно-учебной группы Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г. За это он удостоился от министра финансов Н. Х. Бунге денежной награды. Кроме того, за выставленное им пособие по древней истории Александр Иванович получил диплом второго разряда, соответствующий серебряной медали (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 4об.).

Записка от 8 декабря 1883 г., в дополнение к письмам, позволяет проследить связь А. И. Кельсиева с различными научными обществами. Исходя из нее, 8 марта 1878 г. ученый был избран в члены-корреспонденты, а с 17 февраля 1882 г. — в действительные члены Императорского Московского археологического общества (МАО). По его заданию Александр Иванович провел две командировки с научными целями — в 1882 г. для исследования курганов по р. Сити и в 1883 г. для изучения памятников близ дер. Митиной (Историческая записка... 1890: 64, 65). В ходе их были собраны значительные коллекции археологических предметов. В 1881 г. от Управления Императорского Российского исторического музея он осуществил экспедицию в южную Россию (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 4), в ходе которой провел раскопки на стоянке Костёнки 1/1 и изучил 33 «каменные бабы», обнаруженные в Екатеринославской и Кубанской областях (Кельсиев 1883; 1887).

В период с 1878 по 1883 г. Александр Иванович активно участвовал в разных организационных комиссиях общества и его заседаниях, представляя там свои рефераты по результатам исследований. Осенью 1883 г. по поручению Императорского МАО А. И. Кельсиев разработал подробную программу занятий и проектов Устава церковно-исторического музея Ярославской губернии в г. Ростове. Она была утверждена обществом, а составитель избран в члены Комитета учреждения. Тогда же Александр Иванович стал действительным

¹⁹ Памятный знак участника Антропологической выставки 1879 г., предоставляемый в благодарность за содействие в ее организации.

членом Общества распространения технических знаний. В записке указаны научные съезды, в которых он принимал активное участие: два «антропологических» (Съезд ученых-антропологов в Москве во время Антропологической выставки 1879 г. и VI Съезд русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге в 1880 г.), а также V Археологический съезд в Тифлисе в 1881 г. (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 4, 5).

Помимо составления археологических и этнографических коллекций, участия в съездах А. И. Кельсиев формировал собрания бытовых предметов того времени, в частности детских игрушек. В документе под названием «Коллекция детских игрушек» Александр Иванович описал ряд изделий подобного рода, хранящихся в фондах ПМ на момент 1878 г.: шерстяные цветные мячики; деревянные шары, цилиндры и кубы; треугольники; лучины; спички и железные дуги; бусы; коврики из разноцветных полосок; булавки для выкалывания рисунков; палочки для рисования; средства для лепки; головоломки; куклы; складные домики; аршин для измерения величин комнат; микроскоп; призмы; барометр; музыкальные инструменты; военные игрушки (лук и стрелы, бумеранг). По мнению ученого, эти предметы помогают развить у ребенка наблюдательность, внимание, творческие навыки. Одновременно они дают возможность изучить физические свойства тел и определенные модели поведения. Отдельно хранителем учебного отдела выделялись игры и занятия, положительно влияющие на детей: крокет, лапта; фехтование; верховая езда; катание на коньках. Что касается представленных в стеллажных коллекциях игральные карты, лото и рулеток, то они к разряду детских игрушек причисляться не должны (Там же. Л. 9–16об.). Помимо игрушек, фонды пополнялись детскими изделиями, изготовленными из бумаги (дар письмоводителя 3-й Московской гимназии А. Н. Величкова). Изучив эти предметы, Александр Иванович принял их на хранение, что подтверждает его письмо руководству музея (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16531. № 75. Л. 1–2).

Помимо расширения музейных фондов, А. И. Кельсиев занимался поиском письменных источников по истории России. С ноября 1880 г. он собирал рукописи из пяти московских и двух зарубежных архивов для альбома известного историка искусства В. В. Стасова под названием «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и Нового времени»²⁰, с большим атласом. Кроме того, ходатайства А. И. Кельсиева способствовали совершенствованию существовавших тогда пособий по истории, географии и искусству (ПМ. Ф. 100. Оп. 2. Д. 16514. № 4. Л. 3, 4об.).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что документы из фондов ПМ представляют важные сведения о биографии А. И. Кельсиева и его деятельности по целому ряду направлений. Среди них можно выделить следующие.

I. Археологическое. Изучение разновременных памятников и находок (в том числе предметов каменного века и раннего Средневековья), обнаруженных на территории Российской империи.

II. Этнографическое. Исследования народов Севера (лопарей).

III. Музейное:

- 1) развитие учебного отдела ПМ;
- 2) комплектование музейных фондов;
- 3) организация воскресных лекций и народных чтений;
- 4) сотрудничество с научными обществами и учреждениями (ОЛЕАЭ, РТО, ОРТЗ, МАО, канцелярией Московского учебного округа, Учительским институтом Московского округа Министерства народного просвещения, Московской комиссией народных чтений);

²⁰ Альбом был подготовлен В. В. Стасовым на основе исследований русского и восточного орнамента в рукописях VI–XIX вв. Материал собирался в течение 25 лет из российских и зарубежных музеев и библиотек. Первое полное издание вышло в 1887 г. за счет государственного казначейства из средств Министерства финансов (Стасов 1887).

- 5) поиск письменных источников по истории России;
 6) участие в организации ведущих выставок в Москве (Политехнической — 1872 г., Антропологической — 1879 г., Всероссийской художественно-промышленной — 1882 г.).

Заключение

К 1884 г., коим датируется последний документ из собрания, А. И. Кельсиев успел проявить себя как талантливый организатор, этнограф и археолог — активный собиратель и исследователь древностей. Результаты его работы были достаточно высоко оценены тремя учреждениями — ОЛЕАЭ, МАО и ПМ, на благо которых Александр Иванович продолжал трудиться вплоть до своей безвременной кончины.

Судя по сохранившимся документам, в 1885 г. Кельсиев еще продолжал работать в музее, хотя и не вполне понятно, на каких условиях. Как член МАО и хранитель учебного отдела ПМ он продолжал сотрудничать с Ростовским музеем церковных древностей и лично с А. А. Титовым (Смирнов 2017: 220–226). Кроме того, Александр Иванович работал в составе редакционного комитета по изданию «Древностей» МАО (Протоколы... 1886: 31, 36, 57; Протоколы... 1888: 8). 30 апреля 1885 г. им были зачитаны протоколы Комиссии по сохранению древних памятников МАО — о результатах осмотра Покровского собора в Москве. 30 октября того же года он доложил о новом труде В. В. Стасова «Фотографические и фототипические коллекции Императорской публичной библиотеки».

Осенью 1885 г. рабочая активность Кельсиева резко снижается. Несомненно, причиной явилась обострившаяся хроническая болезнь, не оставлявшая надежды на излечение. О последнем свидетельствует его сохранившееся письмо к Е. В. Барсову от 2 мая 1885 г.: «...Сегодня нам утверждают духовное завещание. Один из свидетелей занят и не может приехать. Жена и ее отец поручают мне просить Вас, как совершенно постороннего человека, не отказать быть у нас сегодня в шесть часов для надписи в качестве свидетеля. Кроме Вас будут еще трое» (ГИМ. Ф. 450. № 17. Л. 88).

Духовные завещания оформлялись на случай кончины, связанной или с возрастом, или с тяжелым заболеванием. Александру Ивановичу на момент составления завещания было 39 лет. Но, вероятно, он уже осознавал, что конец близок, и решил заранее распорядиться своим имуществом.

Ученый скончался в Москве 30 декабря 1885 г. Представляется уместным завершить очерк о нем словами его многолетнего начальника, основателя российской антропологии А. П. Богданова: «Кельсиев, по свойствам своего характера, не мог замкнуться в определенные рамки одной какой-либо отрасли, и душа его жаждала все новых впечатлений, стремилась к новым кругозорам. Это был художник в полном смысле слова, со всеми страстными и переменными порывами, свойственными такому характеру...» (Богданов 1886: 32).

Источники и литература

ГИМ. Ф. 450. № 17. Письмо А. И. Кельсиева Е. В. Барсову от 2 мая 1885 г.

ПМ. Ф. 100.

Оп. 1.

Д. 16540. № 73. Отношение секретаря Политехнической выставки Н. К. Зенгера в хозяйственную комиссию от 31 марта 1872 г. с просьбой оплатить А. И. Кельсиеву работу в канцелярии.

Оп. 2.

Д. 16513. № 30. Письмо генерального комиссара Всероссийской промышленно-художественной выставки 1882 г. в Москве А. Б. Бера хранителю учебного отдела Политехнического музея А. И. Кельсиеву от 16 ноября 1882 г. с просьбой доставить предметы в дом Строгановского училища технического рисования. № 82. Письмо Харьковского отделения Императорского Русского технического общества А. И. Кельсиеву от 15 ноября 1883 г. о высылке экземпляра «Записок».

- № 167. Письмо правителя канцелярии попечителя Московского учебного округа А. И. Кельсиеву от 27 сентября 1882 г. по поводу приобретения учебников преподавателей Московского учебного округа.
- Д. 16514. № 1. Письмо директора Учительского института Московского учебного округа Министерства народного просвещения А. Ф. Малинина в правление Политехнического музея с просьбой сохранить без изменения содержание А. И. Кельсиева от 19 января 1884 г. № 2. Письмо сопроводительное первого председателя Политехнического музея Г. Е. Щуровского Д. А. Наумову к письму и списку ученых заслуг А. И. Кельсиева от 14 декабря 1883 г. № 3. Письмо А. И. Кельсиева Г. Е. Щуровскому от 8 декабря 1883 г. по поводу сокращения расходов на учебный отдел и с просьбой продлить его службу в отделе до лета 1884 г. № 4. Список ученых заслуг А. И. Кельсиева.
- Д. 16531. № 75. Письмо титулярного советника и письмоводителя гимназии А. Н. Величкова от 27 мая 1880 г. о направлении в Политехнический музей списка вещей, сделанных из бумаги его 12-летним сыном, и ответ А. И. Кельсиева.
- Аксенова 2002 — *Аксенова Г. В.* Первый директор Строгановского училища // Московский журнал. 2002. № 12. С. 2–8.
- Алексеева и др. 2015 — *Алексеева С. И., Ботт И. К., Егоренкова О. В.* 140 лет Ремесленному училищу цесаревича Николая. Страницы истории, найденные в архивах. СПб.: Аграф+, 2015. 504 с.
- Аникович и др. 2008 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Палеолит Костёнковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 304 с.
- Аникович и др. 2010 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы // *Stratum plus*. 2010. № 1. С. 99–136.
- Аникович и др. 2011 — *Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Платонова Н. И.* Человек и мамонт в Восточной Европе: подходы и гипотезы. Вып. 1. Историография, методология, основные проблемы. СПб.: Нестор-История, 2011. 128 с.
- Андреев, Цыганков 2010 — *Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.* Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. М.: Изд-во РОССПЭН, 2010. 894 с.
- Барсов 1886 — *Барсов Е. В.* Речь пред гробом А. И. Кельсиева // *Современные известия*. 1886. № 18. С. 2.
- Бессуднов 2009 — *Бессуднов А. А.* История изучения палеолита бассейна верхнего и среднего Дона // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: история, политология*. 2009. № 9 (64). С. 86–96.
- Березин 1936 — *Березин Н. И.* Справочник по палеолиту СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 74 с.
- Бим-Бад 2003 — *Бим-Бад Б. М.* Педагогический энциклопедический словарь. М.: Изд-во БРЭ, 2003. 528 с.
- Богданов 1884 — *Богданов А. П.* Воспоминание о Григории Ефимовиче Щуровском // *Русский вестник*. 1884. № 5. С. 150–203.
- Богданов 1886 — *Богданов А. П.* Воспоминания об умерших деятелях о сотрудниках Общества Любителей Естествознания по устройству антропологической выставки // *Богданов А. П. (ред.). Антропологическая выставка (1879 года)*. М.: Тип. А. А. Карцева, 1886. Т. 4, ч. 2. Стб. 9–42.
- Брокгауз, Ефрон 1895 — *Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.* Энциклопедический словарь. СПб. Типолитография И. А. Ефрона, 1895. 495 с.
- Герцен и Огарёв 1955 — *Герцен и Огарёв / В. В. Виноградов (гл. ред.). Литературное наследство*. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 62. 899 с.
- Д. П. 1862 — *Д. П. [Мельников П. И.]* Новые подвиги наших лондонских агитаторов // *Русский вестник*. 1862. Т. 40. С. 425–438.
- Ефименко 1915 — *Ефименко П. П.* Костёнковская палеолитическая стоянка // *Ежегодник Русского антропологического общества*. 1915. Т. 5. С. 13–26.
- Ефименко 1958 — *Ефименко П. П.* Костёнки I. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 452 с.
- Замятнин 1922 — *Замятнин С. Н.* Очерки по доистории Воронежского края. Воронеж: Тип. 1 отделение автономного управления, 1922. 16 с.
- Историческая записка... 1890 — *Историческая записка о деятельности Императорского Московского археологического общества за первые 25 лет существования*. М.: Синодальная типография, 1890. 438 с.

- Кельсиев 1868 — *Кельсиев В. И.* Пережитое и передуманное. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 443 с.
- Кельсиев 1878а — *Кельсиев А. И.* Поездка к лопарям. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. 13 с.
- Кельсиев 1878б — *Кельсиев А. И.* Раскопки, произведенные в Ярославской и Тверской губерниях в 1878 году. М.: Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1878. 16 с.
- Кельсиев 1883 — *Кельсиев А. И.* Палеолитические кухонные остатки в с. Костёнках Воронежского уезда // *Древности*. 1883. Т. 9, № 2–3. С. 154–180 (Тр. Императорского МАО).
- Кельсиев 1884 — *Кельсиев А. И.* Записка об основаниях деятельности и проект устава Историко-этнографического музея в г. Ростове Ярославской губернии. М.: Русская типолитография, 1884. 12 с.
- Кельсиев 1887 — *Кельсиев А. И.* О каменных бабах // П. С. Уварова (ред.). Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1887. С. 76–80.
- Клевенский 1941 — *Клевенский М.* Вступительная статья к «Исповеди» В. И. Кельсиева // Лебедев-Полянский П. И. (отв. ред.). Литературное наследство. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. 41–42. С. 252–264.
- Л-ев 1873 — *Л-ев В. В. И.* Кельсиев // *Нива*: журнал литературы, политики и современной жизни. 1873. Т. 8, № 31. С. 481–483.
- Наумов 1899 — Дмитрий Алексеевич Наумов. Биографический очерк. М.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1899. 70 с.
- Никитинский 1898 — *Никитинский С. Я.* Обзор деятельности Учебного Отдела за 25-летие Музея // Двадцатипятилетие Музея прикладных знаний в Москве. М.: Русская типолитография, 1898. С. 43–54.
- Памяти... Малинина 1888 — Памяти Александра Федоровича Малинина. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1888. 64 с.
- Палеолит... 1982 — Палеолит Костёнковско-Борщёвского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука, 1982. 285 с.
- Платонова 2010 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.
- Плешакова 2015 — *Плешакова О. Д.* Книжные знаки в собрании Политехнической библиотеки. Кн. 1. М.: Политехнический музей, 2015. 256 с.
- Протоколы... 1886 — Протоколы заседаний Императорского Московского археологического общества // *Древности*. 1886. Т. 11. № 2. С. 28–74 (Тр. МАО).
- Протоколы... 1888 — Протоколы заседаний Этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете // Тр. Этнографического отдела Императорского ОЛЕАЭ при Московском университете. 1888. Кн. 8. С. 1–37.
- Райков 1965 — *Райков Б. Е.* Григорий Ефимович Щуровский. Ученый, натуралист, просветитель (1803–1884). Л.: Наука, 1965. 73 с.
- Русские писатели... 1992 — Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. М.: Научное издательство БРЭ, 1992. Т. 2. 639 с.
- Русское техническое общество 1902 — Русское техническое общество. Устав Императорского Русского технического общества с приложением инструкции Томскому отделению. Томск: Паровая типолитография П. И. Макушина, 1902. 22 с.
- Рыжков 2013 — *Рыжков С. Д.* История создания Русского технического общества // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2013. № 4. С. 67–73.
- Саввина 2012 — *Саввина О. А.* Малининский институт (к 140-летию со дня основания Московского учительского института) // *Педагогика*. 2012. № 8. С. 89–94.
- Саввина 2014 — *Саввина О. А.* Директора Московского учительского института (1872–1917). Краткие биографические сведения // *Московский журнал*. 2014. № 9 (284). С. 20–27.
- Саитов 1912 — *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1912. Т. 1. 740 с.
- Словарь 1916 — Русский библиографический словарь / Шумигорский Е. С., Курдюмов М. Г. (ред.). Петроград: Тип. Главного управления уделов, 1916. Т. 7. 588 с.
- Соловьёв 2010 — *Соловьёв К. А.* Общественно-политические взгляды и деятельность В. И. Кельсиева (1835–1872): Дис. ... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2010. 393 с.
- Соловьёв 2011 — *Соловьёв К. А.* Василий Кельсиев: путь интеллигента в революцию // *Новый исторический вестник*. 2011. № 2 (28). С. 88–97.

- Список... 1892 — Список гражданским чинам первых трех классов. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1892. 650 с.
- Стасов 1887 — *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и Нового времени. СПб.: Картографическое заведение А. А. Ильина, 1887. 156 с.
- Смирнов 2015 — *Смирнов Я. Е.* Андрей Александрович Титов. Ярославль: Издательский дом «Ярослав Мудрый», 2015. 72 с.
- Смирнов 2017 — *Смирнов Я. Е.* «Вы не изменяете себе и носите в груди воспламененное сердце...». Письма А. И. Кельсиева, А. А. Титова (публикация, исследование, комментарии) // Сообщения Ростовского музея. 2017. № 22. С. 130–228.
- Титов 1886 — *Титов А. А.* Ростов-Великий, 3 января 1886 // Ярославские губернские ведомости. 1886. № 3. С. 4.
- Федосова 2013 — *Федосова И. В.* Деятельность инженерно-технических кружков в высших учебных заведениях Украины (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Академии знаний. 2013. № 4. С. 133–136.
- Шульгина, Пронина 2002 — *Шульгина Е. Н., Пронина И. А.* История Строгановского училища. 1825–1918. М.: Русское слово, 2002. 336 с.
- Языков 1889 — *Языков Д. Д.* Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. Русские писатели, умершие в 1885 году. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. 154 с.

A. I. KELSIEV — ARCHAEOLOGIST, ETHNOGRAPHER AND MUSEUM WORKER (BASED ON THE MATERIALS OF FOND 100 OF THE POLYTECHNIC MUSEUM)

R. V. PAKHOMOV

Keywords: *A. I. Kelsiev, Polytechnic Museum, Polytechnic Exhibition of 1872, Anthropological Exhibition of 1879, All-Russian Industrial and Art Exhibition of 1882, Imperial Russian Technical Society, Society for the Distribution of Technical Knowledge, Moscow Teachers' Institute of the Ministry of National Education, A. F. Malinin, G. E. Shchurovsky, A. N. Velichkov.*

The work is devoted to the custodian of the Educational Department of the Polytechnic Museum, a member of the Society of Devotees of Natural Science, Anthropology, and Ethnography, a secretary of the Society for the Distribution of Technical Knowledge Alexander Ivanovich Kelsiev. The analysis of documents from fond 100 of the Polytechnic Museum allows to reveal the multisided activity of this scholar.

СКЛАД ДРЕВНОСТЕЙ В СОСТАВЕ РАИМК/ГАИМК. ИСТОРИЯ НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ (1919–1930 ГОДЫ)¹

К. В. КОНОНЧУК, Д. С. ФИЛИМОНОВА²

Ключевые слова: *Склад древностей, РАИМК, ГАИМК, Научный архив, археологические коллекции, история археологии.*

Статья посвящена истории Склада древностей. Это научно-вспомогательное учреждение функционировало в составе Академии истории материальной культуры с 1919 по 1930 г. Анализ документов из Научного архива ИИМК РАН позволил установить причины его создания, описать кадровый состав, а также выделить три этапа в истории функционирования Склада древностей. Установлено, что подразделение создавалось для систематизации и последующей передачи в музеи археологических коллекций, поступивших в разряды Академии из Археологической комиссии. Кадровый состав Склада древностей включал: заведующего, хранителя и двух-трех регистраторов. Ранний этап деятельности Склада древностей (до 1924 г.) характеризуется массовым поступлением коллекций из разрядов РАИМК. На втором этапе (с 1925 г.) среди принятых в Склад древностей предметов преобладают материалы, полученные в ходе экспедиций сотрудников Академии. Одновременно становится более интенсивной работа по передаче коллекций на постоянное хранение в музеи. На последнем этапе своего существования (с середины 1928 г.) Склад древностей испытывает серьезный кадровый кризис, и к концу весны 1930 г. его расформируют. Оставшиеся на хранении в ГАИМК коллекции вплоть до середины 1930-х гг. распределяет по музеям специально созданная Комиссия по ликвидации Склада древностей.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-160-169

История Склада древностей, функционировавшего в структуре РАИМК/ГАИМК с 1919 по 1930 г., крайне отрывочно отражена на страницах научных изданий. Наиболее информативные сообщения относятся к 1920-м гг. (Отчет о деятельности... 1926: 20; 1929: 23, 26, 31). В публикациях современных исследователей упоминания Склада древностей связаны в основном с историей археологических коллекций, хранившихся в его составе (Рябкова 2014: 205; Сутягина 2020: 337; Медведева 2021: 126; Смирнов 2021: 93, 94 и др.). Отдельные работы содержат лаконичные биографические справки, посвященные сотрудникам данного подразделения (Тункина 2011: 449; 2016: 30; Бобровская, Алёшкин 2013: 365, 391).

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Развитие методики учета, хранения, научного описания и актуализация археологических коллекций, находящихся на хранении в ИИМК РАН» (FMZF-2022-0017).

² К. В. Конончук, Д. С. Филимонова — лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Конончук К. В., Филимонова Д. С., 2023.

Документы, сопровождавшие работу Склада древностей, собраны в фондах Научного архива ИИМК РАН. Среди этих материалов выделяется «Отчет о деятельности Склада древностей», написанный в 1929 г. Е. П. Столицей по итогам десятилетней работы подразделения. Данный текст можно назвать первой попыткой критического осмысления истории Склада древностей. Автор отчета выделяет причины создания Склада древностей, приводит сведения о кадровом составе, регламенте работы и основных результатах деятельности подразделения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69–71). Критический анализ этого документа в совокупности с данными из других архивных материалов позволил подготовить обзорную публикацию, посвященную основным вехам истории Склада древностей.

Общие положения Устава РАИМК 1919 г. включали параграфы, согласно которым Академия осуществляла сбор, сохранение и распределение между государственными музеями предметов «...древности, искусства и старины и народного быта...» (Устав РАИМК 1919: 3, 4). Для выполнения этих задач был сформирован Склад древностей. В упомянутом «Отчете о деятельности Склада древностей» сообщается, что подразделение создавалось для упорядочивания работы с археологическими коллекциями, ранее хранившимися в Императорской археологической комиссии. В ходе ликвидации Археологической комиссии эти материалы были распределены между разрядами Академии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69). Название «Склад древностей», вероятно, позаимствовали из практики Императорской археологической комиссии. Известно, что в 1888 г. на территории Херсонесского городища в Севастополе открылся «Склад местных древностей Императорской археологической комиссии», где хранились предметы, найденные в ходе изучения памятника. Часть материалов со Склада местных древностей регулярно отправлялась в Императорскую археологическую комиссию, откуда они передавались в собрания Императорского Эрмитажа и Исторического музея (Императорская археологическая... 2019: 771, 772).

Структура Склада древностей описана в уставах Академии 1919 и 1926 гг. В этих документах Склад древностей отнесен к категории вспомогательных (с 1926 г. научно-вспомогательных) учреждений. Управлял работой подразделения заведующий складом, избранный из числа членов Академии. В его подчинении находился хранитель, который отвечал за целостность вверенных ему древностей. Работы по описи, классификации и регистрации поступающих в Академию предметов осуществляли регистраторы и научно-технические сотрудники (Устав РАИМК 1919: 17, 29; Устав ГАИМК 1926: 8, 14, 15).

Кадровый состав Склада древностей никогда не превышал пяти сотрудников. Помимо заведующего, который осуществлял общее руководство, в подразделении работали один хранитель и несколько регистраторов. До конца июля 1928 г. Склад древностей возглавлял Ученый секретарь Академии Борис Владимирович Фармаковский (Кругликова 1970: 8). С осени 1928 г. обязанности заведующего Складом древностей перешли к Ивану Ивановичу Мещанинову (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 64).

На должности хранителя Склада древностей с 18 октября 1920 г. по 1 октября 1929 г. работала Надежда Эрастовна Успенская. В момент назначения в Склад древностей Н. Э. Успенской исполнилось 58 лет, и она имела 32-летний стаж научной работы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 3, 4). Вероятно, столь существенный опыт Н. Э. Успенская получила, участвуя в экспедициях своего мужа — выдающегося византиниста Ф. И. Успенского (Тункина 2004: 744; Цыпкина 2021: 117). На должности хранителя Склада древностей Н. Э. Успенская занималась составлением отчетов, смет, каталогов, а также делала записи в книге поступлений (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 65).

Вплоть до 1923 г. в составе Склада древностей находились два регистратора. В апреле 1920 г. по рекомендации Б. В. Фармаковского на эту должность была принята Анастасия

Петровна Манцевич — студентка факультета общественных наук Петроградского государственного университета. Однако сразу после окончания университета в июле 1924 г. А. П. Манцевич перевели на место регистратора в Разряд археологии Скифии и Сарматии (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 407. Л. 2об., 5, 10). Впоследствии А. П. Манцевич продолжила работу в Государственном Эрмитаже и стала крупным специалистом в области древней истории Северного Причерноморья (Пиотровский, Смирнова 1987: 3). Вторым регистратором с 25 октября 1920 г. являлась Анастасия Осиповна Григоль (с 1929 г. она фигурирует в документах под фамилией Солнцева). Информация о данном сотруднике ограничена сведениями, приведенными в трудовом списке, из которого следует, что она родилась в 1900 г., получила среднее образование и на момент 1927 г. имела шесть лет трудового стажа (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 62. Л. 3).

В 1923 г. количество регистраторов, положенных Складу древностей, возросло до трех. Именно тогда в штат подразделения была принята студентка общественно-педагогического отделения Ленинградского государственного университета Мария Петровна Румянцева. Уже в процессе работы в Складе древностей М. П. Румянцева поступила в аспирантуру при РАИМК и добровольно исполняла обязанности секретаря в Разряде археологии средневекового Запада и эпохи Возрождения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 575. Л. 1–4). Именно в этот разряд по ходатайству его заведующего Д. В. Айналова перевели М. П. Румянцеву в июле 1928 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55. Л. 7).

В июне 1924 г. в число регистраторов Склада древностей была зачислена Елизавета Петровна Столица. Сведений о данном сотруднике крайне мало. Из трудового списка известно, что родилась Е. П. Столица 1 мая 1874 г. Высшее образование она получила довольно поздно, закончив в октябре 1918 г. Петроградский 1-й высший педагогический институт. В 1918 г. Е. П. Столица стала научным корректором Российской государственной археологической комиссии, в октябре 1920 г. она была переведена на должность регистратора в Разряд археологии Древнего Востока, где и работала до своего назначения в Склад древностей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 303. Л. 3, 4). С осени 1929 г. Е. П. Столица исполняла обязанности хранителя Склада древностей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 76).

Непродолжительное время в Складе древностей работала выпускница Государственного института истории искусств София Павловна Мизуч. Она была принята в подразделение на место научно-технического сотрудника с 8 октября 1929 г. (Там же), однако уже 1 января 1930 г. ее перевели на аналогичную должность в фотографический отдел (Там же. 1930 г. Д. 62. Л. 1). С. П. Мизуч могла также работать в Складе древностей в качестве практикантки в период между 1926 и 1929 гг., по крайней мере об этом упоминается в заявлении, написанном от ее имени в Правление ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 433. Л. 3).

В обязанности регистраторов и научно-технических сотрудников входила работа по разбору, описанию и систематизации предметов. За каждым специалистом были закреплены определенные коллекции. А. П. Манцевич работала с материалами, найденными на территориях «...Новгорода, Вологды, Перми, Самарканда и Кавказа (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 407. Л. 5об.)», позднее ее заменила Е. П. Столица (Там же. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69). М. П. Румянцева составляла каталог раскопок в Ольвии за 1898–1915 гг. (Там же). Несколько отличались трудовые обязанности А. О. Григоль, которая занималась в основном технической работой, связанной со склеиванием сосудов, изготовлением витрин, закреплением предметов на таблицах (Там же. Л. 65).

Анализ кадрового состава подразделения позволяет сделать некоторые предварительные выводы о системе распределения обязанностей и принципах подбора персонала. Заведующий Складом древностей осуществлял контрольные функции, подбирал кадры и определял основные направления деятельности. Руководил работой подразделения хранитель. Н. Э. Успенская, занимавшая эту должность около девяти лет, имела неоконченное

высшее образование, однако за ее плечами был большой опыт работы с археологическим материалом. Она также имела широкий круг знакомств в научной среде, что облегчало работу с многочисленными разрядами Академии. Среди регистраторов и научно-технических сотрудников преобладали студентки и выпускницы ленинградских вузов. Часть из них (А. П. Манцевич, Е. П. Румянцева), вероятно, рассматривали Склад древностей как «ступеньку» в научной карьере. Для Е. П. Столицы, получившей высшее образование после 40 лет, и А. О. Григоль, имевшей только среднее образование, Склад древностей стал кульминационной точкой карьеры в Академии.

Переданные в Склад древностей предметы после описания и систематизации вносились в книгу поступлений (Там же. Л. 69). Также сведения о принятых на Склад древностей коллекциях содержатся в «Указателе к Книге Поступлений Склада Древностей». Этот документ, датированный 1930 г., состоит из двух перечней коллекций, принятых в Склад древностей с 1919 по 1922 г. и с 1925 г. Помимо краткого описания коллекций, снабженного информацией о месте, времени и авторстве археологических работ, в указателе приведены сведения о перечне инвентарных номеров, присвоенных предметам при регистрации. Напротив некоторых коллекций имеются рукописные пометки о передаче в фонды других музеев (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64).

Книга поступлений — не единственный документ, отражающий передвижение коллекций. Идентичные сведения можно найти в ежегодных отчетах о работе Склада древностей и в актах приема-передачи предметов. Ряд отчетов содержит таблицы, в которых по годам (с 1919 по 1928) расписаны количественные показатели, касающиеся поступивших на хранение и переданных в музеи предметов (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69–71). Для упрощения процесса поиска информации о коллекциях хранитель Склада древностей вел три карточных каталога: географический, именной и систематический (с 1929 г.) (Там же. Л. 69). Самих каталогов среди архивных материалов обнаружить не удалось, однако сохранилось изображение нескольких инвентарных карточек (рис. 1), представленных на одном из стендов «Выставки результатов работ Академии истории материальной культуры», открытой 8 ноября 1927 г. (Девель 1929: 217).

С 1919 по 1924 г. в «Указателе к Книге Поступлений Склада Древностей» преобладают записи о коллекциях, собранных в разрядах Академии. Большинство этих материалов было получено в ходе работ Императорской археологической комиссии, однако среди поступлений также фиксируются коллекции из музея Русского археологического общества, собрания графа А. А. Бобринского (Тихонов 2013: 254, 338, 339) и произведения искусства из Мраморного дворца (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 46. Л. 101). Во второй половине 1920-х гг. характер комплектования Склада древностей начинает меняться. На хранение в подразделение поступает все больше материалов, полученных в результате текущих археологических исследований (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64. Л. 8, 8об., 9).

Хранение предметов на постоянной основе не входило в задачи Склада древностей, поэтому после изучения коллекции передавались в музеи. При передаче предметов сотрудники Склада древностей проверяли сдаваемые номера, составляли акт передачи и упаковывали передаваемые вещи. Большая часть материалов поступала в фонды Государственного Эрмитажа, отдельные коллекции и предметы передавались в Русский музей, Археологический кабинет при Ленинградском государственном университете, Морской музей, Академию художеств, Ленинградский Государственный музейный фонд и другие учреждения (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 70). В 1926 г. при участии сотрудников Склада древностей часть материалов из раскопок П. К. Козлова была выдана Г. И. Боровко для передачи в Ученый комитет Монголии (Там же. 1930 г. Д. 62. Л. 29).

Практиковалась также выдача во временное пользование материалов со Склада древностей для научных исследований сотрудников разрядов Академии и Института

Рис. 1. Экспозиция Склада древностей на «Выставке результатов работ Академии истории материальной культуры» (НА ИИМК РАН. ФО. Нег. II 23894)

Fig. 1. Repository of Antiquities' exposition at the "Exhibition of the Results of Works of the Academy for the History of material Culture" (Archive of IMHC RAS, Photographic Division, negative II 23894)

археологической технологии. Довольно часто для работы с предметами непосредственно в помещениях Склада древностей приезжали отечественные и иностранные ученые, а также представители музеев (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 64, 65, 70). Коллекции П. К. Козлова несколько раз передавались для экспонирования на временных выставках, посвященных его раскопкам в Монголии. Первая подобная выставка была организована в стенах РАИМК в 1925 г. (Там же. Л. 71). В январе 1929 г. 100 предметов из коллекции П. К. Козлова отправились на выставку древнекитайского искусства в Берлин (Yetts 1929; Кукина, Сутягина 2017).

Объем материалов, находившихся на Складе древностей, начал неуклонно уменьшаться с 1926 г. Это было обусловлено сокращением количества принимаемых на хранение предметов. Большая часть материалов, поступивших в разряды Академии из Археологической комиссии, была обработана сотрудниками подразделения к середине 1920-х гг. Новые коллекции, полученные в ходе текущих археологических работ, часто не регистрировались на Складе древностей, например, в отчете, посвященном итогам работы подразделения за десятилетний период, сообщается, что: «...желательно было бы, чтобы Производственное Собрание высказалось по вопросу о том, следует ли проводить все поступающие, хотя бы временно, в Академию коллекции через Склад Древностей для регистрации их. Такая постановка дела способствовала бы сосредоточению сведений о том, откуда поступили вещи и куда переданы (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. 1929 г. Д. 70. Л. 71)». Параллельно с падением общего количества принимаемых на хранение коллекций активизировалась передача ранее принятых материалов в музеи. Тем не менее к 1930 г. в Складе древностей оставалось

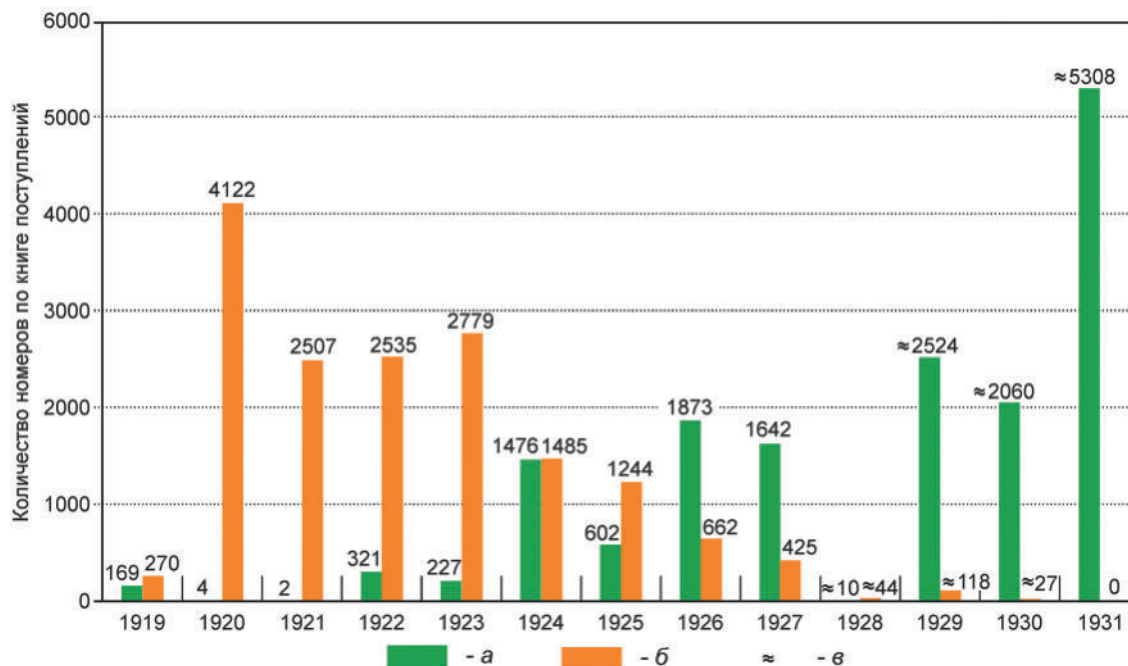

Рис. 2. Количество единиц хранения, поступивших в Склад древностей и переданных из его состава в музей с 1919 по 1931 г. (а — передано в музей; б — принято в Склад древностей; в — расчет произведен авторами)

Fig. 2. Number of items stored at the Repository of Antiquities that were transferred to museums from 1919 to 1931 (a — transferred to museums; б — received by the repository of Antiquities; в — calculated by the authors)

более половины предметов, поступивших на хранение за все время функционирования подразделения (рис. 2³).

Принципы хранения артефактов в Складе древностей достаточно подробно описаны в отчетной документации. После внесения в книгу поступлений все предметы снабжались этикетками и раскладывались по местам в соответствии с топографической системой, предусматривающей нумерацию витрин, шкафов, полок и коробок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55. Л. 12). Для обеспечения приемлемого режима хранения артефактов, среди которых находились древние ткани, найденные в ходе раскопок П. К. Козлова в Монголии, ежегодно заказывались разнообразные материалы, в частности, нафталин, листовой табак, коленкор, оберточная бумага (Там же. Л. 12). Участвовали сотрудники Склада древностей и в первичной консервации предметов, проводимой под руководством специалистов Института археологической технологии (Там же. 1929 г. Д. 70. Л. 69). Например, М. П. Румянцева с марта 1926 г. обучалась очистке, консервации и склеиванию керамики, производя опыты по приготовлению клеев и закрепителей под руководством М. В. Фармаковского (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 575. Л. 1).

Стоит также упомянуть и о дополнительных обязанностях, возложенных на сотрудников Склада древностей. Регистраторы подразделения активно участвовали в работе фотографического отдела, в том числе, они готовили заявки на фотофиксацию предметов и принимали участие в составлении каталогов и описей фотодокументов (НА ИИМК РАН.

³ Данные до 1927 г. включительно получены из отчетов Склада древностей (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 69–71). Показатели за 1928–1931 гг. рассчитаны авторами по «Указателю к книге поступлений Склада Древностей» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 64).

РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 65, 71). Параллельно с основной деятельностью Н. Э. Успенская в течение двух лет (с 1925 г.) проверяла каталог и вела наблюдение за инвентаризацией предметов музея Общества поощрения художеств, состоявшего при Академии истории материальной культуры (Отчет о деятельности... 1929: 26). Кроме того, на сотрудников Склада древностей были возложены некоторые хозяйственные функции, связанные с хранением, инвентаризацией, выдачей и приобретением инструментов и приборов, используемых в процессе раскопок (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 65). На хранении в Складе древностей находилось сложное и дорогостоящее оборудование, например, тахеометр, приобретенный в 1925 г. в Германии по линии Внешторга (Там же. 1930 г. Д. 62. Л. 28).

Отчет Склада древностей за 1928 г. зафиксировал беспрецедентно низкие показатели как по переданным в музей, так и по принятым на хранение предметам (рис. 2). Причиной тому, вероятно, стали кадровые проблемы, захлестнувшие подразделение. Все началось 13 июля 1928 г., когда из состава Склада древностей была выведена М. П. Румянцева. Спустя две недели в ночь с 28 на 29 июля 1928 г. ушел из жизни заведующий Складом древностей Б. В. Фармаковский (Фармаковская 1988: 190). В начале сентября 1928 г. ГАИМК понес еще одну существенную утрату, скончался академик Ф. И. Успенский (Лебедева, Якубовский 2004: 259). Последнее событие не имело прямого отношения к Складу древностей, однако смерть мужа сильно отразилась на здоровье и работоспособности Н. Э. Успенской. Уже осенью 1929 г. хранитель Склада древностей была переведена на соцстрах (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929 г. Д. 70. Л. 76), а в декабре оставила занимаемую должность по собственному желанию (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 320. Л. 4).

Таким образом, осенью 1929 г. в Складе древностей оставалось два опытных сотрудника: исполняющая обязанности хранителя Е. П. Столица и регистратор А. О. Григоль. Кадровый дефицит первоначально попытались компенсировать назначением С. П. Мизуч на место научно-технического сотрудника, но уже 1 января 1930 г. ее перевели в фотографический отдел. Весной 1930 г. от занимаемых должностей в Складе древностей были освобождены А. О. Григоль (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 62. Л. 4) и Е. П. Столица (Там же. Д. 303. Л. 4).

В дальнейшем все еще многочисленными коллекциями, хранившимися в составе подразделения, занималась специально созданная «Комиссия по ликвидации Склада Древностей». Решение о создании этой комиссии было принято 12 сентября 1930 г. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 65. Л. 3). Возглавила комиссию представитель ГАИМК В. В. Гольмстен, также от Академии в комиссию вошел В. И. Равдоникас, представителями Государственного Эрмитажа стали И. А. Орбели и М. И. Максимова. Русский музей представляли М. П. Грязнов и М. И. Артамонов, от Наркомпроса был делегирован Ф. М. Морозов (Там же. Д. 750. Л. 19).

Перед комиссией была поставлена задача по распределению коллекций Склада древностей по центральным и местным музеям, причем работу требовалось выполнить в срочном порядке (Там же. Д. 65. Л. 4). С 18 сентября по 8 октября 1930 г. комиссия оперативно провела семь заседаний. В результате был составлен «Проект распределения материалов из Склада Древностей ГАИМК». Большую часть коллекций рекомендовали передать в Государственный Эрмитаж, также в списках на распределение фигурировали Русский музей и несколько музеев Академии наук: антропологии и этнографии, Азиатский, Геологический, Зоологический и Комиссия истории знаний (Там же. Д. 750. Л. 19, 21–24).

В архивных материалах сохранились запросы от некоторых региональных музеев, претендовавших на отдельные коллекции Склада древностей. Например, Всеукраинский археологический комитет просил передать ему материалы раскопок Д. В. Милеева у Десятиной церкви в Киеве (Там же. Д. 750. Л. 5). Тихвинский музей пытался получить коллекции, собранные в «Тихвинском Крае» (Там же. Л. 25). В результате обсуждений комиссия приняла компромиссное решение, предусматривающее приоритетную передачу коллекций

в музее Ленинграда, которые в дальнейшем должны были самостоятельно распределять материалы по местным музеям (Там же. Л. 19).

После завершения работы комиссии в декабре 1930 г. началась массовая передача коллекций в музеи (Там же. Л. 30–52; 1931 г. Д. 763). Осуществляла данную процедуру В. В. Гольмстен совместно с представителями принимающих музеев, на которых выписывались специальные удостоверения. Последние артефакты покинули ГАИМК к середине 1930-х гг., вместе с ними навсегда исчезли из документов Академии и упоминания о Складе древностей.

Сотрудники Склада древностей РАИМК/ГАИМК провели огромную работу, которая позволила сохранить и передать на постоянное хранение в музеи десятки тысяч предметов. Первые годы деятельности Склада древностей (с конца 1919 по 1924) отмечены массовым приемом на хранение коллекций Археологической комиссии, распределенных при ее ликвидации по разрядам РАИМК. На следующем этапе работы подразделения (с 1925 до середины 1928) среди поступлений увеличивается доля предметов, полученных в ходе археологических экспедиций, проведенных сотрудниками Академии. Одновременно растет количество передаваемых в музеи коллекций. Со второй половины 1928 г. Склад древностей вступает в полосу кадрового кризиса, который начался после смерти Б. В. Фармаковского. В результате реорганизации Академии к середине 1930 г. все сотрудники Склада древностей были уволены, а оставшиеся на хранении материалы до середины 1930-х гг. распределили между музеями Ленинграда.

Подводя предварительные итоги, стоит отметить, что отдельные аспекты рассмотренной в статье тематики нуждаются в дополнительной разработке. Например, формат обзорной публикации не позволил детально описать работу Склада древностей в первые годы его функционирования. Без ответа остался вопрос о влиянии «чистки» сотрудников ГАИМК в 1929–1930 гг. на процесс ликвидации Склада древностей. Подробное исследование необходимо посвятить биографиям сотрудников подразделения. Наконец, особого внимания требует анализ перечня археологических коллекций, представленных в указателе к книге поступлений. Только детальное изучение обозначенных аспектов позволит полноценно вписать страницу о Складе древностей в общую историю академической науки.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО.

- Ф. 2. Оп. 1. 1928 г. Д. 55. Склад Древностей. 18 л.; 1929 г. Д. 70. Дело Склада Древностей. Переписка, акты и отчет. 89 л.; 1930 г. Д. 62. Склад Древностей. Описи, акты, списки актов с 1921 по 1930 гг. 44 л.; Д. 64. Указатель к Книге Поступлений Склада Древностей. 9 л.; Д. 65. О ликвидации Склада Древностей ГАИМК. 8 л.; Д. 750. Комиссия о ликвидации Склада Древностей (передача по актам). 52 л.; 1931 г. Д. 763. Описи коллекций и отдельных предметов, переданных в Гос. Эрмитаж из Склада Древностей Академии. 254 л.
- Ф. 2. Оп. 3. Д. 407. Манцевич Анастасия Петровна. Трудовой список. 9 л.; Д. 433. Мизуч София Павловна. Трудовой список. 27 л.; Д. 575. Румянцева Мария Петровна. Личное дело аспиранта Академии. 5 л.
- Ф. 2. Оп. 5. Д. 62. Григорь-Солнцева Анастасия Осиповна. Трудовой список. 5 л.; Д. 303. Столица Е. П. Трудовой список. 5 л.; Д. 320. Успенская Н. Э. Трудовой список. 6 л.
- Ф. 23. Оп. 1. Д. 46. Российская академия истории материальной культуры за 1919–1923 годы. 117 л.

Бобровская, Алёшкин 2013 — Бобровская Е. В., Алёшкин В. А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН // Носов Е. Н. (отв. ред.) Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.): Коллект. монография. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.

- Девель 1929 — *Девель Т. М.* Выставка результатов работ Академии за 1917–1927 гг. // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 217–240.
- Императорская археологическая... 2019 — Императорская археологическая комиссия и изучение Херсонеса Таврического // Мусин А. Е., Медведева М. В. (науч. ред.-сост.). Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы: Коллект. монография. СПб.: ИИМК РАН. Т. 1. С. 743–783.
- Кукина, Сулягина 2017 — *Кукина Д. А., Сулягина Н. А.* Коллекция находок из курганов Ноин-Улы (северная Монголия) на выставке в Берлине в 1929 году // Дьяков Н. Н., Матвеев А. С. (отв. ред.). Азия и Африка: Наследие и современность: Тр. XXIX Междунар. конгр. по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21–23 июня 2017 г.: Материалы конгр. СПб.: НП-Принт, 2017. Т. 1. С. 182–184.
- Кругликова 1970 — *Кругликова Т. И.* К 100-летию со дня рождения Б. В. Фармаковского // СА. 1970. № 1. С. 3–9.
- Лебедева, Якубовский 2004 — *Лебедева Г. Е., Якубовский В. А.* К истории изучения творческой биографии академика Ф. И. Успенского (Петроградско-Ленинградский период жизни Ф. И. Успенского) // Античная древность и Средние века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2004. Вып. 35. С. 255–265.
- Медведева 2021 — *Медведева М. В.* Академия истории материальной культуры и издание ноин-улинской коллекции. 1920-е гг. // Археология евразийских степей. 2021. № 5. С. 123–130.
- Отчет о деятельности... 1926 — Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 г. Составлен ученым секретарем Академии Б. В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1926. Т. 1. С. 3–36.
- Отчет о деятельности... 1929 — Отчет о деятельности Государственной Академии Истории Материальной Культуры с 1 октября 1925 по 1 октября 1926 г. Составлен ученым секретарем Б. В. Фармаковским // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 1–26.
- Пиотровский, Смирнова 1987 — *Пиотровский Б. Б., Смирнова Г. И.* Предисловие // *Манцевич А. П.* Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. С. 3–4.
- Рябкова 2014 — *Рябкова Т. В.* Три костяных псаля из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // АВ. 2014. Вып. 20. С. 205–215.
- Смирнов 2021 — *Смирнов Н. Ю.* Вещь в культуре: к интерпретации одной старой находки // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 92–107.
- Сулягина 2020 — *Сулягина Н. А.* Основные направления исследований археологической коллекции ноин-улинских курганов в 1924–1935 гг. // АВ. 2020. Вып. 30. С. 330–342.
- Тихонов 2013 — *Тихонов И. Л.* История российской археологии: формирование организационной структуры и деятельность научных центров в Санкт-Петербурге, XVIII — первая четверть XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 24.04.2013. 502 с.
- Тункина 2004 — *Тункина И. В.* Академик Н. П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // Медведев И. П. (ред.). Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 832 с.
- Тункина 2011 — *Тункина И. В.* Б. В. Варнеке и его воспоминания об ученых. А. Л. Бертье-Делагард // *Scripta antiqua.* Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2021. Т. 1. С. 435–467.
- Тункина 2016 — *Тункина И. В.* М. И. Максимова: парижские письма М. И. Ростовцеву (август 1928 г.) // ЗИИМК. 2016. № 14. С. 24–33.
- Устав ГАИМК 1926 — Устав Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Л.: Российская гос. академ. тип., 1926. 26 с.
- Устав РАИМК 1919 — Устав Российской Академии Истории Материальной Культуры. Пг.: Российская гос. академ. тип., 1919. 30 с.
- Фармаковская 1988 — *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев: Наукова думка, 1988. 216 с.
- Цыпкина 2021 — *Цыпкина А. Г.* Русские научные экспедиции в Трапезунд (1916, 1917 гг.). СПб.: Алетейя, 2021. 264 с.
- Yetts 1929 — *Yetts W. P.* Chinese art in Berlin // *The Burlington Magazine for Connoisseurs.* 1929. Vol. 54, no. 312 (Mar., 1929). P. 128, 132–135, 139.

**REPOSITORY OF ANTIQUITIES IN THE STRUCTURE
OF THE RUSSIAN/STATE ACADEMY FOR THE HISTORY
OF MATERIAL CULTURE.
A HISTORY OF AN AUXILIARY SCIENTIFIC INSTITUTION (1919–1930)**

K. V. KONONCHUK, D. S. FILIMONOVA

Keywords: *Repository of Antiquities, Russian/State Academy for the History of Material Culture, Scholarly archive, archaeological collections, history of archaeology.*

The paper deals with the history of the Repository of Antiquities, an auxiliary scientific unit that functioned as a part of the Russian (subsequently State) Academy for the History of Material Culture (RAHMC/SAHMC) from 1919 through 1930. The analysis of documents from the Scholarly Archive of IMHC RAS allows to detect the reasons for the unit's creation, to describe its personnel and to distinguish three stages of its history. It has been established that the unit was created with the purpose of systematization of archaeological collections coming to the Repository from different divisions of the Academy and their subsequent transfer to museums. The staff of the Repository of Antiquities consisted of a director, a custodian and two or three record clerks. The early stage of the Repository activity (until 1924) witnessed a mass accession of collections from different divisions of the Academy. The second stage (since 1925) is characterized by the dominance of materials obtained by the staff of RAHMC in the course of their fieldwork. In addition, it was during this stage that the transferring of collections for permanent preservation to museums intensified (fig. 2). On the last stage of its existence (since the middle of 1928) the Repository of Antiquities faced a serious personnel crisis, and in late spring of 1930 it was disestablished. The collections that remained at SAHMC were distributed among museums by a special Commission for the Closure of the Repository of Antiquities.

С. А. СЕМЁНОВ-ЗУСЕР И ТАМАНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГАИМК¹

Ю. А. ВИНОГРАДОВ²

Ключевые слова: история науки, античная археология, Таманская экспедиция, Зеленской курган.

В статье проанализированы документы Научного архива ИИМК РАН, касающиеся участия С. А. Семёнова-Зусера в Таманской экспедиции ГАИМК 1930–1931 гг. Они позволяют признать, что его деятельность в составе экспедиции не дала положительного результата. Однодневная разведка на знаменитом Зеленском кургане оказалась бесполезной, она даже не обозначила перспективы изучения больших боспорских курганов в будущем.

DOI: 10.31600/2310-6557-2023-28-170-179

Имя Семёна Анатольевича Семёнова-Зусера (1887–1951) хорошо известно в отечественной науке³, в первую очередь благодаря его трудам по скифской проблематике (Семёнов-Зусер 1931г; 1939а; 1939б; 1947). Вместе с тем жизненный путь этого человека исследован еще очень слабо. По существу мы можем судить о нем только на основании заметок в литературе справочного характера (Скаба 1972: 82; Мезенцева 1997: 124, 125; Мысляков 2001: 442, 443; Тункина 2008: 746), а также некролога, подготовленного Б. А. Шрамко, учеником С. А. Семёнова-Зусера (Шрамко 1952). Нет сомнения, что архивы стран бывшего Советского Союза хранят немало материалов, позволяющих осветить многие обстоятельства его жизни и исследовательской деятельности, о которых широкая научная общественность в наши дни практически не осведомлена (см. Скирда, Чернігова 2001). Например, мы совсем недавно узнали, что во время Великой Отечественной войны, когда Харьковский государственный университет (в нем С. А. Семёнов-Зусер с 1937 г. трудился профессором) был эвакуирован в Кызыл-Орду (Казахстан), Семён Анатольевич составил там обстоятельный научный труд «Древний Казахстан» (Абсеметов 2017). В то же время в печати появилась информация, что по его доносу в конце 1929 г. отправился в тюрьму Ю. Г. Оксман, известный литературовед и историк (Фролов 2011: 433, 434). Понятно, что без проверки документов по этому делу поддерживать столь серьезное обвинение ни в коем случае нельзя. Однако хорошо известно, что в 1931 г. С. А. Семёнов-Зусер выступил с докладом, в котором Б. В. Фармаковский, умерший за три года до этого, был объявлен апологетом буржуазной археологии (Виноградов 2013: 168). Думается, что приведенных фактов достаточно, чтобы представить себе, насколько сложным и неоднозначным был этот человек.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «А. А. Миллер и Таманская экспедиция ГАИМК (история, исследовательская деятельность, значение для современной науки)» 20-09-00180 А.

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Санкт-Петербург, 191186, Россия.

© Виноградов Ю. А., 2023.

³ Привычная огласовка имени исследователя является псевдонимом. На самом деле его звали Зусер Семен (Соломон) Нафтальевич (Мысляков 2001: 442).

Материалы о С. А. Семёнове-Зусере имеются в Научном архиве ИИМК РАН, и они, надо признать, тоже проливают свет на личность этого человека с несколько неожиданной стороны. Моя публикация посвящена лишь одному их аспекту, связанному с деятельностью Таманской экспедиции ГАИМК, во главе которой стоял выдающийся археолог А. А. Миллер. Экспедиция была создана в 1930 г., тогда же она провела разведочные исследования на полуострове, а масштабные работы были запланированы на перспективу — 1931–1933 гг. и далее.

Следует отметить, что научный проект, связанный с систематическим исследованием археологических памятников Таманского полуострова, сразу вызвал большой интерес у С. А. Семёнова-Зусера. К тому времени он имел опыт руководства археологическими раскопками в Ольвии в 1920–1921 гг. (Семёнов-Зусер 1931в). В 1930 г. начались его исследования каменных ящиков Крыма, которые Семён Анатольевич упорно называл мегалитами (Семёнов-Зусер 1931а; 1931б; 1940).

В то время он работал в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ), возглавляя Отдел доисторической археологии. Во всяком случае, так должность Семёна Анатольевича была обозначена в официальном письме из МАЭ, направленном в ГАИМК 11 июня 1930 г. В этом же письме сообщалось, «что из сумм, числящихся за Отделом доисторической археологии, может быть ассигновано на работы по изучению древнейших культур на Тамани 500 р.». В связи с этим предлагалось «определить долю участия Отдела в работах ГАИМК на Тамани» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 11). Надо отметить, что смета Таманской экспедиции составляла 3447 руб. (Там же: Л. 9), и прибавка в 500 руб. выглядела достаточно солидной. Несмотря на такой соблазн, у А. А. Миллера возникли немалые сомнения в целесообразности расширения экспедиции. По этому поводу он информировал руководство ГАИМК 16 июля 1930 г.:

«После того, как мною сделан был в разряде Причерноморья доклад по общему перспективному плану исследований на Таманском полуострове и о конкретных задачах экспедиции на 1930 год, ко мне обратился С. А. Семёнов-Зусер с указанием на желательность уже в этом году не ограничиваться обследованиями, а произвести в каком-либо пункте полуострова и раскопки, причем он добавил, что в этом случае можно было бы со стороны МАЭ получить некоторую сумму, примерно около 1000 рублей, или даже несколько более. К этому предложению я отнесся с осторожностью, указав С. А. Семёнову-Зусеру на все невыгоды нарушения единства, общего плана введением особого предприятия, и что в интересах дела желательно было бы увеличить средства экспедиции на исполнение уже определенных задач. С. А. Семёнов-Зусер, не разделяя, по-видимому, такой точки зрения, сказал, что по этому вопросу он считает необходимым переговорить с Ф. В. Кипарисовым. В последствие я признал, что С. А. Семёнов-Зусер действительно обращался к заместителю председателя ГАИМК с предложением усилить средства Таманской экспедиции дополнительным ассигнованием со стороны МАЭ, но что Ф. В. Кипарисов, признавая в общем это желательным, тогда же указал на необходимое для этого условие — единство плана и руководства экспедицией.

При окончательном рассмотрении личного состава и сроков работ экспедиции Ф. В. Кипарисовым мне было указано на то, что дополнительное ассигнование со стороны МАЭ выражается в сумме 500 рублей, причем сам С. А. Семёнов-Зусер в составе экспедиции предполагает пробыть около двух недель. Приблизительно в это же время ко мне обратился н. сотр. ГАИМК А. В. Шмидт, сообщивший мне, что он получил со стороны С. А. Семёнова-Зусера приглашение принять участие в Таманской экспедиции, чем я лично был поставлен в очень трудное положение. По поручению Ф. В. Кипарисова,

мною составлена была особая смета на 500 рублей, в которой были предусмотрены расходы по поездке на Тамань и н. сотр. тов. Карасёва. На обращение ГАИМК в МАЭ о переводе 500 р. на усиление средств Таманской экспедиции, сколько мне известно, никакого ответа не последовало» (Там же: Л. 42).

Действия С. А. Семёнова-Зусера, которые вполне можно назвать самовольными, у А. А. Миллера, как видим, сразу вызвали опасения. К тому же обещанная финансовая поддержка со стороны МАЭ оказалась пустой декларацией. Несмотря на это Семён Анатольевич все-таки был включен в состав группы античных специалистов Таманской экспедиции, в которую помимо него вошли Г. И. Боровка, Т. Н. Книпович и А. Н. Карасёв. Предполагалось, что эти специалисты будут сначала работать в районе ст. Сенной и затем выезжать для выполнения отдельных поручений в другие отряды (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 98об.). Приходится констатировать, что архивные материалы ничего не сообщают о конкретной работе С. А. Семёнова-Зусера в Таманской экспедиции 1930 г. Очень может быть, что он вообще не смог появиться на берегах Керченского пролива. Тем не менее в 1931 г. он вновь был включен в состав экспедиции (Там же. 1931 г. Д. 777. Л. 42), получил аванс в 200 руб. (Там же: Л. 44) и вскоре проинформировал ученого секретаря ГАИМК, что 14 июля выезжает из Ленинграда «для участия в работах Таманской экспедиции» (Там же: Л. 112). На сей раз поездка действительно имела место.

Работы С. А. Семёнова-Зусера, как можно понять из имеющихся документов, были нацелены на изучение курганов Таманского полуострова. Основным его интерес был сосредоточен на знаменитом Зеленском кургане, раскопанном В. В. Шкорпилом в 1912 г. и давшем замечательные археологические находки (Шкорпил 1916: 22–33; Ростовцев 1925: 290–292; Гайдукевич 1949: 132; Уильямс, Огден 1995: 178, 179; Власова 2010: 245–247; Виноградов 2017: 211–213; Gajdukevič 1971: 150, 151; Pfrommer 1990: 286). Огромная научная значимость этого памятника вполне очевидна, и его исследование, конечно, имело смысл.

Чем был вызван интерес С. А. Семёнова-Зусера именно к этому боспорскому кургану, трудно сказать. Стоит отметить, однако, что позднее он посвятил публикацию Краснокутским курганам, подчеркивая важность изучения скифских царских гробниц в свете марксистско-ленинской теории. Исследователь писал по этому поводу: «Только при этих условиях (анализе имеющихся фактов с марксистских позиций. — Ю. В.) возможно уже сейчас вплотную подойти к тщательному исследованию хотя бы виднейших курганов на территории Северного Причерноморья и объединению их в *Corpus tumulorum*, время для составления которого давно пришло» (Семёнов-Зусер 1939а: 88). Декларируя цель, к воплощению которой на практике стремился М. И. Ростовцев (Ростовцев 1925: IV), Семён Анатольевич был, конечно, полностью прав, хотя никак не обозначил роли своего предшественника. Кто знает, может быть, и в изучении Зеленского кургана он видел один из первых шагов в обозначенном направлении, вот только составленный им отчет об исследованиях 1931 г. может свидетельствовать о чем угодно, но только не о серьезности его намерений.

Приведу этот отчет без всяких сокращений.

«7-го августа мною совместно с сотруд. Таман. арх. эксп. А. Н. Карасёвым и прикомандиров. рабочим т. Чернономорченко было произведено обследование Зеленского кургана, находящегося в 8 км в южном направлении от станицы Таманской и частично раскопанного в 1910 г. В. В. Шкорпилом⁴.

⁴ В 1910 г. в кургане было обнаружено только место тризны, или «жженная гробница» (Виноградов 2017: 211), основные работы на памятнике развернулись в 1912 г.

По прибытии на место кургана нами было обнаружено следующее: курган, находящийся на горе того же названия, был в значительной степени разрушен и изрыт со всех сторон огромными ямами, произведенными, гл. обр., местными кладоискателями. Особенно пострадала южная сторона кургана — место раскопок 1910 г. Из этой части кургана, прорытой траншеи, оставленной В. В. Шкорпиллом, по словам крестьян, извлекались каменные плиты от скрытого якобы в этом месте каменного склепа⁵. Однако таких следов грабежа нами не было замечено, так как весь курган был затянута высокой травой над выброшенной землей.

Для производства работ, тем самым <для> исследования кургана, необходимы длительные и организованные технически раскопки, которые особой срочностью не вызываются.

Попутно с Зеленским курганом нами были обследованы в восточном направлении курганы близ группы курганов т. н. „Раскопана могила“, начиная от небольшого кургана, вскрытого и недоконченного в 1929 г. Войцеховским. Из 5 осмотренных весьма бегло, ввиду позднего времени, курганов оказалось, что 2 из них засеяны хлопком и значительно распаханы, остальные (в том числе и курган Войцеховского) пока не тронуты запашкой. Эти курганы приблизительно высотой от 2–3 м, по нашему мнению, должны быть исследованы в текущем году, так как весной они подвергнутся запашке и засадке хлопком. Курганы находятся сейчас в сравнительно хорошем состоянии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. Л. 82, 83).

Вот и все, что С. А. Семёнов-Зусер смог сообщить о своих полевых работах 1931 г. Сразу можно признать, что они не дали сколько-нибудь значительного научного результата. Исследователю не удалось провести систематические раскопки ни на одной из названных выше курганных насыпей. В первую очередь, на мой взгляд, следовало бы исследовать курган, вскрытый С. Ф. Войцеховским в 1929 г.⁶ Однако этого сделано не было, исследователь даже не потрудился составить схему расположения обнаруженных насыпей, хотя она могла бы быть полезной при проведении археологических работ в будущем.

Совсем неудивительно, что начальник Таманской экспедиции в письме, направленном Н. Я. Марру 16 августа 1931 г.⁷, дал С. А. Семёнову-Зусеру весьма нелестную характеристику.

«Что касается участия в экспедиции С. А. Семёнова-Зусера, что решено было Президиумом уже после установления главных сотрудников экспедиции, то я возражал против этого назначения, не видя по плану наших работ возможности целесообразного использования этого работника. В составе экспедиции он пробыл недолго, выехав по телеграмме из Ленинграда. Все было бы более или менее сносно, но в последний день у нас с Семёновым-Зусером произошел весьма неприятный разговор и — на денежной почве. По договоренности в Ленинграде с С. Н. Быковским и В. К. Сухотиной — С<емёнов>-Зусер, имеющий еще ассигнования от Академии наук для работ в Крыму, должен был получить от Таманской экспедиции средства на оплату только проезда в один конец. Семёнов-Зусер, которому все это было хорошо известно еще в Ленинграде,

⁵ В 1912 г. в кургане была обнаружена каменная гробница, перекрытая каменными плитами, в которой был погребен знатный воин с богатым набором сопровождающего инвентаря.

⁶ Директор Темрюкского музея Сергей Францевич Войцеховский активно включился в работы Таманской экспедиции ГАИМК. Он трагически погиб при проведении полевых исследований 8 марта 1931 г. (Лунин 1932).

⁷ Выражаю благодарность Е. Г. Застрожной, обратившей мое внимание на этот документ.

обратился здесь ко мне вновь с заявлением об оплате ему двух проездов и суточных с момента его отъезда из Ленинграда и за время его пребывания в Одессе (?). Я отказал, но в беседе удалось установить, что Семёнов-Зусер получил уже 200 руб. непосредственно в Академии на расходы по участию в Таманской экспедиции⁸. Я пытался доказать Семёнову-Зусеру, что не только экспедиция ему ничего не должна, но что от полученных 200 руб. в Академии у него, по моему точному подсчету, должен оказаться остаток в 32 руб., который необходимо будет возратить в кассу ГАИМК при отчете. Этим все здесь и кончилось, но учитывая всю степень раздражения Семёнова-Зусера, я опасаясь разнообразных и неприятных продолжений, во избежание же каких-либо помех или лишних для экспедиции затруднений и потрясений, я спешу Вас об этом своевременно уведомить» (СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-574. Л. 9, 10).

Возможно, об этом конфликте «в денежных расчетах» упоминал в своих мемуарах Б. Б. Пиотровский, принимавший участие в Таманской экспедиции 1931 г. (Пиотровский 2009: 102).

Несмотря на все это, сотрудничество А. А. Миллера с С. А. Семёновым-Зусером продолжалось. На собрании сотрудников Таманской экспедиции ГАИМК, прошедшем 29 декабря 1931 г., Александр Александрович подвел итоги полевого сезона и обозначил круг работ, которые должны были выполнить участники проекта в ближайшей перспективе. Такая задача была поставлена и С. А. Семёнову-Зусеру, при этом особое внимание было обращено на обработку разведочных материалов, полученных на Зеленской горе (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 186). Однако если эти разведочные материалы ограничивались «отчетом», приведенным выше, то особого результата от исследовательской работы Семёна Анатольевича ждать не приходилось. Складывается впечатление, что очень верную характеристику этому человеку дал В. А. Городцов, записавший в своем дневнике 1938 г.: «Семёнову-Зусеру я имею основания не доверять. Он много обещает, но очень и очень мало из обещанного исполняет: лжив маленько!» (Городцов 2015: 219).

Однако в 1932 г. С. А. Семёнов-Зусер был вновь включен в состав античной группы Таманской экспедиции ГАИМК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1932 г. Д. 26. Л. 11). Тогда предполагалось продолжить раскопки памятников, начатые в предыдущем году в Тамани, Фанагории и коммуне «Искра», то есть в Патрее (Там же. Д. 87. Л. 51, 61). Из этой затеи, как известно, ничего не получилось, поскольку Таманская экспедиция вообще была ликвидирована (Там же), а А. А. Миллер вскоре был арестован и осужден.

После этого в жизни Семёна Анатольевича произошли серьезные перемены. Ленинградский археолог Д. Н. Лев сообщал В. А. Городцову в письме от 2 апреля 1933 г., что С. А. Семёнов-Зусер был отчислен из МАЭ и, «очевидно, будет работать в Эрмитаже» (Кузьминых, Белозёрова 2014: 236). Однако все пошло совсем не так, и бывшему музейному хранителю пришлось перебраться в Харьков, где с 1937 г. он возглавил кафедру древней истории Харьковского государственного университета. Тогда в судьбе исследователя начались наиболее плодотворные годы (Шрамко 1952: 109).

⁸ Еще раз отмечу, что документы Научного архива ИИМК РАН подтверждают, что С. А. Семёнов-Зусер получил в ГАИМК аванс, который составлял 200 руб. (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1931 г. Д. 777. Л. 44). Стоит обратить внимание, что другие сотрудники экспедиции получили авансы больших размеров, к тому же фамилия С. А. Семёнова-Зусера в платежную ведомость была вписана карандашом, то есть оказалась в ней, так сказать, дополнительно.

Источники и литература

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1. 1930 г. Д. 118. 101 л. 1931 г. Д. 777. 337 л. 1932 г. Д. 26. 50 л. Д. 87. 115 л. СПБФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. В-574.

Абсеметов 2017 — *Абсеметов М.* Харьковский исследователь древностей Казахстана (о Семёне Анатольевиче Семёнове-Зусере) // Вестник Томского ГУ. 2017. № 416. С. 30–35.

Виноградов 2013 — *Виноградов Ю. А.* Отдел истории античной культуры // Носов Е. Н. (отв. ред.-сост.). Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов 2017 — *Виноградов Ю. А.* Культура боспорской элиты при Спартокидах // Зинько В. Н. (отв. ред.). Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени. Керчь: Керченская городская типография, 2017. С. 112–223 (БИ. Вып. 34).

Власова 2010 — *Власова Е. В.* Древности эллинские и местные // Бонгард-Левин Г. М. (гл. ред.). Античное наследие Кубани. М.: Наука, 2010. Т. 3. С. 199–262.

Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 622 с.

Городцов 2015 — *Василий Алексеевич Городцов.* Дневники 1928–1944. М.: Триумф пресс, 2015. Т. 2. 694 с.

Кузьминых, Белозёрова 2014 — *Кузьминых С. В., Белозёрова И. В.* Переписка В. А. Городцова и Д. Н. Льва (1933–1941 гг.) // *Stratum plus.* 2014. № 1. С. 229–294.

Лунин 1932 — *Лунин Б. В.* Сергей Францевич Войцеховский // Сообщения ГМИИ. 1932. Вып. 3–4. С. 64–65.

Мезенцева 1997 — *Мезенцева Г. Г.* Дослідники археології України. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. 205 с.

Мысляков 2001 — *Мысляков В. А.* (ред.). Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. 638 с.

Пиотровский 2009 — *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. М.: Изд. дом «Руда и металлы», 2009. 304 с.

Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л.: Ленинградский гублит, 1925. VI, 621 с.

Семёнов-Зусер 1931а — *Семёнов-Зусер С. А.* Долмены в Крыму. К вопросу о циклопических памятниках в СССР // Вестник знания. 1931. № 15–16. С. 809–812.

Семёнов-Зусер 1931б — *Семёнов-Зусер С. А.* К вопросу о мегалитических памятниках // Природа. 1931. № 5. С. 479–506.

Семёнов-Зусер 1931в — *Семёнов-Зусер С. А.* Отчёт о раскопках в Ольвии в 1920–21 гг. Л.: б. и., 1931. 21 с. (Известия ГАИМК. Т. 10, вып. 5).

Семёнов-Зусер 1931г — *Семёнов-Зусер С. А.* Родовая организация у скифов Геродота. Л.: б. и., 1931. 34 с. (Известия ГАИМК. Т. 10, вып. 1).

Семёнов-Зусер 1939а — *Семёнов-Зусер С. А.* Краснокутские курганы (к вопросу о *Corpus tumulorum*) // Ученые записки Харьковского ГУ. 1939. № 15. С. 63–88.

Семёнов-Зусер 1939б — *Семёнов-Зусер С. А.* Скіфи-кочовники на території Північного Причорномор'я // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1939. № 1. С. 155–217.

Семёнов-Зусер 1940 — *Семёнов-Зусер С. А.* Таврские мегалиты (из материалов Крымской археологической экспедиции Академии Наук СССР) // Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту. 1940. Т. 5. С. 115–161.

Семёнов-Зусер 1947 — *Семёнов-Зусер С. А.* Опыт историографии скифов. Ч. 1. Скифская проблема в отечественной науке 1692–1947. Харьков: Изд-во Харьковского ГУ, 1947. 192 с.

Скаба 1972 — *Скаба А. Д.* (відп. ред.). Радянська енциклопедія історії України. Київ: АН УРСР, 1972. Т. 4. 573 с.

Скирда, Чернігова 2001 — *Скирда В. В., Чернігова Н. В.* Архівні матеріали професора С. А. Семенова-Зусера // Археологічний літопис Лівобережної України. 2001. Ч. 2. С. 170–171.

- Тункина 2008 — Тункина И. В. Биографический словарь-указатель // Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М.: Индрик, 2008. С. 477–821.
- Уильямс, Огден 1995 — Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV века до н. э. СПб.: Славия. 1995. 272 с.
- Фролов 2011 — Фролов М. «Вынужден вновь напомнить о себе и своём деле...». История ареста, заключения и реабилитации Ю. Г. Оксмана (1936–1958) // Вопросы литературы. 2011. Март–апрель. С. 431–472.
- Шкорпил 1916 — Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // Известия ИАК. 1916. Вып. 60. С. 7–35.
- Шрамко 1952 — Шрамко Б. А. Памяти проф. С. А. Семёнова–Зусера // КСИА АН УССР. 1952. Вып. 1. С. 108–109.
- Gajdukevič 1971 — Gajdukevič V. F. Das Bosporianische Reich. Berlin: Akademie Verlag, 1971. 604 S.
- Pfrommer 1990 — Pfrommer M. Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen: Ernst Wasmuth Verlag, 1990. 470 S.

S. A. SEMENOV-ZUSER AND THE TAMAN EXPEDITION OF THE STATE ACADEMY FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

YU. A. VINOGRADOV

Keywords: *history of science, classical archeology, Taman Expedition, Zelenskoï barrow.*

The paper analyzes the documents concerning S. A. Semenov-Zuser's participation in the Taman expedition of State Academy for the History of Material Culture in 1930–1931. The documents suggest that his activity as a member of this expedition failed to produce a positive result. One-day reconnaissance on the famous Zelenskoï barrow proved to be useless, without even outlining perspectives for the future study of big Bosporian barrows.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
АН — Академия наук
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь
БРЭ — Большая Российская энциклопедия. М.
БС — Боспорский сборник. М.
ВАС — Всероссийский археологический съезд
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВНК — Всероссийская научная конференция
ГАИМК/РАИМК — Государственная/Российская академия истории материальной культуры. Пг./Л.
ГАН — Государственные академии наук
ГИМ — Государственный исторический музей. М.
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
ГПУ — Государственный педагогический университет
ГУ/НУ — Государственный/Национальный университет
ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
ДБ — Древности Боспора. М.: Институт археологии Российской академии наук
ЗИИМК — Записки Института истории материальной культуры
Российской академии наук. СПб.
ИА — Институт археологии
ИАК — Императорская Археологическая комиссия. СПб.
ИВ — Институт востоковедения
ИВИ — Институт всеобщей истории. М.
ИИМК — Институт истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук. М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Академии наук СССР
Л. — Ленинград
ЛГУ/СПбГУ — Ленинградский/Санкт-Петербургский государственный университет
М. — Москва
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАО — Московское археологическое общество
МАЭ — Музей антропологии и этнографии. СПб.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МДиС — Материалы докладов и сообщений
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- МК — многокамерный
ММНК — Материалы международной научной конференции
МНК — Международная научная конференция
НА — Научный архив
НАН — Национальная академия наук
НВМ — Новый Верхний Митридатский раскоп
НИЦ ИА — Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма.
Симферополь
ОАК — Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОЛЕАЭ — Императорское Общество любителей естествознания, антропологии
и этнографии. М.
ОРТЗ — Общество распространения технических знаний. М.
Пг. — Петроград
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск;
Новосибирск
ПМ — Политехнический музей. М.
погр. — погребение
пос. — поселение
РА/СА — Российская/Советская археология. М.
РАН — Российская академия наук
РГУ — Российский государственный гуманитарный университет. М.
РИМ — Российский исторический музей. М.
РИЦ — Редакционно-издательский центр
РО — Рукописный отдел
РОССПЭН — Российская политическая энциклопедия. М.
РТО — Русское техническое общество. СПб.
САИ — Свод археологических источников. М.; Л.
Сб. — сборник
СПб. — Санкт-Петербург
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТД — Тезисы докладов
ТДиС — Тезисы докладов и сообщений
Тр. — Труды
УССР/УРСР — Украинская Советская Социалистическая Республика/Українська
Радянська Соціалістична Республіка
ФНИ — Фундаментальные научные исследования
ФО — Фотоотдел
ХС — Херсонесский сборник. Севастополь: Херсонесский музей
ЦАИ БФ — Центр археологических исследований благотворительного фонда
«Деметра». М.
ИНМС — Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg
ЛМС — Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich; München: Artemis
RAS — Russian Academy of Sciences
RE — Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 28**

Главный редактор: В. А. Лапшин

Корректор: Г. А. Седова

Верстка: Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Учредитель: Институт истории материальной культуры РАН
Адрес издателя и редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, каб. 311
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; zapiski@archeo.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-36835 от 14.07.2009,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс ПМ290 по Электронному каталогу Почты России

Подписано в печать 07.07.2023. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21. Тираж 300 экз. Заказ 711.
Дата выхода из печати 31.07.2023

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134
Тел. +7 (981) 699-6595
E-mail: 9450922@gmail.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

Цена свободная

